

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*Материалы конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, май 2020 г.)*

Пермь 2020

УДК 80
ББК 1.1/2+83
П781

Проблемы филологии глазами молодых исследователей
П781 [Электронный ресурс] : материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Пермь, май 2020 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – 2,37 Мб ; 158 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2020.pdf. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3570-2

В сборнике публикуются материалы докладов участников конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проведенной на базе филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 80
ББК 81.1/2+83

*Издается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственный за выпуск *Д. А. Сухоева*

ISBN 978-5-7944-3570-2

© ПГНИУ, 2020

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 070.1

Десяткова Ксения Дмитриевна,
магистрант Высшей школы
журналистики и массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет,
KsenyaDesyatkova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАМАТЕРИАЛОВ ИЗДАНИЯ «WASHINGTON POST», СОЗДАНЫХ РОБОТИЗИРОВАННЫМИ СИСТЕМАМИ: СМОГУТ ЛИ РОБОТЫ ЗАМЕНИТЬ ЛЮДЕЙ-ЖУРНАЛИСТОВ?

В работе проводилось исследование специфических особенностей контента, созданного роботизированными системами, в издании «Washington Post». Были определены основные темы и жанры, в рамках которых алгоритмы создают медиаматериалы, лингвистические особенности текстов и особенности их функционирования в медиа. Также выявлены преимущества и недостатки материалов, которые были созданы людьми-журналистами.

Ключевые слова: автоматизированная журналистика; алгоритмическая журналистика; роботизированные системы; Washington Post.

В последние десять лет появились алгоритмы, способные за доли секунды преобразовать факты в связный законченный текст. Это ознаменовало рождение роботизированной журналистики. Сейчас работниками новостных агентств становятся не только люди, но и роботы. Помимо большой потенциальной экономии затрат на рабочую силу, эти роботы-журналисты редко упускают факты, никогда не устают и, если запрограммированы с установкой на объективность, свободны от личных предубеждений.

Вместе с исследованиями в области применения компьютерных технологий для написания журналистских текстов развивается и анализ процесса их использования в СМИ, чему и посвящена настоящая работа.

В набор исследуемых медиатекстов вошли 116 материалов «Washington Post», опубликованных в период с 15.05.2019 по 15.11.2019.

Для изучения поставленной проблемы необходимо определить круг терминов. Зарубежные авторы апеллируют следующим терминологическим аппаратом: «computational journalism, robot journalism, automated journalism, algorithmic journalism» [Dörr 2016: 2]. В российской науке пока не существует аналогичного круга терминов, поэтому мы будем использовать кальки с английского языка для обозначения тех или иных явлений.

Термин «computational journalism» («вычислительная журналистика») начинает фигурировать в научных работах с 2009 г. [Hamilton 2009: 28]. «Computational journalism» в интерпретации исследователей означает комбинацию

алгоритмов, данных и знаний в сфере общественных наук. В данном случае речь идет о журналистике, которая основывается на статистических данных и использует их базы для подготовки аналитических материалов различной тематики.

В 2012 г. датский ученый Аръен ван Дален впервые использует термин «robot journalism» («роботизированная журналистика») [Van Dalen 2012: 650]. «Robot journalism» обозначает процесс подготовки журналистских материалов, включающий в себя сбор, обработку, анализ и распространение информации в виде законченного текста, которая полностью выполняется машиной (роботом). В основе любой роботизированной системы лежит определенный алгоритм выполнения поставленной задачи, который реализуется посредством специального программного обеспечения. Отсюда появление таких терминов как *automated journalism* (автоматизированная журналистика) и *algorithmic journalism* (алгоритмическая журналистика). В данной работе мы и будем оперировать этими понятиями.

Современные роботизированные системы, применяемые в журналистике, «варьируются от простой программы, которая извлекает числа из базы данных, используемые для заполнения пробелов в заранее написанных шаблонных текстах, до более сложных алгоритмов, которые анализируют данные, чтобы получить дополнительную информацию и с ее помощью создать более убедительную аргументации в материалах» [Latar 2015: 68].

Процесс работы любого алгоритма для создания текста проходит в три этапа. Сначала программное обеспечение собирает доступные данные. После алгоритм классифицирует выявленные идеи по важности и упорядочивает заслуживающие внимания элементы, следуя predetermined правилам для создания повествования. Наконец, текст может быть загружен в систему управления и автоматически опубликован.

Во время этого процесса программное обеспечение опирается на набор правил. Обычно они определяются совместно инженерами, журналистами и компьютерными лингвистами. Кроме того, экспертам предметной области необходимо определить критерии актуальности для новостей, в соответствии с которыми алгоритм ищет интересные события и ранжирует их по важности. Наконец, компьютерные лингвисты используют образцы текстов для выявления лежащей в их основе семантической и структурной логики для перевода ее в систему правил, по которым будут строиться предложения. Если такие образцы текстов отсутствуют, обученные журналисты предварительно пишут текстовые модули и образцы статей с соответствующими рамками и языком и корректируют их в соответствии с редакционной политикой издательства.

Автоматизированные новости феномен не XXI в., они появились почти полвека назад в области прогнозирования погоды. Программное обеспечение брало выходные данные моделей прогнозирования погоды (например, скорость ветра, осадки, температура), расставляло приоритеты по важности (например, является ли значение выше или ниже определенного порогового уровня) и ис-

пользовало около восьмидесяти заранее написанных фраз для создания прогнозов погоды.

Сейчас спектр тем материалов, создаваемых роботизированными системами, широк: сводки о погоде и пробках на дорогах, криминальные сводки, финансовые, общественно-политические, спортивные новости, ежедневные дайджесты, рейтинговые списки, списки исторических событий, некрологи. При этом многие темы, требующие анализа, интерпретации информации и прогнозирования, не доступны алгоритмам.

Обзор материалов показал, что роботизированные системы создают тексты только в рамках информационных жанров. Это новостная заметка, инфоотчет, некролог и список основных событий за определенный период. Как видим, спектр жанров, в рамках которых системы способны создавать тексты, небольшой, главными недостаткам этих жанров являются их однонаправленность и отсутствие аналитичности. Таким образом, сложные мыслительные процессы, которые необходимы для создания материалов в рамках аналитических и публицистических жанров, предполагающие построение логических связей, проведение аналогий, сравнений и других подобных операций, не подвластны алгоритмам. Это становится безусловным преимуществом людей-журналистов.

Структура текстов однотипна: это логично развертывающаяся цепочка фактов, фиксируемых в материале. Сначала обозначается место действия, как правило, город или страна, затем действующее лицо (лица) / объект с обязательным указанием на источник сообщения, после говорится о заявлении, действии, состоянии этого объекта и определяется время (иногда этот параметр представляется сразу после упоминания места действия). В следующих предложениях пишется о последствиях происходящего или о том, что стало причиной предшествующих событиях. Каких-либо комментариев, оценок или прогнозов не дается.

Разберем по этой схеме новостную заметку опубликованную изданием «The Washington Post» 7 ноября 2019 г.: «WASHINGTON (место действия) – Wednesday’s (время) start of public impeachment hearings in Congress (действующие лица) marked the first time that the American public could watch and listen to the witnesses whose testimony is at the core of the Democrats’ investigation (событие)... Some key takeaways from the first public witnesses, George Kent and William Taylor: TRUMP PUSHED FOR BIDEN INVESTIGATION (основные последствия)» [The Washington Post 2019].

Представленная структура и границы жанров позволяют сообщить читателю новое знание в виде фактов без объяснений, комментариев и предварительных выводов. «Сухие» факты, позволяющие читателю самому составить картину происходящего и сделать определенные выводы. При этом не выстраивается диалог с читателем не в самих знаниях, не в форме их передачи. Авторская позиция не прослеживается.

В анализируемых текстах почти не встретилось многозначных слов. Как правило, это слова, имеющие одно значение, называющие конкретное явление или предмет, которые не допускают инотолкования или возникновения смыс-

ловых контекстуальных несовпадений. Встретилось всего лишь около 20 языковых единиц, представляющих собой многозначные слова. Например, *current, racket, bound, left, custom*. При этом все они были помещены в довольно точный контекст, который не вызвал двусмысленности или игру слов.

Семантическое ядро составляет нейтральная книжная безоценочная лексика, характерная для информационного стиля, обозначающая конкретные явления, не имеющая дополнительных, переносных значений. Это имена собственные: государства (*Russia, Germany, Switzerland, Ukraine, United Kingdom*), города (*Washington, New-York, Geneva*), другие территориальные образования (*Alaska, California, Colorado*), учреждения (*Congress, House Democrats, European Union*), имена участников описываемого события (*George Kent, William Taylor, Greta Thunberg*) и другие подобные единицы. Лексика, обозначающая действия (наиболее часто встречаемые словоформы: *revealed, announced, was based, says, visits, put forward*). Лексика, описывающая признаки, характеристики предмета, но без их оценки (*urban and rural population, three-year term, Russian servicemen*) и указывающая на категорию времени (*Wednesday, early Thursday, 5:30 a.m. (0330 GMT), 2020 year*).

В текстах также не выявлены семантические, стилистические, семантико-стилистические, индивидуально-авторские отношения между синонимами, антонимами, омонимами и паронимами. Перечисленные единицы не употребляются, так как может возникнуть смысловая неточность из-за непонимания роботизированной системой дополнительного значения слов. Поэтому любое слово повторяется либо используется описательная характеристика. Человек может именоваться по социальному статусу, но при этом местоимения не используются, чему причиной высокая вероятность ошибки определения пола по имени. Например, в новостной заметке о начале тура Тайлор Свифт по Америке с новым альбомом в августе этого года, исполнительница называется или по имени (*Taylor Swift*), или по профессиональной принадлежности (*artist of the decade at this year's American Music Awards/ singer will headline the Capital One JamFest on April 5*).

Информационный стиль, определяемый жанрами, не допускает использования архаизмов, неологизмов, историзмов, профессионализмов, жаргонизмов, диалектизмов, различных фразеологических сочетаний, соответственно подобных единиц не было обнаружено и в материалах. Отметим, что, кроме первой причины, на отсутствие данных языковых единиц повлияла их семантическая сложность.

Отличает тексты, созданные роботизированными системами, наличие большого количества словоформ, относящихся к интернациональной лексике. Например, *republic, constitution, democratic, party, culture, territory, technology, gas, parallel, policy, chaos, demagogue, dynamo, economic, electric, element, energy, film, legal, minimum*. Как правило, это слова, обозначающие общественно-политические и научные понятия.

Как и наличие четкой структуры, для данных журналистских материалов характерно использование клише. Например, *champion of peace, vital issue, a policy of non-alignment, general disarmament, nuclear free zone, arms race*.

Журналистские тексты, особенно написанные в аналитических и публицистических жанрах, содержат большое количество тропов и фигур речи. Но в исследуемых текстах подобных средств выразительности не обнаружено. Не используется в материалах и сатира, юмор, ирония. Эти особенности показывают и подтверждают тот факт, что роботизированные системы не способны прочитывать переносное значение и дополнительный смысл подобных единиц.

Соотношение частей речи в тексте не пропорционально, как и предполагает сама языковая система. Преобладают существительные, в меньшей степени в текстах представлены глаголы, отглагольные части речи и прилагательные, числительные, почти отсутствуют местоимения (одна или две языковые единицы на материал). Это говорит об активации в текстах сообщения о предмете и его действии, причем последнее представлено в меньшей степени. Признаки, качества и состояния почти не представлены в материалах, что показал и семантический анализ. Служебные части речи такие, как союзы и предлоги используются только для построения необходимых грамматических и синтаксических конструкций, не выполняют художественно-образную функцию.

Особое место в английском языке занимают модальные глаголы. В анализируемых текстах они почти не встречаются по причине особенностей смысловой нагрузки, реализуемой ими. Модальные глаголы выражают отношение к действию говорящего, как к возможному, необходимому, разрешимому, запрещенному, приказному и другим схожим характеристикам. Это и есть главная причина, почему они не используются в материалах. Роботизированная система не может сформировать своего отношения к предмету повествования, она лишь может констатировать факт и оценивать формальные признаки. Например, как в этом предложении, указывается не на то, что американская общественность могла прослушать доклады, эта возможность не оценивается, а констатируется факт наличия возможности у американской общественности прослушать и посмотреть заседание конгресса: «*the first time that the American public could watch and listen to the witnesses*» [The Washington Post 2019].

Еще одной отличительной чертой специфического грамматического строя в анализируемых текстах является создание категории принадлежности. В английском есть два способа ее передачи: с помощью предлога *of* или посредством добавления *'s* на конце. Автоматизированная система использует только второй способ. Например, «*Wednesday's account*», «*Patrick's move injects*», «*Disney's mix*», «*year's sole*». Можно сделать предположение, что это связано с устранением возникновения двусмысленности и сложности составления программного обеспечения, так как с помощью предлога *of* образуется множество различных конструкций, и одну из них полностью переносят на синонимичную по смыслу.

Журналистские тексты требуют органичного сочетания и чередования коротких и длинных предложений, обеспечивающих динамику и легкость вос-

приятия материалов. В анализируемых статьях такого типа чередований предложений разной длины не обнаружено. Тексты состоят из длинных распространенных предложений, как правило, сложноподчиненного типа. Простые короткие предложения почти не представлены. Новостная заметка может состоять из одного предложения, в котором уже будет содержаться вся необходимая информация. Например, «a new report by Human Rights Watch documents what it says are mounting atrocities by CIA-trained Afghan forces and increasing civilian casualties at the hands of both U.S. and Afghan forces» [The Washington Post 2019].

Такой синтаксис облегчает функционирование роботизированной системы, позволяет создать шаблонные предложения, которые могут использоваться при создании текстов алгоритмом. Высокая степень распространенности и сложности позволяет сделать эти шаблоны универсальными, с возможностью подстроиться под любой тип информации.

Таким образом, тексты, созданные роботизированными системами, отличаются жесткой структурой, относительно небольшим установленным набором лексических, синтаксических, морфологических и грамматических средств, их однообразием и семантической простотой. Такие тексты строятся по одним и тем же образцам, предполагают некую шаблонизацию, они однообразны и предоставляют лишь факты без анализа.

Как показало исследование, несмотря на огромные видимые преимущества, алгоритмы искусственного интеллекта имеют некоторые серьезные ограничения. Системы анализа данных лучше всего обнаруживают новые связи между несколькими переменными с очень высокой статистической значимостью из огромного количества анализируемых данных. Но факты не подтверждены логикой и рассуждениями.

Еще одно серьезное ограничение связано с неспособностью алгоритмов понимать человеческий естественный язык в полной мере, во всем его смысловом многообразии, особенно контекст идей, метафор, юмора.

Преимуществом людей становится и умение задавать вопросы. Системы не могут этого делать, они умеют только отвечать. Искусственный интеллект не может думать вне коробки инструментов: хранилища данных и инструкции алгоритма, установленных разработчиком программного обеспечения.

И самым главным ограничением в области журналистики является то, что алгоритмы не имеют возможности создать мнение. Они могут предоставить новые знания (после проверки), но они не могут интегрировать новые знания в предположения. Это человеческое умение. Алгоритмы не могут изобретать новые вещи, продукты или медиаматериалы. Изобретение требует находчивости, что дает людям огромное преимущество над роботами.

Таким образом, перечисленный ряд ограничений текстов, созданных роботизированными системами, не позволит заменить людей-журналистов. Но процесс написания материалов, сбор и обработка большого объема информации системами поможет журналистам расширить свои возможности, избавит их от рутинной работы.

Список литературы

Dörr K. Mapping the Field of Algorithmic Journalism // Digital Journalism, 2015. P. 1–23.

Graefe A. Guide to Automated Journalism. Columbia Journalism School, 2018. 62 p.

Hamilton J.T. Accountability through Algorithm: Developing the Field of Computational Journalism // Report from the Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences, Summer Workshop, 2009. P. 27–41.

Latar N.L. The Robot Journalist in the Age of Social Physics: The End of Human Journalism? The New World of Transitioned Media Digital Realignment and Industry Transformation. Springer International Publishing Switzerland, 2015. P. 65–80.

The Washington Post – Archive of The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 30.11.2019).

Van Dalen, A. The Algorithms behind the Headlines: How Machine-Written News Redefines the Core Skills of Human Journalists// Journalism Practice, 2012. № 5-6. P. 648–658.

K.D. Desyatкова

Master Student of School of Journalism
and Mass Communications
Saint Petersburg State University

FEATURES OF AUTOMATED STORYTELLING IN THE PUBLICATION OF "WASHINGTON POST"

The specific features of the content created by robotic systems in the "Washington Post" publication is investigated in the study. The main themes and genres within which algorithms create media materials, linguistic features of texts and features of their functioning in the media were identified. Also the advantages and disadvantages of materials relative to those texts that were created by human journalists is revealed.

Key words: automated journalism; algorithmic journalism; automated storytelling; robotic system; Washington Post.

Кузнецова Евгения Павловна
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
jane.kuz99@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЙ КОМИКС: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЕДИА

В статье рассматриваются особенности актуального комикса – разновидности комикса, посвященного злободневным публицистическим темам. Этот жанр сложился в зарубежных медиа («The New York Times», «The Nib», «News Cartoon»). В России актуальный комикс делает первые шаги. В ходе работы был проведен сравнительный анализ опыта использования комиксов в российских и зарубежных медиа, а также представлена типология актуального комикса.

Ключевые слова: комиксы в СМИ; креолизованный текст; актуальный комикс

Комикс – это один из самых популярных жанров современной культуры. Его использование в разных сферах творческой деятельности постоянно расширяется. Журналистика не стала исключением. В зарубежных СМИ сформировалось целое направление, которое принято называть комиксная журналистика. Комиксная журналистика – это жанр, использующий для описания злободневных событий серии изображений – комиксов [Коломиец 2019: 128]. Основателем комиксной журналистики считается Арт Шпигельман – автор графического романа «Маус», в котором рассказывается о буднях его отца в концлагере. Второй ключевой фигурой комиксной журналистики является Джо Сакко, издавший в 1966 г. серию репортажей «Палестина», оформленных в виде комиксов. За рубежом этот жанр не теряет своей актуальности: подтверждение тому – существование изданий, построенных на комиксах, таких как китайский News Cartoon, The Nib в США и французский La Revue Dessinée.

В российских медиа этот жанр не стал таким популярным, уступив место мемам и мультимедийным форматам. Тем не менее, есть несколько интересных проектов, которые свидетельствуют о наличии интереса к нему. Среди самых заметных публикаций можно назвать комиксы «Процесс», «Таганское правосудие» (журнал «Большой город»), «Королевство» (журнал «Соль»), републикации фрагментов комикса «Other Russians» Виктории Ломаско [Рядова 2018: 54] в интернет-журнале «Zima Magazine» и «Кибердянска» [Руков 2019] на страницах «The Village». В нашей стране нет устоявшегося варианта названия этого вида комикса – параллельно встречаются несколько названий: актуальный комикс [Профили бакалавриата 2018], социальный комикс [Ломаско (Персональная страница)] и русский графический репортаж [Ломаско 2012]. В данной ра-

боте будет использоваться термин «актуальный комикс», на наш взгляд, оно точнее других отражает предмет и жанровые особенности явления.

Проблема исследования заключается в малоизученности использования комиксов в СМИ. Рассмотрение опыта использования актуального комикса поможет привлечь внимание журналистского сообщества к новому жанру.

Материалом исследования были выбраны российские (Русский репортер, The Village, Деловой Петербург) и зарубежные (News Cartoon, The New York Times, The Nib, La Revue Dessinée) медиа, в которых представлен жанр актуального комикса. Цель исследования связана с изучением российских актуальных комиксов на основе их сопоставления с зарубежными комиксами.

Анализ проводился с применением существующих классификаций комикса, а также с опорой на понятие креолизованного текста, который рассматривается как сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата [Анисимова 2003].

Известный немецкий исследователь Дитрих Грюневальд трактует понятие комикса так: «...под словом “комикс” мы подразумеваем сегодня любое массовое издание, содержащее истории любого содержания в графической форме. Правильнее было бы говорить даже не об истории в картинках, а о “принципе графического повествования” (Prinzip Bildgeschichte)» [Лютикова 2005: 35].

Существует несколько классификаций комиксов по различным признакам, основные из них – это форма, жанр и территория выпуска. Так, по форме различают комиксы-журналы и книги, воскресные комиксы (располагающиеся в конце печатного издания, часто юмористического характера), подпольные комиксы (выпущенные в мелких издательствах или самостоятельно изданные комиксы, остросоциальной или сатирической направленности), альтернативные комиксы (пришедшие на замену комиксам о супергероях) [Kelley 2010: 3].

Что касается жанровых разновидностей, в случае с комиксом жанры идентичны литературным: детективы, научно-популярные, подростковые (young-adult), фэнтези [Калитина 2013: 2258].

По территории выпуска (стране, культуре) комиксы делятся на американские, франко-бельгийские, британские, канадские, голландские, немецкие, итальянские, испанские, португальские, русские, японские, китайские и корейские [Калитина 2013: 2257].

Заметим, что существующие классификации комиксов не выделяют комиксную журналистику. Для анализа этой разновидности комикса необходимо обратиться к функциональным особенностям журналистских текстов, в нашем случае креолизованного типа.

В сфере СМИ креолизованные тексты выполняют следующие общие и специфические функции:

1. Аттрактивная функция заключается в назначении изображения привлечь внимание адресата, участвовать в организации визуального восприятия текста;
2. Информативная функция – назначение изображения состоит в том, чтобы передавать определенную информацию;
3. Экспрессивная функция изображения заключается в его назначении выражать чувства адресанта и воздействовать на эмоции адресата;
4. Эстетическая функция состоит в том, чтобы в наглядных, чувственно воспринимаемых образах реализовать художественный замысел художника, воздействовать на эстетические чувства адресата;
5. Символическая функция изображения заключается в назначении выражать посредством наглядных, чувственно воспринимаемых образов абстрактные понятия и идеи;
6. Иллюстративная функция помогает воспроизводить полностью или частично информацию, выраженную вербально;
7. Аргументирующая функция изображения – выступать в качестве наглядного аргумента в «поддержку», в подтверждение информации, выраженной вербально;
8. Эвфемистическая функция – выступать в качестве эвфемизма, передавать визуальными средствами информацию, которая в силу известных причин не может быть вербализована;
9. Сатирическая функция заключается в создании определенного сатирического или юмористического эффекта. [Сорокин 1990: 180]

В случае с комиксом ведущими становятся информативная, аттрактивная, эстетическая и сатирическая функции. В этой связи ближайшим предшественником комикс-журналистики является такой традиционный жанр журналистики, как карикатура. Этот жанр существует в системе журналистики достаточно давно и имеет свою типологию:

1. Шаржи и портреты – изображение, чаще всего портрет, в котором характерные черты нарочито преувеличены и изменены в целях создания сатирического или комического образа;
2. Социально-бытовая карикатура – заострена изданием под текущее событие, явление (информационный повод) и вскрывает круг актуальных проблем, характерных для определенных социальных групп (чиновников, интеллигенции, военных, спортсменов и пр.) в конкретном временном интервале;
3. Изошутка – карикатура без слов, направленная на изображение человеческих проблем в оптимистичном ключе;
4. Strip – серия рисунков с краткими пояснительными текстами, образующая связное повествование не обязательно с комическим эффектом;
5. Философская карикатура – карикатура с абстрактным юмором;
6. Политическая карикатура – на ней, первую очередь, оказываются конкретные политические деятели, размышления о внутренней и внешней политике государств [Айнутдинов 2008: 22].

Говоря о рекреационной функции комикса в СМИ, нельзя не упомянуть о мемах, которые также можно назвать приемниками традиционной карикатуры. Мемы представлены сегодня в большом разнообразии форматов [Щурина 2014: 87].

1. Текстовый мем – возникает на основе актуального события, горячей новости в СМИ, предметов искусства, художественных фильмов или текстов, вымышленных персонажей, компьютерных игр, отдельных фраз и т.д.;

2. Мем-изображение;

3. Медиакем – комические видеосюжеты, которые размещаются на личных страницах пользователей, передаются друг другу, широко распространяясь в Сети;

4. Гиф – анимированные картинки, короткие невербальные зарисовки, фиксирующие, как правило, некую эмоциональную реакцию;

5. Креолизованный мем. Эта разновидность креолизованных текстов выделена с опорой на определение А. Сорокина: «...фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин 1990: 180].

Источниками креолизованных мемов служат различные комические интернет-жанры: комиксы, эдвайсы, демотиваторы и др. Мы обращаем особое внимание на креолизованный мем, поскольку в его типологии есть комикс.

Опираясь на указанные классификации и классификацию жанров журналистского творчества, можно предложить следующую типологию актуального комикса:

1. Комикс-репортаж;

2. Комикс-событие;

3. Комикс-мем;

4. Комикс-интервью;

5. Комикс-отчет.

Анализ зарубежных СМИ показал, что чаще всего в них встречаются комикс-событие и комикс-репортаж.

Так, ресурс News Cartoon, созданный газетой China Daily в 2001 г., является первым в своем роде СМИ, где новости публикуются в формате комиксов. News Cartoon обновляется ежедневно, комиксы и иллюстрации в нем освещают самые актуальные темы, обсуждаемые в Китае и во всем мире.

Издание выходит на двух языках – китайском и английском. Основным информационным поводом для комиксов этого издания являются политические события в стране и мире, а главным способом их изображения – комическая оценка.

Следующее медиа – The Nib – независимое интернет-издание, основанное карикатуристом Мэттом Борсом в сентябре 2013 г. Как и в китайском News Cartoon, здесь публикуются новостные комиксы, в которых освещаются самые актуальные темы. Новость может состоять из одной иллюстрации, а может развернуться на несколько комикс-лент. Над проектом работает множество ху-

дожников, комиксы выполнены в разном стиле и в разных цветах. Чаще всего в издании представлены репортажи или новостные заметки, однако некоторые комиксисты дают собственную оценку ситуации, нередко в юмористическом или сатирическом ключе.

Еще одним комикс-медиа является французский журнал *La Revue Dessinée*, основанный в 2013 г. Новости в нем также публикуются в формате комиксов. Изначально журнал был лишь локальным проектом нескольких художников, в числе которых была Амели Муги – главный редактор этого журнала. Сейчас это издание стало большим популярным проектом, над которым трудится целая группа комиксистов. Выпуски печатаются с периодичностью раз в квартал, публикации занимают от 30 страниц и представляют собой большие журналистские расследования на социальные, экономические, политические и культурные темы.

Время от времени комиксы появляются в газете *The New York Times*. Первым новостным комиксом издания стал графический репортаж *Inside death row*, повествующий о жизни заключенных. С 2014 по 2015 гг. над проектом работали художник-карикатурист Патрик Чаппатти и журналистка Анн-Фредерик Видманн.

Вторым комикс-проектом стал *Welcome to the New World*. Он был создан Джеком Хэлперном и Майклом Слоаном в 2017 г. Серия новостей, выполненная в технике комикса, рассказывает о семье, сбежавшей из Сирии в Америку. В них показаны жизнь и быт этих людей, ситуации, в которых они оказываются и т.д.

Как уже отмечалось, в российских СМИ использование комиксов не является постоянной практикой. Пик интереса к этому жанру пришелся на период с 2007 по 2011 гг. Наиболее актуальными форматами в это время, как и в зарубежных СМИ, были комикс-событие и комикс-репортаж.

Первые социальные комиксы появились в газете «Русский репортер». Там они публиковались в специально выделенной колонке, темой становилась какая-либо комическая новость из области политики или общественной жизни. Над рубрикой трудились художники (первым, кто взялся за ведение рубрики, был Владимир Сальников) и комиксисты. Комиксы состояли из 4-5 рисунков и освещали события, подобно комикс-репортажам. Рубрика закрылась в 2011 г.

Комиксы также регулярно появлялись еще в двух медиа – «Деловой Петербург» и *The Village*. «Деловой Петербург» публиковал комиксы на сайте в рубрике «Городские зарисовки», которую вел комиксист Илья Обухов. Он сам разрабатывал сценарий, а иногда даже предлагал новости на свой выбор. Его деятельность в рамках этой рубрики завершилась в 2010 г.

Журнал *The Village* публиковал комиксы с 2010 по 2011 гг. В рубрике «Люди в городе» художник-комиксист Александр Похвалин иллюстрировал самые яркие московские новости. Комиксы Похвалина нельзя назвать оперативными, так как они появлялись не регулярно (каждые выходные) и не оперативно – в рубрику выбирали самые яркие новости Москвы. Комикс становился

дополнением к тексту статьи, своеобразным юмористическим комментарием от художника. На сегодняшний день The Village не использует комиксы в публикациях, однако иллюстрации Похвалина встречаются в некоторых рубриках.

Некоторые самостоятельные комикс-проекты не остались без внимания российских СМИ. Так, например, графический репортаж «Процесс», авторами которого стали сотрудники проекта «Открытая Россия», получил отклик многих изданий. Сам комикс состоит из трех задокументированных частей: «Первое заседание», «Допрос Савченко» и «Потерпевшие».

Еще одна небезызвестная публикация – комикс Виктории Ломаско и Антона Николаева «Таганское правосудие», опубликованный в журнале «Большой город» в 2010 г. Основой сюжета послужили ситуация с выставкой «Запретное искусство-2006» в музее им. Сахарова в Москве и судебный процесс по этому делу.

В этом же году в журнале «Соль» появился комикс «Королевство», созданный пермским художником Антоном Семакиным. В нем представлены сатирические образы российских политиков. Комикс, по аналогии с фельетонными репортажами А. Колесникова, можно назвать фельетонным графическим репортажем.

За последнее время в российских СМИ появляются публикации о комикс-проектах. В ноябре 2019 г. в журнале The Village вышел материал о проекте «Кибердянск», в основу которого легли типичные ситуации текущей жизни обобщенного российского города. Комикс также носит фельетонный характер: в нем высмеиваются неприглядные стороны социального и бытового устройства современного русского города.

Годом ранее автор интернет-журнала Zima Magazine использовала комиксы Виктории Ломаско из ее книги «Other Russians». В ней опубликованы зарисовки о неблагополучных слоях российского общества. Этот комикс близок комикс-репортажам, он является визуальным воплощением подлинных историй, поскольку все персонажи книги Ломаско – реальные люди.

В целом исследование показывает, что в зарубежных медиа популярность комиксов не снижалась и продолжает расти. Подтверждение тому – журналы, целиком состоящие из комиксов (La Revue Dessinée) и различные комикс-проекты (публикации в The New York Times). Основными разновидностями комикса служат комикс-событие и комикс-репортаж. В российских СМИ комиксы не так популярны, как в зарубежных. Однако появляются отдельные проекты, собирающие достаточно большую аудиторию, как это было с проектом «Кибердянск». В жанровом отношении российские комиксы также тяготеют к репортажности, особенно к такой разновидности этого жанра, как фельетонный репортаж. Возможно, площадкой для распространения комиксов на российской почве станут популярные в нашей медиасфере мемы, которые все чаще начинают использовать формат комиксной ленты.

Список источников

Балагурова А. Как все устроено: Персональный стилист // The Village, 14.08.2013. URL: <https://www.thevillage.ru/village/people/howtobe/129985-personalnuu-stilist> (дата обращения: 12.04.2020).

«Кибердьянск» [Официальная страница проекта] URL: <https://vk.com/cyberdyansk> (дата обращения: 07.04.2020).

Ломаско В., Николаев А. Комикс «Таганское правосудие» // Премия Кандинского [Официальный сайт]. URL: <http://www.kandinsky-prize.ru/viktoriya-lomasko-anton-nikolaev/> (дата обращения: 20.04.2020).

Обухов И. Комиксы из рубрики «Городские зарисовки» [Персональная страница]. URL: <https://obuhovi.livejournal.com/tag/Деловой%20Петербург> (дата обращения: 17.04.2020).

По А. На тротуарах Тверской улицы разрешили парковку // The Village, 08.09.2011. URL: <https://www.thevillage.ru/village/city/situation/109063-parkovka-na-tverskoj> (дата обращения: 07.04.2020).

По А. Уличным музыкантам разрешат выступать в парках // The Village, 10.11.2011. URL: <https://www.thevillage.ru/village/city/situation/110017-muzykanty> (дата обращения: 07.04.2020).

Россияне сделали Савченко героиней комикса // Деро.УА., 01.10.2015. URL: <https://www.dero.ua/rus/politics/v-rosiyi-savchenko-stalageroyineyu-komiksu-01102015134900> (дата обращения: 20.04.2020).

Русский репортер. Вып. 199-207, 2011. URL: https://expert.ru/russian_reporter/ (дата обращения: 07.04.2020).

Семакин А. Комикс «Королевство» [Персональная страница] URL: <https://lapis-exillis.livejournal.com/tag/комикс%20%22Королевство%22> (дата обращения: 17.04.2020)

Шмагун О. Есть вопрос: «Можно ли держать животных в ресторане?» // The Village, 20.01.2014. URL: <https://www.thevillage.ru/village/city/asking-question/137581-barany> (дата обращения: 12.04.2020).

Шмагун О. Есть вопрос: «Что происходит с китайскими фонариками, когда они догорают?» // The Village, 9.08.2013. URL: <https://www.thevillage.ru/village/city/asking-question/128589-fonariki> (дата обращения: 12.04.2020).

China Daily [Официальный сайт] URL: <https://www.chinadaily.com.cn/> (дата обращения 13.03.2020).

Jake Halpern, Michael Sloan, Welcome to the New World // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/series/syrian-refugee-familywelcome-america> (дата обращения: 07.04.2020).

La Revue dessinée. Вып. 1, 26. 2013 2020. URL: <https://www.larevuedessinee.fr/produit/27-2020-printemps/#tous-lesnumeros> (дата обращения: 07.04.2020).

Patrick Chappatte, Anne-Frederique Widmann, Inside Death Row // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2016/05/04/opinion/the-last-phoncall.html> (дата обращения: 07.04.2020).

The Nib [Официальный сайт] URL: <https://thenib.com/> (дата обращения: 07.04.2020).

Список литературы

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003. 128 с.

Айнутдинов А.С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. №21. С.22–25.

Калитина К. В. Использование комиксов в образовательных технологиях как важного инструмента для передачи знаний // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2013. С.2256–2260.

Коломиец О. А. Комикс как инструмент журналиста (на примере комикса Джо Сакко «Палестина») // Век информации. Журналистика XXI века: среда обитания, 2019. №1. С.125–132.

Ломаско В. Подборка статей о социальном русском комиксе [Персональная страница] URL: <https://soglyadatay.livejournal.com/tag/подборка%20ссылок%20по%20официальному%20комиксу> (дата обращения 13.03.2020)

Ломаско В. Русский графический репортаж // [КАК) – журнал о графическом дизайне. №2/3 (62-63). М., 2012. С.54–57.

Лютикова Г.В. Девятое искусство: миры комиксов // Обсерватория культуры: журнал-обозрение, 2005. №2. С.34–43.

Профили бакалавриата: Комикс // HSE Art and Design School. URL: <https://design.hse.ru/ba/comics> (дата обращения: 13.03.2020).

Руков К. Комикс «Кибердянк» – про технологии на страже русского абсурда // The Village, 22.11.2019. URL: <https://www.thevillage.ru/village/people/zakladka/367931-kiberdyansk> (дата обращения: 07.04.2020).

Рядова Д. Виктория Ломаско. Как русская художница, которую не показывают в России, завоевывает мир // Zima Magazine, 15.03.2018. URL: <https://zima-magazine.com/2018/03/lomasco-other-russias/> (дата обращения: 17.04.2020)

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. 240 с.

Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета, 2014. №6. С.85–89.

Brian Kelley. Sequential Art, Graphic Novels, and Comics. Vol.1. Lincoln, 2010.

Е.Р. Kuznetsova

Student of Philological Faculty

Perm State University

jane.kuz99@yandex.ru

RELEVANT COMICS: EXPERIENCE IN RUSSIAN AND FOREIGN MEDIA

This article is about such instrument of communication as comics, especially about relevant comics. It is a type of comics that talking about urgent publicistic issues. This phenomenon is quite clearly represented in foreign media: both Eastern (“News Cartoon”) and Western (“The New York Times”, “The Nib”). In Russia, this type of comic takes its first steps. The importance of this work is self-evident, as previously comics in media were not studied. The article is concerned with comparing the experience of using comics in Russian and foreign media and presenting the typology of the relevant comics.

Key words: comics in media; relevant comics; visual communication.

Лекомцева Анастасия Алексеевна
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
naslecor@mail.ru

ДИЗАЙН РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ ВО ВКОНТАКТЕ (на материале пермских СМИ)

Статья посвящена проблеме грамотного дизайна журналистского контента в социальных сетях. В теоретической части исследования разработана методика, на основании которой проводится анализ медиадизайна пермских СМИ в социальной сети «ВКонтакте». На основе полученных результатов исследования и социологического опроса разработаны рекомендации по возможному развитию дизайна и верстки пермских СМИ в социальных сетях.

Ключевые слова: дизайн СМИ; социальные сети; ВКонтакте; пермские СМИ.

По данным исследования ВЦИОМ за 2018 г. больше половины опрошенных россиян (56%) в возрасте от 18 до 24 лет узнают новости из социальных сетей [Что читают россияне? 2018]. Учитывая этот факт, СМИ постоянно расширяют свое присутствие в социальных сетях. В условиях жесткой конкуренции за внимание журналистские редакции активно используют технологии SMM, в том числе специфические для социальных сетей технологии дизайна и верстки.

В ходе работы были использованы понятия медиадизайна и визуального текста, предполагающие взаимодействие вербального текста и изображения.

Медиадизайн – это «синонимический вариант таких понятий, как теледизайн, коммуникативный дизайн или дизайн электронной среды» [Волкова 2014: 6], первостепенной функцией которого является «организация и визуализация медиатекста СМИ определенного типа» [Там же: 19], и второй – «создание индивидуального образа издания, канала, портала и т.д.» [Там же]. При обосновании этого термина В.В. Волкова отметила, что «все перечисленные виды дизайна имеют отношение к единому объекту – медиатексту, его организованной презентации аудитории» [Там же].

Понятие визуального текста, введенное И.В. Беспаловой, акцентирует внимание на визуальной форме медиатекста как важной составляющей его восприятия в целом. Автор поясняет: «осознанная установка на проектирование текста-сообщения и среды как визуального текста в качестве самостоятельного результата» [Беспалова 2017: 15] формирует главную задачу дизайна визуальных коммуникаций. При анализе визуальной коммуникации необходимо «учитывать не только особенности и характеристики самого изображения, но и специфику индивидуального восприятия и интерпретации этого изображения, обусловленную конкретной социальной ситуацией и культурной традицией» [Сарна 2009: 125]. Кроме этого, внимание «должно быть обращено на «"внутренний мир", психическую реальность самого субъекта восприятия (как автора текста, так и его зрителя), а также особенности социального и культурного контекста, в

котором осуществляется коммуникация» [Сарна 2009: 125]. Важно отметить, что вербальная часть медиатекста также рассматривается с точки зрения его изобразительных характеристик в качестве одного из структурных элементов визуального текста в целом.

Материалом исследования послужили региональные интернет-СМИ, активно представленные во ВКонтакте: «Мой горд – Пермь!», «59.RU», «Properm.ru», «В курсе.ру», «Новости Перми». Основными критериями отбора данных СМИ стали:

- 1) Медиа входят в ТОП-20 самых цитируемых средств массовой информации Пермского края [Пермский край: рейтинг СМИ 2019];
- 2) Медиа входят в ТОП-10 самых популярных в поисковике во ВКонтакте по запросу «Перм» (с учетом разных окончаний) / «Perm»;
- 3) У этих СМИ самое большое количество подписчиков во ВКонтакте среди участников обоих вышеперечисленных рейтингов;
- 4) Страница во ВКонтакте не дублирует контент сайта.

Хронологические рамки исследования: январь – март 2020 г.

Стоит отметить, что существующие исследования медиадизайна интернет-СМИ чаще всего касаются отдельных аспектов оформления и верстки. Например, визуально-экранной природы, композиционных составляющих и шрифтовых элементов. В то же время назрела необходимость выработки целостной методики анализа, которая смогла бы объединить основные параметры оформления медиатекста в интернет-среде. В связи с этим мы предприняли попытку разработки такой методики. Проанализировав исследования о дизайне А.А. Беляева [Беляев 2007: 38], А.С. Фадеевой [Фадеева 2017: 1106–1107], Е.И. Поляковой, В.В. Кабаченко [Полякова, Кабаченко 2016: 107–109], Д.М. Абрамовой [Абрамова 2017], И.В. Беспаловой [Беспалова 2017], И. Маркотта [Маркотт 2012] и Л. Вроблески [Вроблевски 2012], мы сформировали список основных составляющих дизайна в социальных сетях: типографика, цвет, композиция визуального текста, визуальные элементы мультимедийных форматов, фирменные элементы, экранная среда, структура страницы. Каждый из перечисленных компонентов обладает рядом специальных характеристик и принципов функционирования.

При анализе типографических особенностей оформления использовалась методика, разработанная на основе исследований В.Г. Кричевского [Кричевский 2010], Д. Филичи [Филичи 2004], С.Б. Головки [Головки 2017: 227], С.В. Глушакова и Г.А. Кнабе [Глушаков, Кнабе 2002]. В частности, были проанализированы следующие элементы типографики: шрифт (сочетание шрифтов) и его основные характеристики – гарнитура, цвет, контрастность, начертание, насыщенность, плотность, кегль; кернинг; трекинг; интерлиньяж; абзац (длина абзацного отступа, втяжка, тупое начало); строка (длина, вгонка и выгонка, выключка, группировка); висячая, главная, косая, красная; ее следование «золотому правилу» – строка должна восприниматься как линия); колонка (высота, ширина); перенос слов; выравнивание текста; обтекание; акцентировка; оформление определенных знаков препинания – кавычки, дефис, тире; удобочитаемость.

Воздействующая функция цветов рассматривалась с опорой на классическую работу И.В. Гете [Гете 2012], а также исследования М. Купера,

А. Мэтьюза [Купер, Мэтьюз 1995: 12] и О.В. Гусевской [Гусевская 2017]. Подробно изучались три основные воздействующие характеристики цвета – цветовой тон, светлота, чистота [Гусевская 2017: 48].

При анализе композиции использовались подходы, предложенные И.В. Беспаловой [Беспалова 2012: 20] и Мэри Стрибли [Стрибли 2016]. В частности, исследовались средства и приемы гармонизации художественной формы: статика – динамика; линия; размер – масштаб; метр – ритм (повторения); симметрия – асимметрия; прозрачность; текстура; баланс; иерархия; тождество – нюанс – контраст; рамки; пропорции, сетка; беспорядок; глубина; приемы «сверху вниз», «слева направо», «передний план»; приемы «вертикали», «горизонтали»; прием «позитив – негатив»; прием «сопоставление»; прием «обрезка изображения»; «коллаж»; типограмма; использование различных средств выразительности, например, указующий перст, лигатура и т.п.

Кроме того, анализ композиции включал характеристику основных элементов страницы во «ВКонтакте»: аватар, «шапка» – обложка, меню, товары, ссылки, статьи, фотоальбомы, видеозаписи и контент на «стене».

В качестве визуальных элементов контента выделены изображение, видео, анимация, графики, гифки и т.д. Все структурные части страницы СМИ проверялись на наличие и использование фирменного стиля и его составляющих, среди которых товарный знак; фирменная шрифтовая надпись – «логотип»; фирменный блок; фирменный лозунг (слоган); фирменные цвета и их сочетания; фирменный комплект шрифтов, растров и фактур; композиционные решения, графические сетки; корпоративный герой [Нестеров, Лебедева 2014: 12]. Помимо этого, учитывались варианты оформления основных элементов на разных устройствах: на экране компьютера и мобильного устройства.

Для объективности исследования был проведен опрос, в котором принял участие 31 респондент в возрасте от 18 до 43 лет. Из них 87% – женщин, 13% – мужчин. Участникам опроса предлагалось ответить на 15 вопросов открытого и закрытого типа. Исследование проводилось с помощью электронной анкеты «Google формы». Опрос показал следующие результаты:

- 1) 90% опрошенным важно, чтобы у СМИ был фирменный стиль – оно становится узнаваемым, его приятно и интересно читать;
- 2) в качестве самых важных элементов фирменного стиля большая часть респондентов (77,4%) отметила цветовой набор, шрифты и логотип;
- 3) 80,6% обращают внимание на изображение;
- 4) 90,3% читателей хотели бы видеть СМИ, в группе которого используются разнообразные мультимедийные форматы;
- 5) 74,2% респондентов наиболее «удобным» для чтения назвали текст с оптимальным интерлиньяжем;
- 6) чуть больше половины респондентов (51,6%) считают, что цвета влияют на степень восприятия информации очень сильно, 35,5% – сильно, 12,9% – средне, при этом для 87% опрошенных важна цветовая палитра, используемая в фирменном стиле СМИ.

Изучив ожидания аудитории, мы обратились к анализу СМИ и пришли к следующим выводам.

1) У всех представленных в работе пермских СМИ разработан фирменный стиль. При этом не используется сложный дизайн, в нем нет нагромождений, все достаточно просто и понятно. У каждого издания есть логотип, собственные цветовая палитра и комплект шрифтов. Кроме этого, независимое интернет-СМИ «Мой город – Пермь!» имеет корпоративного героя или мascota – медведя в футболке с логотипом СМИ, а у новостных порталов «Properm.ru» и «В курсе.ру» необходимо отметить наличие слоганов. В группах изданий и корпоративный герой, и фирменные лозунги появляются исключительно в «шапке».

2) Везде в оформлении используется несколько ярких цветов. Портал «Мой город – Пермь!» применяет оранжево-красный, синий, черный, зеленый, белый цвета; «59.ru» – темно-синий, голубой, красный и оттенки красного, белый, иногда черный; «Properm.ru» – желто-зеленый и белый; «В курсе.ру» – черный, белый, оранжевый; «Новости Перми» – белый, бордовый и оттенки бордового, серый, иногда черный.

3) Все издания пользуются одним или двумя шрифтами, чаще всего без засечек. Минимальный выбор шрифтов обусловлен тем, что при наличии нескольких, они всегда должны сочетаться [Головко 2017: 227], а отсутствие засечек позволяет тексту хорошо восприниматься с экранов мониторов и других гаджетов [Беспалова 2017: 64]. Порталы «Мой город – Пермь!» и «59.ru» в некоторых материалах применяют по два шрифта, однако, не во всех вариантах это выглядит удачно. Первое издание использует сочетание шрифтов с различной гарнитурой и начертанием в «шапке», что образует стилистическое расхождение. Второе издание прибегает к двум шрифтам, один из которых с засечками, но их сочетание соответствует основному правилу выбора шрифтовой пары: «Необходимо избегать сочетания похожих шрифтов, но и нельзя допускать чрезмерного стилистического расхождения в их рисунке» [Головко 2017: 227].

4) В основе композиции сверстанных материалов используется несколько приемов – это «сверху вниз» и «линии». Под приемом «сверху вниз» подразумевается размещение самой важной информации сверху [Беспалова 2017: 20]. Он применяется порталом «59.ru» в карточках, другими изданиями – в «шапке» сообщества. Прием «линия» помогает направить взгляд, расставляет акценты, создает ощущение движения [Стрибли 2016]. Он применяется порталом «59.ru» в карточках и видеоматериалах, другими изданиями – в шапках и плашках.

5) У всех групп СМИ во ВКонтакте оформление аватара и обложки выполнено по правилам удобочитаемости и минимализма. Такое решение выглядит визуально привлекательным и позволяет идентифицировать любое медиа – текст смотрится крупно и читаемо; надписи помещаются внутри миниатюры (аватар).

В то же время нельзя сказать, что все СМИ уделяют достаточно внимания визуальному стилю своего контента. Некоторые издания позволяют себе публиковать стоковые фотографии (наблюдается у «Мой город – Пермь!», «В курсе.ру», «Новости Перми»). Кроме того, часть СМИ при использовании плашек не следует правилам интерлиньяжа – в основном, текст в таких случаях занимает почти все пространство и его кегль варьируется, а междустрочный интервал не уменьшен / не увеличен, поэтому образуется либо много пустого пространства, либо текст сливается в тяжелый блок, разрушая композицию страницы

(встречаются в аккаунтах «Мой город – Пермь!» и «Проретm.ru»). Следующее, что необходимо отметить, – следование фирменному стилю. Группы медиа пренебрегают им и выпускают новости без использования его компонентов (наблюдается у «В курсе.ру», «Новости Перми»). Другим часто встречающимся недостатком является выборочное оформление структурных элементов – сюда относятся разделы с фотоальбомами, статьями и видеозаписями (наблюдается у «Мой город – Пермь!», «59.ru», «Проретm.ru», «В курсе.ру», «Новости Перми»).

Последним и самым распространенным недочетом всех СМИ можно назвать малое количество мультимедийных форматов – практически все издания публикуют посты только с плашками. Однако «59.ru» представляет наиболее разнообразный контент по сравнению с другими медиа – портал наряду с плашками выпускает карточки, видеозаписи, опросы. Пермским медиа нужно обратить внимание на то, что их аудитория приветствует мультимедийные публикации в социальных сетях.

Таким образом, исходя из результатов проведенного исследования, можно сказать, что дизайн и верстка пермских СМИ в социальных сетях не отличаются разнообразием и стильными решениями. Из четырех проанализированных изданий в большей степени придает значение визуальному наполнению «59.ru». Поэтому общими рекомендациями всем медиа станет следующее: использование в полном объеме возможностей площадки ВКонтакте; усиление мультимедиа-контента; последовательное оформление страницы (постов, шапки, фотографий, альбомов и т.д.)

Список литературы

Абрамова Д.М. Медиа-дизайн и его проявления // Студенческий: электрон. научн. Журн, 2017. № 20(20). URL: <https://sibac.info/journal/student/20/92369> (дата обращения: 26.06.2020).

Беляев А.А. Дизайн электронных СМИ: взаимосвязь с дизайном печатного издания и специфика интернет-среды // Медиаальманах, 2007. № 5. С. 38–48.

Беспалова И.В. Дизайн СМИ: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2017. 73 с.

Волкова В.В. Специфика медиадизайна // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 2014. №4. С. 5–22.

Вроблевски Л. Сначала мобильные / пер. с англ. П. Миронова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 176 с.

Гусевская О.В. Основы цветоведения: учеб. пособие для студентов вузов. Иркутск: Иркут, 2017. 107 с.

Гете И.В. Учение о цвете. Теория познания / пер. с нем. В.О. Лихтенштадта. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 195 с.

Глушаков С.В., Кнабе Г.А. Компьютерная верстка: учеб. курс. Харьков: Фолио, 2002. 485 с.

Головки С.Б. Дизайн деловых периодических изданий: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Графика», «Журналистика», «Информационные технологии в дизайне», «Реклама». Москва: ЮНИТИ, 2017. 423 с.

Кричевский В. Г. Типографика в терминах и образах. Т. 1. Тула: Власта, 2010. 144 с.

Купер М., Мэтьюз А. Язык цвета. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 144 с.

Маркотт И. Отзывчивый веб-дизайн / пер. с англ. П. Миронова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 176 с.

Нестеров Д.И., Лебедева М.А. Графический дизайн элементов фирменного стиля: учеб. пособие. Челябинск: ЮУрГУ, 2014. 46 с.

Пермский край: рейтинг СМИ за II квартал 2019 [аналитический отчет], 03.09.2019 // Медиалогия [официальный сайт]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6854/> (дата обращения: 26.06.2020).

Полякова Е.И., Кабаченко В.В. Учебный курс адаптивного web-дизайна // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки, 2016. №8. С. 107–109.

Размеры изображений для ВКонтакте с учетом нового дизайна // Крупное дело [электронный ресурс]. URL: <https://www.krupnoedelo.ru/info/articles/oformlenie-grupp-v-vkontakte-podrobnoe-rukovodstvo/> (дата обращения: 26.06.2020)

Сарна А.Я. Образ и медиум: основные принципы и методы анализа визуальных текстов СМИ // Под ред. О.В. Терещенко. Минск: БГУ, 2009. 152 с.

Стрибли М. Элементы и принципы дизайна / пер. с англ. О. Скулкина, Р. Шайхутдинов // Medium [электронный ресурс], 28.09.2016. URL: <https://clck.ru/N5pYQ> (дата обращения: 26.06.2020)

Фадеева А.С. Адаптивный дизайн или мобильная версия сайта: преимущества и недостатки // Актуальные проблемы авиации и космонавтики, 2017. Т. 3. №13. С. 1106–1107.

Филичи Дж. Типографика: шрифт, верстка, дизайн / пер. с англ. и коммент. С. И. Пономаренко. СПб.: БХВ-Петербург, 2004. 496 с.

Что читают россияне? [аналитический отчет]. 18.09.2018 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9315> (дата обращения: 28.07.2020).

А.А. Lekomtseva

Student of Philological Faculty
Perm State University

DESIGN OF REGIONAL MEDIA IN THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK (based on the material of the Perm media)

The article is devoted to the problem of competent design of journalistic content in social networks. In the theoretical part of the study, a methodology was drawn up to analyze the media design of Perm media in the social network Vkontakte. Based on the results of the study and a sociological survey, recommendations for the possible development of the design and layout of Perm media in social networks were compiled.

Key words: media design; social networks; VKontakte, Perm media.

Мария Петровна Шипулина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
гп

СЛУЧАЙ «ХРАМА-НА-ДРАМЕ»: УРБАНИСТИЧЕСКИЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ

В статье рассматриваются коммуникационный аспект формирования городских сообществ на современном этапе урбанизации. Анализируются случаи протестов против строительства храма и против сноса телебашни в Екатеринбурге в свете влияния урбанистических медиа на формирование этих сообществ. При анализе автор статьи опирается на традицию изучения города не только как пространственного, экономического или политико-административного феномена, но и с точки зрения антропологии – как места формирования нового типа человеческих сообществ, основанных на интенсивности коммуникаций (Макс Вебер, Луис Вирт, М. де Серто, В.Л. Глазычев). Анализ екатеринбургских кейсов позволяет прийти к выводу, что сетевые урбанистически ориентированные медиа освобождают коммуникативную энергию пространства «практик» (М. де Серто) в формировании «гражданства-горожанства» (В.Л. Глазычев).

Ключевые слова: урбанистические медиа, городские сообщества, город.

С начала 2010-х гг. Россия вступила в новый этап урбанизационного процесса, в рамках которого решается проблема формирования комфортной городской среды на основе концепции «города для людей» [Гейл 2012]. К концу десятилетия идеи и принципы новой волны урбанизации были закреплены национальным проектом «Жилье и городская среда», и задача трансформации городской среды поставлена перед региональными и муниципальными властями. Одним из приоритетов национального проекта заявлено «создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды» [Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» 2018: 31]. Однако именно это направление проекта является одним из самых проблемных, поскольку возрастающее желание граждан участвовать в «формировании комфортной городской среды» часто сталкивается с традиционной политикой администрирования «сверху-вниз». В условиях новой медиареальности и складывающегося сетевого общества такая политика начинает давать сбои. Именно роль медиа в конфликтах городского сообщества с инстанциями власти по поводу решений по развитию городской среды и является предметом нашей работы. Обращение к анализу малоизученного феномена урбанистически ориентированных медиа определяет новизну и актуальность нашего исследования.

Материалом для исследования послужили екатеринбургские урбанистически ориентированные сетевые издания, а методологической базой работы классиков мировой и отечественной урбанистической мысли.

Для более полного понимания научного поля нашей проблематики остановимся на том, какие специфические черты городского устройства акцентируются в классических исследованиях. При всех вариациях трактовки феномена города одной из его основополагающих черт считаются не столько пространственные, сколько антропологические особенности. Так немецкий социолог, философ, историк и политический экономист М. Вебер в своем классическом труде «Город», всесторонне исследуя этот культурно-исторический феномен, подчеркивал новое качество городского сообщества, показывая, что европейский город был «местом перехода из несвободного состояния в свободное» [Вебер 1923].

В аналогичном направлении двигалась мысль представителя Чикагской школы социологии Л. Вирта, делавшего акцент на интенсивности коммуникаций в городской среде. По Вирту, город – это «относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов. Именно размер поселения, его плотность и гетерогенность <...> создают особый образ жизни, который Вирт назвал урбанизмом» [Вершинина 2012: 6]. Основной чертой урбанизма, согласно идеям Л. Вирта, является высокая плотность социальных коммуникаций и горизонтальных связей горожан.

Это направление урбанистической мысли на отечественной почве было развито в 1990-е годы в трудах основоположника российской урбанистики В.Л. Глазычева. «Решение социально-экономических проблем города, – настаивал Глазычев, – начинается с раскрытия возможностей для максимальной реализации установки горожан, каждого в отдельности, на свою и своей семьи экономическую самостоятельность» [Глазычев, Егоров, Ильина и др. 1995]. В то же время в работе «Слободизация страны Гардарики» Глазычев говорит о специфике развития городов в России в связи с чем наша страна не имеет развитых традиций «гражданства-горожанства» [Глазычев 1996]. Поэтому на новом этапе урбанизации в России, по мнению Глазычева, именно задача формирования гражданского городского сообщества становится приоритетной. Города нет, – неоднократно декларировал исследователь, – пока нет городского сообщества. Пока нет совокупной воли горожан, которая на самом деле реально влияет на все стороны городской жизни. Городское сообщество должно определять, как выглядит город, что с ним происходит и чем город живет» [Глазычев 2004], поскольку «город конституируется не архитектурой, не градообразующим предприятием и не инженерными коммуникациями, а прежде всего городским сообществом» [Сафина, Гайнулина, Леонтьева 2017].

Важным этапом в развитии урбанистической мысли в применении к изучению жизни города стали труды французского историка, антрополога, культуролога, социального философа М. де Серто. На наш взгляд, работы Серто приобрели особую актуальность в свете проблем современного этапа российской урбанизации. Важным методологическим принципом в подходе к

городской проблематике у Серто стало введение и различение понятий «стратегия» и «тактика». Понятие «стратегий» Серто связал с институтами и структурами власти, которые предписывают порядки и регламенты городской жизни. В то время горожане используют «тактики» повседневной жизни, вычлняя личное пространство в пространстве «стратегий». Иными словами повседневная жизнь горожан протекает в гибком взаимодействии «стратегий» и «тактик». Причем, сфера «тактик» и является сферой обретения самостоятельности городского сообщества. Эти понятия Серто конкретизирует в своем классическом эссе о городской прогулке, где он различил «видение» города сверху как целого, что является сферой действия структур власти (проектировщики, девелоперы, муниципальные власти и т.п.) и «прогулку», то есть сферу использования города в повседневной жизни.

На наш взгляд, работы Глазычева и Серто открывают подход к решению нашей проблемы – определению роли городских медиа в формировании городского сообщества, «гражданства-горожанства», по выражению Глазычева.

Важным агентом этого процесса, на наш взгляд, являются так называемые урбанистически ориентированные медиа – важный сегмент современного медиaprостранства, возникший на волне урбанизации. В процессе реновации российских городов идеологическую и организующую роль в процессе формирования городского сообщества могут играть урбанистически ориентированные медиа: от городских интернет-газет до сетевых сообществ [Абашев 2018а: 341].

На данный момент тема изучения урбанистически ориентированных медиа малоизучена, но начинает активно развиваться в современной науке. Актуальной работой на тему урбанистических медиа является сборник статей «Город и медиа» [Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России» 2018], выпущенный кафедрой журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ. В этом сборнике поднимаются актуальные вопросы о городских сетевых изданиях как агентах урбанизации, участии медиа в жизни города, влиянии медиа на действия городского сообщества и др. Современные исследования по теме урбанистики в России создают научное поле, в которое вписывается наше исследование.

Урбанистически ориентированные медиа сегодня выступают в роли путеводителей по сферам городской жизни. Они исследуют город, открывая его новые пространства и сообщества. Новые городские медиа формируются как площадки общественного проектирования городского развития. Урбанистические медиа занимаются пропагандой функциональных досуговых пространств: кафе, спортивные клубы, магазины и т.п., формируя то, что Л. Вирт называл «урбанизм как образ жизни» [Абашев 2018а: 341]. Но урбанистически ориентированные медиа не только меняют отношение горожан к жизни и проблемам города, они побуждают горожан к действию в конфликтных ситуациях по поводу городского развития.

Мы покажем это влияние на примере одного из наиболее известных в России случаев конфликта властных инстанций и городского сообщества по поводу развития городской среды: это столкновения по сносу телевизионной башни и строительству храма на месте сквера у драматического театра в Екатеринбурге. За последним случаем, резонанс которого вышел на федеральный уровень и потребовал вмешательства президента, закрепилось название «храма-на-драме». Одной из причин протестов стал тот факт, что обсуждение строительства храма было закрытым, на заседаниях даже не присутствовали СМИ. Горожанам не удалось поучаствовать в обсуждении вопроса о строительстве храма, мнения жителей не были учтены, что закономерно вызвало протест. Горожане выступили решительно против этого несогласованного с обществом решения и существенным фактором их сплочения стали новые медиа. Урбанистические медиа не только широко освещали событие вокруг «храма-на-драме», отражая интересы горожан, но и выступили организующим началом движения, сплотившего горожан.

В Екатеринбурге функционирует ряд урбанистически ориентированных медиа: интернет-газеты «The Village – Екатеринбург» и «It's My City», телеграмм-канал «Коренной екатеринбуржец» и др. В период с 13 по 20 мая 2019 года эти медиа не только активно освещали события, происходившие возле сквера, но и стали инструментом самоорганизации горожан. За это время в «The Village – Екатеринбург» было опубликовано около 20 текстов на эту тему, «It's My City» – в пределах 25 объемных публикаций. Самым активным медиа, которое делало посты в режиме прямой трансляции, стал «Коренной екатеринбуржец» известного общественного деятеля и организатора движения городских прогулок Д. Москвина. За этот период на канале появилось около 6000 постов на тему храма-на-драме.

Еще один случай стихийного формирования городского сообщества в Екатеринбурге произошел из-за решения властей о сносе телебашни. Это событие описано в статье В. В. Абашева «Страсти по башне: городские медиа как генератор и архив локальных нарративов» [Абашев 2018б]. Горожане устроили протест против сноса телебашни: писали обращения Владимиру Путину и заявления в прокуратуру, выходили на митинги и устраивали лазерные шоу: запускали на башню проекцию пульса бьющегося сердца с надписью «Я живая». Две разные группы активистов официально обращались в городскую администрацию с предложениями провести референдум по поводу дальнейшей судьбы башни. Одновременно они подали в суд с требованием обеспечительных мер – не сносить недострой до решения референдума. За два дня до взрыва началась самая массовая акция протеста против сноса: два вечера подряд сотни горожан собирались, чтобы «обнять» башню – обойти ее, взявшись за руки, кругом. В акции, в частности, принимал участие бывший мэр города Евгений Ройзман. Отстоять легендарную «башню» не удалось, но события вокруг нее стали своего рода репетицией успешных действий по защите горожанами городского сквера. Горожане добились отказа властных инстанций от проекта «храма-на-драме».

События в Екатеринбурге продемонстрировали процесс формирования активного стихийно складывающегося городского сообщества, того самого «гражданства-горожанства», о котором как о главном качестве города писал Глазычев. Благодаря потенциалу сетевых медиа как инструмента перестройки социального пространства, освобождения энергии пространства «тактик», горожане получили возможность влиять на решение вопросов развития города.

Список литературы

Абашев В. В. Новые городские медиа как агенты урбанизации // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения, 2018. Т. 1. С.

Абашев В. В. Страсти по башне: городские медиа как генератор и архив локальных нарративов // Город и медиа. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 30–44.

Вебер М. Город [Электронный ресурс] // glazychev.ru, 1923. URL: htm (дата обращения: 14.06.2020).

Вершинина И.А. Социология города: истоки и основные направления исследований // cyberleninka.ru. МГУ им. Ломоносова, 2012. С. 6. URL: (дата обращения: 30.05.2020).

Гейл Ян. Города для людей // М., Концерн «КРОСТ», 2012. 277 с. URL: ru (дата обращения: 06.11.2019).

Глазычев В. Л. Города нет, пока нет городского сообщества [интервью 2004 года] // Сайт памяти В.Л. Глазычева, 2004. URL: http://www.glazychev.ru/publications/interviews/2004-04-09_interview_goroda_net_poka_net_gorodskogo_soobshestva.htm (дата обращения: 17.12.2019).

Глазычев В. Л. Слободизация страны Гардарики // Хрестоматия нового российского самосознания. Том 1. Иное. Россия как предме т1996. URL: htm (дата обращения: 17.12.2019).

Глазычев В. П., Егоров М. М., Ильина Т. В. и др. Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М.: Ладыя, 1995. 241 с.

Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России» / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. 234 с.

Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» // Правительство России, 2019. С. 31. URL: <http://government.ru/info/35560/> (дата обращения: 26.01.2020).

Сафина А.М., Гайнуллина Л.Ф., Леонтьева Л.С. Урбанистика как проект: паралаксное видение [Электронный ресурс] // Урбанистика, 2017. № 3. URL: id=23728 (дата обращения: 11.02.2020).

М. Р. Shipulina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University
shipulina_jour-15@mail.ru

**“TEMPLE-ON-DRAM” CASE: URBAN MEDIA
AS A TOOL FOR FORMING URBAN COMMUNITIES**

The article examines the communication aspect of the formation of urban communities at the present stage of urbanization. The influence of the media on these communities is analyzed in cases of protests against the construction of the temple and the demolition of the TV tower in Yekaterinburg. The city is traditionally considered as a spatial, economic, or political-administrative phenomenon, but the analysis of these cases also takes into account the anthropological perspective; the city is a place of formation of a new type of human communities based on the intensity of communication (Max Weber, Louis Wirth, M. de SERTO, V.L. Glazychev). An analysis of Yekaterinburg cases allows concluding that urban-oriented network media liberate the communicative energy of the space of “practices” (M. de Certeau) in the formation of “citizenship-urbanism” (V.L. Glazychev).

Key words: urban media, urban communities, city

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161

Игорь Эдуардович Иванов
студент филологического факультета
Казахстанского филиала
Московского государственного университета
им. М.В.Ломоносова
ivanov-21122000@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБРАБОТКИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В «ПОВЕСТИ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ В 1453 ГОДУ»

Статья посвящена вопросу использования автором «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» зарубежных и фольклорных источников при написании произведения, а также особенностям литературной обработки сведений из данных источников. Древнерусский автор описал событие византийской истории, используя разные источники и обработав их в соответствии с литературной традицией средневековой русской литературы. Событие византийской истории, повлиявшее на историю всего Средиземноморья, описано автором характерным древнерусской литературе стилем, что позволило ему создать цельное, завершенное, высокохудожественное литературное произведение.

Ключевые слова: древнерусская литература; воинские повести; Константинополь; Хроника Георгия Амартола; История Иудейской войны.

29 мая 1453 г. войска турецкого султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя) вошли в столицу Восточной Римской империи и главный город ортодоксального христианства – Константинополь. Восточная Римская империя, позже названная историками Византией, имела довольно тесные религиозные, культурные и политические связи с русскими княжествами. Будучи страной, крестившей Русь, Византия в значительной мере повлияла на формирование русской государственности и культуры.

Вполне очевидно, что такое событие, как прекращение существования Византии, нашло свой отклик в русских княжествах. Так, когда Константинополь был захвачен ранее – в 1204 г. – на Руси возникла воинская «Повесть о взятии Царьграда фрягами», дошедшая до нас в составе Новгородской первой летописи Синодального Харатейного списка. Захват же Царьграда в 1453 г. представлял собой событие иного характера: в город вошли турки, которые по вероисповеданию своему, в отличие от крестоносцев, пришедших в 1204 г., были мусульманами. В сознании средневековых людей захват священного города иноверцами породил представление о приближающемся конце света, на Руси же это событие сформировало почву для появления концепции «Москва – Третий Рим», отраженной, по мнению ряда ученых, в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» [История русской литературы 1945: 225, Гудзий 1950: 245].

Вопрос о времени написания повести долгое время не мог быть решен окончательно, как и вопрос авторства повести. Принято полагать, что автором является Нестор Искандер, чья приписка имеется в найденном архимандритом Леонидом списке Троице-Сергиевой лавры нач. XVI века №773). В приписке сказано, что Нестор был «измлада» взят в плен, что во время осады он находился в турецком лагере. Леонид признавал авторство Нестора Искандера, а отсутствие во многих списках повести приписки с указанием автора он объяснял тем, что приписка убиралась сознательно, так как написание повести «потурченцем» могло «уменьшить» и «ослабить» влияние повести [Леонид 1886: 43]. А.И. Соболевский решительно отрицал тот факт, что повесть написана Искандером, по его мнению, она была написана спасшимися членами русской колонии города [Соболевский 1903: 13]. Г.П. Бельченко, Н.А. Смирнов и М.Н. Сперанский полагали, что Нестору принадлежат исторические записки о битве, своего рода дневник осады, который позже был литературно обработан на Руси грамотным книжником [Бельченко 1934: 507-523, Смирнов 1953: 70, Сперанский 1954: 142-143]. По мнению А.А. Орлова, повесть не могла быть написана в отрыве от русской почвы [Орлов 1902: 1-50]. М.О. Скрипиль, также занимавшийся изучением произведения, пришел к выводу, что повесть представляет собой цельное произведение: повествование о судьбе города и о его гибели не нарушается на протяжении всей повести, следовательно, она написана одним автором: Нестором Искандером [Скрипиль 1954: 170-171].

Вопрос о времени написания был решен С.Н. Азбелевым, обнаружившим в 1961 г. отрывок хронографической редакции повести. Проанализировав графические характеристики текста, исследователь пришел к выводу, что повесть написана не в XVI в., как полагали раньше, а в XV в. [Азбелев 1961: 334-337].

Стоит отметить, что высказывалось предположение о греческом происхождении повести, однако Г. Дестунис, автор идеи, сам признавал, что свойственные греческому языку синтаксические конструкции, встречающиеся в тексте повести, к моменту ее написания могли уже иметь место в древнерусской литературе [Дестунис 1887: 366-383].

«Повесть о взятии Царьграда турками» представляет собой яркий пример жанра древнерусской воинской повести на пике своего развития. М.В. Мелихов назвал произведение «эталонным» этого жанра [Мелихов 2003: 30]. Процесс его эволюции в литературе Древней Руси длился до XVI в. В период, когда было написано рассматриваемое нами произведение, воинские формулы, традиционные композиционные элементы и другие характерные черты жанра были наиболее выразительны и художественны. Однако одной из главных особенностей древнерусской повести является ее двойственная природа: художественная и историческая, поэтому важно обратить внимание на исторический контекст и на источники, которыми пользовался автор.

Можно с уверенностью сказать о трех источниках повести – это Хроника Георгия Амартола, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия и предсказания о падении города, имеющие фольклорный характер.

Пространная версия повести может быть разделена на две части: историческое введение, повествующее об основании Константинополя и деятельности его основателя – императора Константина Флавия Великого, и на более объемную часть, повествующую собственно о событиях 1453 г., когда город пал.

Исторической основой для вводной части, ретроспективы прошлого, созданной автором для большей художественности и для выражения историософской темы повести, о чем речь пойдет ниже, служит Хроника Георгия Амартола, написанная в середине IX в. н.э. «Амартол» в переводе с греческого – «грешный». Это имя некоего монаха Георгия, который написал хронику в 40-е гг. IX столетия. Хроника охватывает период от Адама и до современного автору времени. Славянский перевод хроники часто использовался древнерусскими книжниками.

Использование автором рассматриваемой нами повести подтверждается прямыми текстуальными заимствованиями. Так, например, начало 10-й книги Хроники, в которой описывается деятельность Константина Флавия по объединению христиан, по борьбе с язычеством, строительству церквей, механически заимствовано автором древнерусской повести. Интересным является и такое заимствование:

«Повесть о взятии Царьграда турками»: «Потом же созда церкви преславные: Софею великую, Святыхъ апостоль, и Святыа Ирины, и Святаго Мокия, и Архангела Михаила» [ПлДР 1982: 218].

«Хроника Георгия Амартола»: «И построил церкви святых Апостолов, и святой Ирины И святого Мокия, и архангела Михаила в Анапловой лимени...» [Матвиенко, Щеголева 2000: 271].

Из этого контекста мы видим, что древнерусский автор заимствует перечень построенных церквей, однако добавляет к нему Собор Святой Софии, располагая его на первом месте. К слову, Собор Святой Софии в том виде, в каком он был известен автору повести, был построен в VI в., а во время правления Константина Флавия была построена лишь небольшая базилика Константина. Аналогичным образом автор повести заимствовал из Хроники сюжет о некоем столбе, привезенном из Рима. Факты о том, что столб везли из Рима три года, что на его вершине был установлен некий кумир с семью лучами на голове также заимствованы древнерусским автором из Хроники. Сочинение Георгия Амартола, таким образом, послужило главным источником информации при описании истории Константинополя.

Еще одним источником, использованным автором при написании повести, является «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Это сочинение было написано в 75-79 гг. н.э. и посвящено истории Иудеи с 175 г. до н.э. по 73 г. н.э. и антиримскому восстанию в иудейском городе Етапата. Тот факт, что это сочинение повлияло на древнерусскую литературу в целом, несомненно. В основе его сюжета лежит повествование о взятии римлянами Иерусалима, что, конечно, стало причиной того, что многие авторы увидели в событиях 1453-го года повторение того же сценария. Кроме того, одной из главных тем в «Исто-

рии» Флавия является тема Божьего наказания за грехи. В середине XV века, когда византийский император подписал Ферраро-Флорентийскую унию, объединившую православную церковь с католической, мотив кары Божьей стал актуален, как никогда. М.В. Мелихов исследовал сочинение Флавия как источник Повести. Он указал на ряд параллельных мест:

«История Иудейской войны»: «Римляне егда постигнахуть я нужею, възвратившися, бодяхуся с ними; И бысть... вопль до облакъ; (по трупам) ходяху... акы по мосту» [Мелихов 2003: 85] и др.

«Повесть о взятии Царьграда турками»: (греки)... егда постигахут их нужею, возвращахуся и боряхуся с ними; игласи ихъ... до небесъ достигаху; мертвия бо им бяху мость и лесница къ граду» [Мелихов 2003: 85-86] и др.

М.В. Мелихов пришел к выводу, что древнерусская повесть заимствует воинские формулы из сочинения Флавия, что действие императора Тита в сочинении 1-го века стали образцом при создании образа Константина в повести, и что в большей степени именно в описании врага и в повествовании о судьбе Собора Святой Софии отражена ориентация повести на «Историю» Иосифа Флавия [Мелихов 2003: 104].

Использование же формул и мотивов, традиционных для древнерусского историко-беллетристического повествования наделяет повесть ярко выраженной художественностью, что усиливается при изображении персонажей. Так, например, мы можем найти множество параллелей между Мехмедом и Батыем, персонажем «Повести о разорении Рязани». Модель поведения турецкого султана Мехмеда напоминает поведение хана Батыя: оба героя выказывают свое уважение к побежденным героям. Аналогичным образом перекликается описание действий императора Константина с Евпатием Коловратом. Мы обнаруживаем ряд общих мотивов и синтаксических параллелей при сопоставлении двух эпизодов повестей: сражения императора Константина с турками [ПЛДР 1982: 240-242] и боя Евпатия Коловрата с татарами [ПЛДР 1981: 192]: *сѣчаше ихъ крѣпко - И начаша сѣчи силу татарскую; разсѣкаше ихъ надвое, а иных пресѣкая на полы - ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше; Турки же скликахуся - Татарове возбояшися; и всякым оружием суляху его - И навадиша на него множество пороков; и стрѣлы безчислены пуцаху на нь - и нача бити по нем ис тмочисленных пороков*. Приведенный отрывок является прямым подтверждением использования одним автором текста повести другого автора.

Еще одним немаловажным источником выступают фольклорные данные: древняя легенда о борьбе орла со змеей [ПЛДР 1982: 218], предсказания Мефодия Патарского и монаха Даниила [ПЛДР 1982: 264], которые имеют место как в историческом вступлении, так и в основной части повести. Описывая прошлое Константинополя, автор пересказывает древний сюжет, согласно которому орел, сражаясь со змеей, поднимает ее в небо, а затем замертво падает, змея же остается живой. После чего советники Константина Флавия говорят ему, что змея – это символ ислама, а орел – христианства, следовательно, Константинополю суждено быть захваченным мусульманской армией. В основную часть

повести автор помещает отрывки из предсказаний Мефодия Патарского и монаха Даниила, предрекающие падение столицы Византии и последующее возвращение города в руки христиан: *«Русий же род с прежде создателными всего Измаилта побѣдят и Седмохолмаго приимут с прежде законными его и в нем въцарятя и судръжат Седмохолмаго русы, язык шестый и пятый, и насадит в нем зелье и снѣдят от него мнози в отмищение святым»* [ПЛДР 1982: 264]. Использование этих пророчеств и позволяет отнести повесть к ряду произведений, выражающих концепцию «Москва – Третий Рим».

Мы можем также сказать, что в повести представлен мотив наказания города за грехи, который был широко распространен в древнерусской литературе. Пророчества о падении Царьграда либо оформляют традиционный древнерусский мотив о наказании города, собственно и выражая его, либо противопоставляются ему, обозначая историософское значение повести: концепцию «Москва - Третий Рим». Первая версия позволяет некоторым исследователям усомниться в том, что повесть выражает концепцию «Москва – Третий Рим». М.О. Скрипиль считает, что в Средние века на Западе и в самой Восточной Римской империи был распространен провиденциальный сюжет о падении Константинополя и освобождении его в дальнейшем христианами, следовательно, предания о захвате «Второго Рима», имеющие фольклорный характер, вполне могли послужить источником древнерусской повести без наделения ее каким-либо идеологическим смыслом [Скрипиль 1954: 179-180].

Таким образом, автор повести использовал 3 основных источника: Хронику Георгия Амартола, сочинение Иосифа Флавия и данные фольклорного характера. Используемые им материалы он обработал, руководствуясь древнерусской книжной традицией, что мы можем видеть как в изображении персонажей, так и в использовании традиционных формул и мотивов: император Константин говорит и поступает как русский князь, а турецкий султан Мехмед ничем не отличается от монгольских ханов, исторические лица, участвовавшие в событиях 1453 г. приобретают черты героев средневековой русской литературы. Можно с уверенностью сказать о большом литературном мастерстве древнерусского книжника, написавшего «Повесть о взятии Царьграда турками», благодаря этому мастерству, повествование о падении Константинополя представляет собой не только результат некоторого обобщения большого исторического материала, но высокохудожественное произведение древнерусской литературы.

Список литературы

Азбелев С.Н. К датировке русской повести о взятии Царьграда турками // ТОДРЛ. М.;Л.: Изд. АН СССР, 1961. Т. 17. С. 334–337.

Бельченко Г.П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л.: Академия наук СССР, 1934. С. 507–523.

Византийские пророчества о судьбе Царьграда // Библиотека церковно-исторических преданий. М.: Паломникъ. 2002. 189 с.

Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1950. 486 с.

Дестунис Г. Новоизданный список повести о Царьграде // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1887. Т. 2. 373 с.

История русской литературы. Т. II. Ч. 1 / под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, Н.К. Гудзия. М. Л.: Изд. АН СССР, 1945. 531 с.

Книга степенная царского родословия [в 2 ч.]. Ч. 1. // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1913. 708 с.

Леонид Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века / (по рукописи Троице-Сергиевой лавры нач. XVI века №773). СПб.: тип. В. Балашева, 1886. 43 с.

Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XII. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.

Матвиенко В., Щеголева Л. Временник Георгия монаха (Хроника Георгия Амартола). М.: Богородский печатник, 2000. 544 с.

Мелихов М.В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV–XVIII веков. дис. ... докт. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 404 с.

Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. XIII. Кн. 4. М., 1908. С. 344–379.

Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. IV. М., 1902. С. 1–50.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / Вступит, статья Д.С. Лихачева / под общей ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. 616 с.

Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. / Вступит, статья Д.С. Лихачева / под общей ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1982. 688 с.

Русский хронограф: [в 2 ч.]. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года // Полное собрание русских летописей. Т. XXII. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1911. 568 с.

Скрипиль М.О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. // ТОДРЛ. М., Л.: Изд. АН СССР, 1954. Т.10. С. 166–185.

Смирнов Н.А. Историческое значение русской «повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453г. // Византийский временник. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 7. С. 50–71.

Соболевский. А.И. Переводная литература московской Руси XIV–XVII вв. // Библиографические материалы. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1903. 460 с.

Сперанский М.Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков // ТОДРЛ. Ч.1. М., Л.: Изд. АН СССР, 1954. Т.10. С. 136–165.

I.E. Ivanov

Student of Philology Faculty

Kazakhstan branch

Lomonosov Moscow State University

**FEATURES OF LITERARY PROCESSING OF THE HISTORICAL MATERIAL IN
“THE TALE OF THE CAPTURE OF CONSTANTINOPLE BY THE TURKS IN 1453”**

The article is devoted to the use of foreign and folklore sources by the author of “The Tale of the capture of Constantinople by the Turks in 1453” when writing the work, as well as to the peculiarities of literary processing of information from these sources. The ancient Russian author described an event in Byzantine history, using various sources and processing them in accordance with the literary tradition of medieval Russian literature. An event in Byzantine history, which influenced the history of the entire Mediterranean, is described by the author in a style characteristic of ancient Russian literature, which allowed him to create a whole, complete, highly artistic literary work.

Key words: ancient Russian literature; military stories; Constantinople; Chronicle of George Amartol; History of the Jewish War.

Диана Викторовна Плотникова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
diana_plotnikovaa@bk.ru

«ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ДУХОВНАЯ БИОГРАФИЯ А. С. ПУШКИНА

Настоящее исследование посвящается вопросу о влиянии А. С. Пушкина, его личности и творчества, на мирозерцание Ф. М. Достоевского и конструирование романистом своего художественного мира. Роман Достоевского «Идиот» рассматривается авторами статьи как художественный комментарий к одной из линий духовного пути Пушкина. Впервые сюжет о влюбленности поэта в Богородицу анализируется в связи с осмыслением Достоевским пушкинского учения о красоте.

Ключевые слова: духовная биография, художественная биография, художественный комментарий, Богородица, Шамаханская царица.

В послекаторжный период своего творчества Ф. М. Достоевский с большим интересом обращается к опыту А. С. Пушкина, чей образ приобретает для писателя сакральное значение: «Достоевский интенсивно мифологизирует его (Пушкина – Д. П.) образ, постепенно создавая своего рода икону...» [Фокин 2001: 163], «...высочайшее, недостижимое место в иерархии внутреннего мира и образного строя произведений Достоевского занимал Христос. А среди людей — почти такое же недостижимое для всех остальных место принадлежит Пушкину» [Касаткина 1999: 301].

В романе «Идиот» восприятие Достоевским Пушкина и его творчества нашло наиболее полное и новаторское выражение. Роман оценивается исследователями как самое насыщенное пушкинскими цитатами творение писателя, однако смысл появления многих пушкинских текстов в «Идиоте» в полной мере еще не разгадан. В частности, до настоящего исследования обращение Достоевского к сюжету «Сказки о золотом петушке» должного внимания не получает.

Скрытую аллюзию в романе «Идиот» на один из мотивов сказки впервые отмечает П. Е. Фокин [Фокин 2001: 166–167]. Аллюзия — на мизансцену мертвых сыновей Дадона возле шатра Шамаханской царицы — возникает в финале романа, послужившем предметом особой авторской заботы: «Наконец, и (главное) для меня в том, что эта 4-я часть и окончание ее — самое главное в моем романе, то есть для развязки романа почти и писался и задуман был весь роман» [XXVIII (II), 318]¹.

На наш взгляд, отсылка к тексту Пушкина служит ключом к разгадке тайны трагической развязки, а сам роман, в свою очередь позволяет прояснить,

какое место занимают «Сказка о золотом петушке» и связанные с ней тексты в духовной биографии Пушкина.

Указанная аллюзия взаимодействует в романе с другим пушкинским текстом – балладой «Жил на свете рыцарь бедный» (первая редакция — 1829 г.), посвященной истории рыцарской любви к Богородице. Поэтический сюжет любви к Мадонне подробно рассматривает И. З. Сурат в монографическом исследовании, построенном вокруг толкования названной баллады. В 1835 г. Пушкин возвращается к истории рыцаря бедного, довольно радикально переосмысляя его судьбу. Концовка стихотворения меняется с оптимистичной – спасение рыцаря Богородицей и встреча с ней в царстве вечном: «*Но Пречистая сердечно заступилась за него и впустила в Царство вечно паладина Своего*» – на бесконечно мрачную: «*Воротясь в свой замок дальний жил он строго заключен, все безумный, все печальный, как безумец умер он*».

Переживая острый духовный кризис, в 1828–1830 гг. Пушкин искал спасения (в религиозном смысле) в любви к Богородице и в «богородичной красоте». «В начале стихотворения («Жил на свете рыцарь бедный...» – Д. П.) он (небесный мир – Д. П.) приоткрывается герою через видение, меняет его жизнь, подчиняя ее высшему началу. <...> Любовь “рыцаря бедного” не самоценна, она есть лишь путь спасения, путь «в царство вечно» [Сурат 2009: 216] (мотив встречи с возлюбленной – Царицей Небесной – здесь присутствует в снятом виде).

Земное «вместилище» Богородицы, земное олицетворение «богородичной красоты» Пушкин находит в Наталье Гончаровой: «Образ Мадонны, привидевшийся поэту в облике Натальи Николаевны, поразил его не только эстетически. Приобщение к этому образу сулило, казалось, новую жизнь, с ним связывалась острая потребность в очищении, отрешении от страстей» [Сурат 2009: 245]. Брак с возвышенным объектом в земном мире оборачивается профанацией идеала: «Сама жизнь вместо брака небесного, вместо жертвенного служения идеалу, предложила ему реальный брак во всей обыденности (он буквально увяз в хозяйственно-материальных хлопотах)» [Сурат 2009: 259].

В редакции «Легенды» 1835 г. идея небесного брака уходит: «Любовь рыцаря уже не приравнивается к религиозному пути. <...> Более того, любовь его не просветляет, это скорее помрачение, от которого рыцарь становится «дик и рьян» и умирает «как безумец» [Сурат 2009: 279]. «В последней редакции из стихотворения исчезает его главная идея – религиозное оправдание любви. Любовь героя не освящена Небесами, жизнь обесмыслена, и душе его (рыцаря – Д. П.) нет спасения» [Сурат 2009: 280].

Прекрасное видение (у рыцаря – встреча с Мадонной, у Пушкина – с Натальи Гончаровой) обернулось миражом, Пречистая Дева оказалась наваждением. Не об этом ли повествует нам «Сказка о золотом петушке»? Эта гипотеза впервые высказана в статье И. Ю. Роготнева [Роготнев 2018].

В последней редакции «Легенды» свою одержимость идеалом женской красоты, идею земной любви к возвышенному Пушкин уже расценивает как наваждение, как влечение к смерти, что отражается в лирических текстах

1834—1835 гг., а также в произведениях статуарной серии, с особенной силой мотив влечения к смерти проявляется в «Сказке о золотом петушке».

Можем ли мы говорить, что тот же сюжет – разочарование в идеале – мы наблюдаем в романе Достоевского? Этот писатель, как нам кажется, разглядел сюжетную связь «Легенды» (в поздней редакции баллады или романса) с последней пушкинской сказкой и стал первым толкователем, связавшим «Рыцаря бедного» с «Золотым петушком».

Оба текста – «Жил на свете рыцарь бедный...» и «Сказка о золотом петушке» – объединены темой «мощной власти красоты». «Красота – главная святыня пушкинской поэтической религии, и это не метафора, его восприятие красоты действительно религиозно», – пишет И. З. Сурат [Сурат 2009: 250]. Поставив своей творческой задачей описать идеального, «положительно прекрасного человека», размышляя над спасительной-губительной силой красоты, над идеалом Мадонны и идеалом содомским, Достоевский, конечно, обращается к Пушкину.

«Идиот» может быть прочитан как художественный комментарий к одной из линий духовного пути Пушкина. Достоевский, как нам кажется, не ограничивается аллюзией или прямой цитатой, а предстает как собеседник-интерпретатор, «духовный» биограф Пушкина.

Из исследователей-пушкинистов первым, кто наметил связь между «статуарной серией» и пушкинской лирикой «утаенной любви», стал Р. О. Якобсон [Якобсон 1987]. Общим звеном (объединяющим статуарные произведения и лирику утаенной любви) для уже обозначенных текстов является стихотворение «В начале жизни помню я...», которое служит предысторией статуарной фантазмагии и «становится едва ли не ключевым документом в исследованиях, посвященных теме мистической любви Пушкина к Богородице», «становится ключом к раскрытию тайны утаенной любви» [Роготнев 2018: 16].

Проницательный Достоевский-читатель обнаруживает связь сюжета любви к Богородице с сюжетом сказки, а гениальный Достоевский-художник реконструирует эту связь образными средствами, тем самым воссоздает в своем романе духовный путь Пушкина в определенный период его жизни.

Анализ текстов в избранном ракурсе позволяет сделать важные выводы, проясняющие смысловое содержание мистико-любовной коллизии в романе «Идиот» и обширнее представить пушкинский контекст романа.

Образ князя двоятся – он предстает как юродивый и как безумец. К. А. Степанян подробно описывает «движение» Мышкина в этих координатах: «...юродивый и безумный стоят на разных границах бытия и собой обозначают эту границу. Юродивый стоит на границе горнего и дольного мира, ибо тело, земная плоть для него уже практически не существует, он уже готов перейти в жизнь вечную. <...> Юродивый также находится на границе церковного и светского миров, святости и греха, смирения и гордыни, индивидуализма и соборности, жизни и смерти, в конечном итоге — бытия и небытия. С иной стороны — со стороны мрака вечной смерти и небытия уже при жизни находится безумный. С древнейших времен безумство понималось как отпадение от Бога:

“Рече безумец в сердце своем: несть Бог” (Пс. 13, 1)» [Степанян 2001: 137, 138]. Есть основания называть князя Мышкина юродивым в первой части романа, и безумным – во второй. Все более безумными ближе к развязке становятся не только главный герой, но и все, кто его окружает. Безумство как неизбежность, как смерть, как тень потустороннего злого мира заполняет все пространство романа. Движение к безумству расценивается нами как движение к смерти, на протяжении всего действия романа к смерти движется и Настасья Филипповна.

В первой части Мышкин-«юродивый» видит в Настасье Филипповне подобие Богородицы, готов рыцарски служить ей, на что и указывает Аглая Епанчина, декламируя пушкинскую «Легенду». Во второй части Мышкин-«безумец» служит той же Настасье Филипповне, но она уже — женщина «с иным лицом», внушающим таинственный страх.

Суицидальность Настасьи Филипповны отмечена многими исследователями; возвращаясь к Рогожину, она понимает, что «идет на нож». Это странное влечение к смерти может свидетельствовать и о потусторонней сущности героини.

В финале романа «Идиот» мы видим картину, на которой изображены крестовые братья Мышкин и Рогожин, они сидят, обнявшись, у «шатра», в котором лежит труп Настасьи Филипповны, а дух ее в это время ходит по дому. Это явно напоминает сцену у шатра Шамаханской царицы, когда Дадон видит трупы своих сыновей, заколовших друг друга – об этой аллюзии, выявленной П. Е. Фокиным, мы уже упоминали выше.

Таким образом, в финале Настасья Филипповна оказывается сущностью из мира смерти, Мышкин лишается ампулы юродивого и предстает перед нами безумным: отпадает от Бога и оказывается в услужении демонических сил. Царица Небесная оборачивается Шамаханской царицей. Настасья Филипповна по-прежнему богиня, но богиня из царства мертвых: она умерщвляет крестовых братьев. Ее суицидальность может рассматриваться как «зов» ее потусторонней природы (зло, смерть, демонизм).

Двусмысленный образ Настасьи Филипповны Барашковой, сопрягающий в себе Богородицу и темную богиню (Шамаханскую царицу), становится понятным, когда мы рассматриваем роман Достоевского как художественное толкование писателем духовного пути Пушкина. Еще более проясняется загадочность женского образа в романе при соотнесении (что уже было сделано исследователями-мифографами [Нойманн 2012]) образа Богородицы с образами Венеры и Персефоны.

Вспомним последний стих «Легенды» в редакции 1835 г.: «*Как безумец умер он*». Мышкин, как и рыцарь Пушкина, начинает со служения Богородице, а заканчивает безумием. Тема смерти и самоубийства проступает в романе в связи с темой губительной силы красоты и в то же время отражает настроения Пушкина 1834–1835 гг., когда создается страшная «Сказка о золотом петушке».

Женитьба и связанные с ней духовные переживания Пушкина нашли свое отражение в движении-изменении текста «Легенды» и в связанной с ним «статuarной серии» — женихом предстает перед нами и князь Мышкин. Разыгры-

вающаяся борьба за невесту в романе Достоевского как бы изображает борьбу Пушкина за Натали Гончарову и борьбу за шамаханскую красавицу царя Дадона и скопца в «Сказке о золотом петушке». Любопытно, что князь Мышкин вступает в борьбу за невесту со *скопцом* Рогожиным (на его связь с сектой скопцов есть подспудные указания в романе).

«Шамаханская царица прекрасна, но по путям ее тянется кровавый след...» [Вацуро 2000: 229]. О неоднозначности образа Настасьи Филипповны, однако, заявлено уже на первых страницах романа в загадочной фразе Мышкина: «...вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра!»; «Все было бы спасено!» [VIII, 32]. Так Достоевским ставится в романе вопрос о красоте, с помощью которой можно «спасти мир» или погубить его [Криницын 2001: 176]. Другая фраза князя, которая может быть воспринята как «юродская провокация» [Степанян 2001: 145], также таинственна: «мир спасет красота», на вопрос к этому высказыванию: «Какая?», – Мышкин не дает ответа. Это остается тайной, загадкой романа Достоевского.

Т. А. Касаткина в романе Достоевского выделяет две цитаты, «определяющие все смыслы его художественного мира, два столпа, на которых держится все построение автора»: живописную – картина Гольбейна и поэтическую – «Жил на свете рыцарь бедный». Обе, по мнению исследователя, описывают духовный кризис писателей. В попытках разрешить свои душевные терзания, они в какой-то миг пошли одним путем: «Они оба попытались “присвоить” себе – один “Христа вне истины”, другой – Богородицу, любимую страстной любовью, они попытались перевести Их в план частной жизни (не личной!), укрыть их в человеческом облике – лишь для себя. <...> “Идеал” и “образец”, замкнутые в пределах земного окоема, оказываются хрупки и несостоятельны – если не ложны. Присвоенная Мадона оказывается всего лишь Натальей Гончаровой, Христос “вне истины” – всего лишь князем Мышкиным, неудачным строителем Храма Богородицы, который нельзя воздвигнуть, подменяя (даже обманно) Любовь любовью страстной» [Касаткина, 1999: 305].

Утрата идеала и падение в бездну – сюжет, объединивший «Легенду», «Сказку» и роман «Идиот». Таким образом, поставленную Пушкиным проблему красоты, идеала красоты Достоевский пытается осмыслить сквозь призму его же – Пушкина – духовного пути.

Примечание

1. Сочинения ф. М. Достоевского цитируются с указанием номера тома (римской цифрой) и страницы по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Фридлиндер Г. М. и др. Академия наук СССР. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1972. 1990.

Список литературы

Вацууро В. Э. «Сказка о золотом петушке» (Опыт анализа сюжетной семантики). / В. Э. Вацууро. Пушкинская пора: Сб. ст. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. С. 217–234.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Фридлиндер Г. М. и др. Академия наук СССР. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1972-1990. 30 тт.

Касаткина Т. А. «Рыцарь бедный...»: пушкинская цитата в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 301–307.

Криницын А. Б. Пушкинский контекст романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения / Сб. под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 170–205.

Нойманн Э. Великая мать. Глубинная психология и психоанализ – М.: «Добросвет», «Из-во КДУ» 2012. 410 с.

Роготнев И. Ю. Мадонны, кумиры и трупы в поэтической мифологии А. С. Пушкина // Филологические заметки. 2018. Т. 2. № 16. С. 14–28.

Степанян К. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения / Сб. под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 137–162.

Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...» / И. З. Сурат. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 185–292.

Фокин П. Пушкинский контекст романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. / Сб. под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 163–169.

Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Р. Якобсон. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145–180.

D. V. Plotnikova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

“THE IDIOT” BY F.M. DOSTOEVSKY AND SPIRITUAL BIOGRAPHY OF A.S. PUSHKIN

The article is concerned with analysis the influence of the personality and works of A.S. Pushkin on the worldview of F.M. Dostoevsky and on the artistic world created by him. Dostoevsky's novel “The Idiot” is considered by the authors of the article as an artistic commentary on one of the lines of Pushkin's spiritual path. The plot of the poet's love for the Theotokos is analyzed in connection with Dostoevsky's understanding of Pushkin's doctrine of beauty for the first time.

Key words: spiritual biography, artistic biography, artistic commentary, Theotokos, Shamakhan queen.

Попова Ангелина Сергеевна
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Gelya111@mail.ru

«МЕРТВЫЕ ДУШИ» Н.В. ГОГОЛЯ И ПРОБЛЕМА «МЕНИППЕИ»

В статье производится анализ базовых и периферийных компонентов поэтики «серьезно-смехового» (М.М. Бахтин) на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Поэма рассматривается с точки зрения категорий карнавализации и элементов мениппейной парадигмы, что позволяет увидеть в произведении реализацию устойчивого мениппейного сюжета – диалогов в царстве мертвых. В качестве типологических параллелей привлекаются произведения Лукиана, посвященные комическим повествованиям о царстве мертвых.

Ключевые слова: мениппея; карнавализация; Гоголь; Мертвые души; разговоры в царстве мертвых; Бахтин; Лукиан.

Традиция диалогов в царстве мертвых известна с античности. К ней обращались такие авторы, как Менипп, Лукиан, Аристофан, Ф. Рабле, Ф. Фенелон, А.П. Сумароков, М.Н. Муравьев, М.Д. Чулков, В.А. Приклонский, И.А. Крылов, Ф.А. Эмин, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь и др. Использование данной формы позволяет гротескно показать парадоксальность привычного мира, поставить вопрос об истинных и ложных ценностях, обратить внимание на вечные экзистенциальные проблемы.

«Мертвые души» Н.В. Гоголя связаны с традицией диалогов в царстве мертвых и с мотивом путешествия по карнавализованной преисподней, и, как нам кажется, совмещают в себе два способа изображения царства мертвых: карнавально-мениппейный и эпически-дантевский. Устройство и функционирование последнего гоголеведами хорошо изучено («Мертвые души» неоднократно сопоставлялись с «Божественной комедией» Данте Алигьери по нескольким аспектам: наличию элементов античной и христианской мифологии ада, принципам эпического нарратива, сходствам в архитектониках поэм в целом и т.д.), поэтому в данной статье мы попробуем посмотреть на поэму Н.В. Гоголя с иной точки зрения: проанализируем гоголевскую «мениппейную» поэтику.

Мениппова сатира или мениппея – одно из неоднозначных и неопределенных понятий в литературоведении. Одни ученые считают ее жанром, существовавшим исключительно в античности (см. подробнее [Нахов 1982; Помяловский 1869]), другие отрицают возможность ее реконструкции и применения самого термина для описания литературных произведений [Гаспаров 2004]. Большой вклад в актуализацию и переосмысление этого понятия внес М.М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского». В монографии описаны жанровые характеристики мениппеи: карнавализация, пороговые состоя-

ния, диалогизация и двусмысленность, фамильярность и профанация, оксюморные сочетания, символичность, каламбуры, грубый натурализм, снижения, тема карнавализованной преисподней, диалоги мертвых, – функционирование которых М.М. Бахтин обнаруживает в литературе Нового времени, например в текстах Ф.М. Достоевского.

Несмотря на отсутствие строгого определения мениппеи, можно выделить наиболее характерные для нее признаки. Одним из главных признаков является наличие вечной проблемы, постановка экзистенциального вопроса, рассуждение на философскую тему, как правило, в сниженной, комической, гротесковой форме, что достигается, в частности, за счет элементов карнавальной поэтики. Цель мениппейной поэтики – испытать правду, философскую идею героя через вульгаризацию, фамильяризацию, грубую телесность, т.е. через столкновение высокого с низким.

Приведем несколько примеров реализации элементов мениппейной парадигмы в «Мертвых душах», исходя из четырнадцати признаков мениппеи, сформулированных М.М. Бахтиным.

По М.М. Бахтину, мениппея связана с областью «серьезно-смехового», которая в свою очередь имеет «глубокую связь» с карнавальным мироощущением [Бахтин 2002: 121–122]. В мениппее элементы карнавализации выступают как один из способов построения художественного мира, как средства выразительности, как способ воплощения философских идей. В «Мертвых душах» много отсылок к Масленице – русскому варианту карнавала. Это и блины у Коробочки, и чучело в ее чепце, и медведь (Собакевич, напоминающий медведя, «медведь, крытый коричневым сукном» на плечах Чичикова и «господина» [Гоголь 1951: 140]¹), и кулачные бои, «веселые смерти» («Сольвычегодские уходили насмерть устьсыольских» [Гоголь 193], «Крестьяне сельца Вишвая-спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию, в лице заседателя, какого-то Дробяжкина» [Гоголь 194]).

Особую роль в контексте мениппеи играет карнавальный пафос смен и обновлений, проявляющийся в обряде увенчания и развенчания: увенчание Чичикова чиновниками – оксюморное изменение его образа (капитан Копейкин, Наполеон, антихрист) – и его развенчание («бегство из текста» [Карасев 2012]), что является испытанием философской идеи, проверкой правды главного героя. В поэме Н.В. Гоголя неоднократно появляется такой обряд карнавала, как переодевание: из мужчины в женщину (Чичиков скоро заметил какую-то фигуру. <...> Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее на женский капот; на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы; только голос показался ему несколько сильным для женщины. «Ой, баба!» подумал он про себя и тут же прибавил: «Ой, нет!» «Конечно, баба!» наконец сказал он, рассмотрев попристальнее [Гоголь 114]), и наоборот (Елизавета Воробей). В «Мертвых душах» мы находим характерные для мениппеи проявления эксцентричности: скандалы, неуместные речи, нарушения общепринятого и обычного хода собы-

тий, норм поведения и этикета, «неуместное слово» (поведение Ноздрева); фамильярное сочетание хвалы и брани (в форме восхищенного, благословляющего проклятия): «*Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми!*» [Гоголь 200], «*Мосты там висят эдаким чортом*» [Гоголь 200]; использование персонажами вещей наоборот (*На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук* [Гоголь 116]).

Для мениппеи характерна неоднородность поэтики, в частности наличие вставных жанров. В «Мертвых душах» это рассказ о капитане Копейкине, притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче, письмо Чичикову от неизвестной. В произведении также много сопоставляемых друг с другом образов – парных образов по сходству и по контрасту, пародирующих двойников (Ноздрев – Мижухев, дама, приятная во всех отношениях – просто приятная дама, дядя Митяй – дядя Миняй, Ноздрев – собаки, Селифан – кони). В этом заключен еще один мениппейный признак – синкриза.

В произведении Н.В. Гоголя гармонично сочетаются наличие «последних вопросов» (вечные философские оппозиции жизни и смерти, истинных и ложных ценностей) и обилие смеховых элементов (абсурд, алогизм, парадокс, нонсенс, гипербола и т.д.), что, как было упомянуто выше, является одним из главных признаков мениппеи.

Отдельно стоит сказать о взаимодействии автора и главного героя. Согласно Ю.В. Манну, «не автор ведет персонажа, а персонаж ведет за собою автора» [Манн 2007: 298]: «*Не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма*» [Гоголь 240], «*Здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться*» [Гоголь 241]. «Хотя “ведет” “автора” персонаж, но наблюдает, “подслушивает” и “подсматривает” эту жизнь прежде всего “автор”, что создает дополнительное конструктивное противоречие и в повествовании, и в общей установке произведения» [Манн 2007: 302]. Здесь просматривается мениппейный мотив автора-«соглядатая», наблюдателя, под-разумевающего взгляд с необычной точки зрения, при которой меняются масштабы жизненных явлений [Щетинин 2009: 92].

С другой стороны, одна из возможных интерпретаций роли автора – проводник по царству мертвых: «*И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями*» [Гоголь 134]. Функция автора-проводника – отрицание «ценностей» Чичикова, в чем проявляется, согласно М.М. Бахтину, мениппейный мотив «испытания идеи и ее носителя» [Бахтин 2002: 130]. Идея Чичикова – желание материального обогащения. Для него цель оправдывает средства. Автор дает понять, что его ценности ложны. Однако в рамках первого тома система его ценностей не претерпевает изменений.

Для того чтобы показать функционирование карнавализованного ада «Мертвых душ», сопоставим их с изображением античных преисподних – «Разговорами в царстве мертвых» и «Мениппом, или Путешествием в подземное царство» Лукиана, которые, бесспорно, являются мениппеями. Эти произведе-

ния сочетают смеховые элементы и вечные философские вопросы, контрасты (истинные и ложные ценности, смех и слезы, молодость и старость, бедность и богатство) и эксцентричность, нарушения общепринятых норм поведения (плачущие мертвецы и смеющийся Менипп в лодке, «Харон и Менипп») и синкризы, трехпланное построение (преисподняя – земля – Олимп) и исключительные фантастические ситуации (царство мертвых), служащие испытанием правды героя и т.д.

Говоря о царстве мертвых, стоит отметить, что по канонам мениппеи оно описывается как «мир наоборот». У Лукиана в «Разговорах в царстве мертвых» (в диалогах «Александр, Ганнибал, Минос и Сципион», «Диоген и Александр») происходит развенчание людей, увенчанных при жизни, ведь после смерти «все равны» [Лукиан 2001: 370], и в первом же диалоге говорится: «<...> когда увидишь богачей, сатрапов и тиранов такими приниженными, такими невзрачными, узнаваемыми только по своим стонам, когда увидишь, как они бессильны и жалки в своей тоске по тому, что оставили наверху, на земле» [Лукиан 369]. Аналогичным образом можно рассмотреть помещиков: они – владельцы крепостных крестьян, представители привилегированного сословия, в то же время они сами находятся «в рабстве» у своих пороков, что ярче всех проявляется, безусловно, у Плюшкина. Используя термины карнавальской поэтики, можно сказать, что мы видим Плюшкина до развенчания (в прошлом: «был бережливым хозяином! был женат и семьянин» [Гоголь 117], «в глазах был виден ум; опытностью и познанием света была проникнута речь его» [Гоголь 118]), далее – снижение образа, процесс развенчания («стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее» [Гоголь 118], «человеческие чувства <...> мелели ежесекундно» [Гоголь 119]), и развенчанного («бес, а не человек» [Гоголь 119], «прореха на человечестве» [Гоголь 119]) в момент, когда происходит действие, и, по замыслу автора, должны были бы увидеть его увенчанным – в будущем.

У Лукиана есть сцены торговли («Гермес и Харон»). Это торговля между мертвыми. У Н.В. Гоголя сами мертвые становятся объектом торговли («Я полагаю приобрести мертвых» [Гоголь 34], «Народ мертвый, а плати как за живого» [Гоголь 51], «Ведь я мертвых никогда еще не продавала» [Гоголь 51]). В то же время мертвые могут быть рассмотрены и как субъекты торговли (помещики).

Функционально Чичикова можно сравнить с Мениппом («Менипп, или путешествие в подземное царство» Лукиана): оба героя проходят по царству мертвых. Разница в том, что у Лукиана есть момент входа и выхода из этого царства, а цель путешествия Мениппа – идеальная. Цель Чичикова материальна («обогащение»), и если мир «Мертвых душ» – синекдоха всей России и даже всего человечества, есть ли там вход и выход – вопрос риторический. И в «Мертвых душах», и в произведениях Лукиана присутствуют два плана: метафорический вертикальный (ад, царство мертвых – земля – небо, рай, Олимп) и зримый горизонтальный (движение по царству мертвых, движение от помещика к помещику). Менипп в Лукиановом «Путешествии в загробное царство» пе-

реходит между вертикальными уровнями (спускается в царство мертвых и возвращается на землю) и движется по горизонтали – по царству мертвых. Чичиков же движется только по горизонтали. И Чичиков, и Менипп – посредники между миром живых и миром мертвых. И у Мениппа, и у Чичикова есть средство передвижения по царству мертвых – лодка и бричка соответственно, управляемые Хароном и Селифаном.

Показательным является момент из седьмой главы, где Чичиков «разговаривает» с купленными им умершими крестьянами. «Диалог» проходит в вопросно-ответной форме, собеседники называются по имени, тема разговора – экзистенциальная (жизнь и смерть). Данный фрагмент является метафорической микромоделью, паратекстом [Женетт 1989] всей поэмы, так как в этом фрагменте Чичиков общается с «мертвыми душами» (умершими крестьянами), то же самое он делает в продолжение всей поэмы (общается с духовно «мертвыми душами» – чиновниками и помещиками).

Анализ поэмы в рамках концепции М.М. Бахтина, сопоставление «Мертвых душ» с античными произведениями, отнесенными нами к мениппейной форме диалогов в царстве мертвых, дает основание заключить, что поэму Н.В. Гоголя можно интерпретировать с карнавально-мениппейной точки зрения. На протяжении всего произведения происходит снижение философского значения души, смерти с целью заострения проблемы человеческой низости, греховности, пошлости, «сталкивание» жизни и смерти.

Независимо от того, чем с литературоведческой точки зрения является мениппея (жанром [Бахтин 2002], [Махлин 2001], [Пискунова 2012], [Нахов 1982], [Помяловский 1869], метажанром, типом комизма [Роготнев 2017], пафосом [Новикова 2015], междужанровым явлением [Попова 2007]), существование и функционирование в мировой литературе мениппейной поэтики не вызывает сомнений, что позволяет нам по-новому прочесть как «Мертвые души», так и многие другие произведения.

Разумеется, отнесение «Мертвых душ» к мениппейной парадигме позволяет увидеть лишь еще одну грань многостороннего произведения и вовсе не исчерпывает всей глубины и разноплановости поэмы.

Примечание

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6, ч. 1. 924 с. Лукиан Самосатский. Сочинения: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 480 с. Здесь и далее произведения цитируются без указания года издания и тома с указанием страниц в квадратных скобках.

Список литературы

Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С.115–202.

Гаспаров М. Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методо-

логии изучения: материалы Международной научной конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С.8–10.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6, ч. 1. 924 с.

Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Наука, 1989.

Карасев Л. В. Гоголь в тексте. М.: Языки славянской культуры, 2012. 223 с.

Лукиан Самосатский. Сочинения: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 480 с.

Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 2007. 744 с.

Махлин В. Л. Мениппея // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: ИНИОН РАН: Интелвак, 2001. 525–529 стб.

Нахов И. М. Философия киников. М.: Наука, 1982. 223 с.

Новикова Ю. В. Мениппея как разновидность сатирического пафоса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XLVII международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2015. №12 (55). С.20–26.

Пискунова С. И. Мениппея: до и после романа // Вопросы литературы, 2012. №4. С.267–293.

Помяловский И. В. Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1869. 315 с.

Попова И. Ю. «Мениппова сатира» как термин Бахтина // Вопросы литературы, 2007. №6. С.83–107.

Роготнев И. Ю. Античная мениппея и «ложная сатира» в русской литературе // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всероссийской (с междунар. участием) научной конференции. Пермь, 2017. С.333–342.

Щетинин Р. Б. Жанровые особенности мениппеи // Вестник Томского государственного университета, 2009. №3 (7). С.84–93.

A.S. Popova

Student of Philological Faculty
Perm State University

“DEAD SOULS” BY N.V. GOGOL AND THE PROBLEM OF “MENIPPEA”

This article focuses on the problem of menippea as Bakhtin's idea. A new look at Gogol's poem “Dead souls” is offered in the article. The analysis of the work is carried out in terms of the categories of menippea and carnivalization, this allows to see the embodiment of stable plot dialogues of the dead in the work. The works of Lucian devoted to comic narratives about the abode of the dead quote as typological parallels.

Key words: menippea; carnivalisation; Gogol; Dead souls; dialogues of the dead; Bakhtin; Lucian.

Мария Юрьевна Попова

аспирант факультета филологии и межкультурной коммуникации
Уральский государственный педагогический университет
pop.masha2014@yandex.ru

«ЖЕНСКИЙ» РОМАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1850-Х ГОДОВ: ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА

В статье рассматривается жанровая специфика романов «забытых» писательниц середины XIX в., обуславливающая особенности стилевой организации произведений. В ходе жанрового анализа разновидностей «женского» романа 1850-х гг. (любовный, семейно-бытовой, семейно-биографический с элементами авантюрно-приключенческого жанра) автор приходит к выводу, что художественная структура указанных модификаций романа была направлена на раскрытие внутреннего мира женского персонажа, следовательно, они являются разновидностями психологического романа.

Ключевые слова: жанр; стиль; «женский» роман; психологический роман; разновидности психологического романа.

Феномен «женского» романа, как и «женской» прозы 1850-х гг.¹, остается малоизученным. Однако романов, повествующих о судьбе женщины, в указанный период написано немало. В середине века создают романы Е. П. Ростопчина («Дневник девушки», 1849; «Счастливая женщина», 1851–1852; «Палаццо Форли», 1852; «У пристани», 1857), Ю. В. Жадовская («В стороне от большого света», 1857), М. С. Жукова («Две свадьбы», 1857), А. Я. Панаева («Мелочи жизни», 1854), Е. Тур («Племянница», 1851; «Разговор на большой дороге», 1851; «Три поры жизни», 1854), А. Я. Марченко («Тени прошлого», 1850), А. П. Студзинская («Последняя казнь», 1858). Заранее скажем: «женский» роман интересует нас исключительно с точки зрения жанровой специфики.

Опираясь на концепцию жанра Н. Л. Лейдермана [Лейдерман 2010: 108–144], попытаемся выделить особенности «женского» романа 50-х гг. XIX в.

Главным предметом изображения в романах становилось формирование личности женщины через любовные и семейно-бытовые отношения. «Женский» роман «вызревал» из светской повести 1830-х годов [Сизова 2007: 27–73], для него характерен тот же, что и для светской повести, конфликт, внешняя сторона которого заключалась в столкновении героя или героини со светским обществом, а внутренняя – в противоречии «между “естественной”, природной его [героя – М. П.] сущью и “навязанной”, социальной» [Ермоленко, Валек 2013: 41]. Среди создателей светских повестей 30-х гг. XIX века были женщины: Е. А. Ган («Идеал», 1837; «Суд света», 1840), Н. А. Дурова («Угол», 1840), М. С. Жукова («Барон Рейхман», 1837; «Самоотвержение», 1839).

Исследуемым нами романам свойственна определенная субъектная организация, являющаяся важнейшим уровнем жанровой структуры произведения.

В романах Е. П. Ростопчиной «Дневник девушки», «У пристани» и Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света» повествование ведется от первого лица, что позволяет сосредоточиться на раскрытии внутреннего мира женщины. Так, при чтении дневника Зинаиды (роман в стихах Е. П. Ростопчиной «Дневник девушки») читателю открываются душевные муки скованной законами света героини: *«Я вижу, есть где жить... но чем и как дышать, / Когда недужное сжимает ощущение / Все чувства бытия, все существо мое?»* [Ростопчина 2019: 197].

При перволичной форме повествования герой – субъект речи может транслировать слова, мысли, чувства, принадлежащие другим персонажам – субъектам сознания [Корман 1977: 508]. Например, в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света» речь Евгении насыщена отсылками к высказываниям других персонажей: *«Эту эпоху своей молодости тетушка называла “романом своей жизни” <...> Она любила ... чтобы у нее было хорошо, чтобы соседка, уезжая с ее обеда, говорила: “Какой прекрасный стол у Авдотьи Петровны! Когда ни заезжай, голодна не будешь...”»* [Жадовская 1993: 6–7].

В романах с объективированным повествованием от третьего лица нередко появляются автодокументальные «вставки»: письма, отрывки дневников, записки, которые оказываются композиционно значимыми. Например, в финале романа Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина» дается предсмертное письмо Марины Ненской, содержащее «признание души» и «короткий перечень всей ... жизни» героини [Ростопчина 1991: 118]. В роман Е. Тур «Племянница» также включен ряд важных для развития сюжета писем.

Другой особенностью «женской» романистики является ироническая тональность повествования. Она возникает за счет того, что женский субъект речи транслирует мужское сознание, имеющее ограниченное представление о женщине и ее внутреннем мире. В романе Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина» встречаем злобно-насмешливый и одновременно сочувственный пассаж повествователя о назначении женщины: *«И если вместо женщины, твари разумной, одаренной бессмертной, всеобъемлющей душою, любящим сердцем и светлым умом, из тепличек и клеток домашнего воспитания выходит часто безмозглая кукла, способная только наряжаться и отмалчиваться на все вопросы жизни, – что же за беда?.. Ведь иногда кукла безвреднее и особенно сподручнее женщины <...> Марина была не кукла, и потому ей не все удавалось!»* [Там же: 22–23]. Такое субъективное и эмоционально-окрашенное отступление свидетельствует об авторском присутствии в тексте. Сюжетно не проявленный повествователь в данном случае близок Марине Ненской.

Главная героиня «женского» романа, как правило, – девушка 17 лет: Маша Бельская (Е. Тур «Племянница»), Наташа Козлова и Леночка (А. Я. Панаева «Мелочи жизни»), Евгения (Ю. В. Жадовская «В стороне от большого света»). Именно в этом возрасте, начиная с 1830-х гг., женщина могла вступать в брак. Особую драматичность процессу становления женского характера придает тот факт, что многие главные героини – сироты, попадающие на попечение дальних родственников, которые являют собой яркий пример самодурства и тира-

нии. Последующее замужество девушек оказывается неудачным (А. Я. Панаева «Мелочи жизни», Е. П. Ростопчина «Счастливая женщина», Е. Тур «Племянница»). Так, разумеется, в общих чертах, строится фабула любовного и семейно-бытового романа.

Пространственно-временной организации «женского» романа свойственно противопоставление усадебного мира, мира провинции столичному пространству. Усадебный хронотоп «совмещает в себе элементы нескольких типов идиллий: любовной, семейной, земледельчески-трудовой [Бахтин 2012: 472], для которых характерна «прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к <...> родному дому». Таким образом «подлинное органическое», циклическое время идиллического усадебного хронотопа противопоставляется «раздробленному времени городской жизни» [Там же: 475].

Усадьба ассоциируется с раем, Эдемом, Элизиумом, Аркадией [Щукин 2007]; это спасительный оазис, «благословенный приют» [Жадовская 1993: 266] для героинь романов. Неслучайны названия усадеб: Амилово, Покровское, Отрадино в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света»), Брянцево (от дебри – «чащи, рощи») в романе Е. Тур «Племянница». В центре усадебного хронотопа находится родовое «дворянское гнездо», образ которого многосоставен: он включает хозяйственный двор, сады и парки «с тенистыми аллеями, укромными беседками, где назначают свидания и объясняются в любви, мечтают о будущем и думают о смысле жизни» [Ермоленко 2003: 67]. Особенно важен в усадебном хронотопе локус сада: липы «шепчут ... новому поколению о днях былых <...> и снова как бы переживается угасшая жизнь», страницы которой «эпически спокойно говорят ... о тихой и преемственной жизни усадьбы» [Переверзев 1989: 289–490]. Так, в романе «Племянница» Е. Тур в один из вечеров бабушка, подле нее внучка Маша сидят на балконе, а над ним «роскошно» раскинулась липа, «нескромными ветвями» достигая «до перил его» [Тур 1851: 50]. Очеловеченным и будто уходящим в вечность предстает сад Амилова перед глазами главной героини романа Ю. В. Жадовской Евгении: «А сад между тем темнел да темнел; глубина аллеи становилась беспредельнее: какая-то притягательная сила лилась из этой глубины и мрака; одни кусты воздушных жасминов ... стояли, как привидения, под тенью густых лип и будто призывали» [Жадовская 1993: 146]. Здесь же возникает и образ липовой аллеи, которая является одним из «устойчивых символов русской усадьбы» [Ермоленко 2016: 221]. Воспоминаниями о доме в Крыму начинается письмо к подруге главной героини романа Е. П. Ростопчиной «Дневник девушки»: «Нет!.. Здесь я не найду приволья детских дней, / Простора мирного семейной тихой жизни...<...> / Нет зеленеющих, извилистых садов, / Ни лоз вьющихся, ни кущей кипарисных....» [Ростопчина 2019: 198].

Однако наряду с частотным хронотопом родового гнезда-имения в одном из «женских» романов – «Палаццо Форли» Е. П. Ростопчиной – встречаем усложненный пространственно-временной образ: в хронотопе родового палаццо сливаются замок, монастырь, сад и даже склеп [Михайлова 2012; Попова 2019]. В перечисленных локусах есть общие свойства протекания времени:

многослойность (следы веков и поколений), замкнутость и неисторичность [Заломикина 2003: 86; Локшина 2015: 83]. Трансформация усадебного дома в замок позволяет направить «сюжетное развертывание во внутреннее пространство сознания» героини, «способствует большей концентрации на внутренней жизни» Пиэррины Форли [Заломикина 2003: 86].

С провинциальным пространством связан мотив поиска. Выйдя замуж, героини романов будут мысленно возвращаться в усадьбу своего детства, противопоставляя истинному дому совершенно чуждую для них «почву» – столичное пространство с его гостиными, балами, театрами и маскарадами. Именно в гостиных и на балах, по М. М. Бахтину, «создаются завязки интриг, совершаются часто и развязки ... происходят диалоги, приобретающие исключительное значение в романе, раскрываются характеры, “идеи” и “страсти” героев» [Бахтин 2012: 492]. Гостиная как слепок всей столицы населена искусственными людьми. И если карточный стол, игра за ним являются «преисподней света», то время и пространство маскарада дают возможность вывернуть наизнанку «шитый» по светскому «лекалу» мир. По словам Ю. В. Манна, *«маскарад – образ самой светской конвенциональности, разрешаемой этикетом неправильности, включая и такую “неправильность”, как искреннее чувство»* [Манн 2007: 345. Курсив автора. – М. П.]. Именно поэтому Маша Чельская (Е. Тур «Племянница») может искренне поговорить с Неволиным только на маскараде. С другой стороны, здесь же неизвестные Маше люди могут без стеснения обсудить жизнь ее семьи.

Столичное пространство сопровождается мотивами учения, испытания и искушения [Афанасьева 2006: 117–124], а порой становится завязкой событий, которые приводят героинь к смерти (роман Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина»).

Жанровая структура «женского» романа имеет и «внетекстовую сферу» – ассоциативный фон [Лейдерман 2010: 125]. В романах можно выделить ряд литературных (Анна, Владимир, Зинаида, Нина, Текла, Элен) и библейских (Елена, Елизавета, Мария) имен [Афанасьева 2006: 163–166]. Ю. Н. Тынянов настаивал: «Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение ... Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [Тынянов 1977: 269]. В романе Е. Тур «Племянница» подчеркнуто христианское смирение Маши Бельской (в замужестве Чельской), которая терпит выходки сестры и изменяющего ей мужа. Имя Мария входит в романы не только с номинацией реальных героев, но и с названиями картин. Множество упоминаний Марии Магдалины дается в романе «Палаццо Форли» [Ростопчина 1993: 34–38].

В романах есть прямые литературные сравнения: князь Чельский (роман «Племянница» Е. Тур) в разговоре о Маше и ее учителе Ильмене спрашивает своего друга: «Ну, что тебе рассказывал этот новый Абелар о своей Элоизе?» [Тур 1851: 144. Ч. 1]. С библейскими героинями Марией и Марфой сравнивает себя и свою подругу Текла Войновская в романе «Счастливая женщина» [Ростопчина 1991: 95]. Благодаря литературным сопоставлениям, сравнениям с

библейскими персонажами, символическим именам героинь расширяется художественный мир произведения.

Субъектная организация романов обуславливает особенности интонационно-речевой организации. К особенностям этого носителя жанра в «женской» романистике отнесем «музыкальный» характер прозы – один из способов выражения поэтичности, «музыкальности» женской души (особенно в случае с перволичной формой повествования). Эмоционально напряженным отрывком из дневника Марины Ненской открывается роман «Счастливая женщина»: *«Еще час, еще одно круговращение быстрой стрелки по недвижному циферблату, еще урочный бой двенадцати ударов – и год будет кончен, и настанет новый год... Новый год! Таинственное заманчивое слово, – как оно возбуждает воображение, как оно тревожит любопытство! как оно вместе и многообильно и богато угрозами!.. Новый год!»* [Там же: 17]. Прерывание текста многоточиями и тире, восклицания, повторы, курсив, свидетельствующий о логическом ударе, смене интонации в потоке речи – все это делает для читателя осязаемым и зримым внутреннее состояние героини.

Интонационно-речевая организация является и формой выражения авторской позиции, свидетельствующей о близости автора к своим героиням, понимании необходимости защиты и поддержки, в которой нуждается хрупкая и ранимая женская душа.

Думается, что романы тех писательниц, которые до перехода к прозе создавали стихи, нуждаются в более подробном стилевом анализе, попытка которого на примере творчества Е. П. Ростопчиной и К. К. Павловой уже была предпринята в диссертационном исследовании Н. В. Шумиловой [Шумилова 2014]. Однако в этом аспекте остается неизученным, например, творчество Ю. В. Жадовской и Н. Д. Хвоцинской. Полагаем, что дальнейшие исследования стиля в произведениях названных писательниц углубят представления о том, как лирический опыт писательниц мог влиять на стилистические особенности их творчества.

Исходя из всего вышесказанного, можем сделать вывод, что вся художественная структура «женского» романа направлена на раскрытие внутреннего мира женского персонажа. Для такого романа характерны следующие жанровые особенности: перволичная форма повествования или же повествование от третьего лица с использованием автодокументальных «вставок»; особая пространственно-временная организация, тесно связанная с типом конфликта и построенная на противопоставлении провинции и столицы; ассоциативный фон, позволяющий углубить представление о внутреннем мире героинь и расширить художественный мир произведения; наконец, интонационно-речевая организация, являющаяся способом выражения тонкой, чувствительной женской организации и формой выражения авторской позиции.

Внимание писательниц было обращено к процессу «нравственного самоусовершенствования личности» формирования героини через ее нравственное самоусовершенствование [Проскурина 1984: 147–148], что соотносится с выдвинутым на первый план в русской литературе 1850-х гг. психологического

течения: предпочтительным становится изображение личности в ее нравственном противостоянии неблагоприятным социальным обстоятельствам. В зависимости от предмета изображения, идейно-тематического содержания, характера конфликта и создаваемого образа мира можно условно выделить такие разновидности романа, как: любовный («Дневник девушки», «Счастливая женщина», «У пристани» Е. П. Ростопчиной, «В стороне от большого света» Ю. В. Жадовской); семейно-бытовой («Мелочи жизни» А. Я. Панаевой, «Племянница» Е. Тур) и семейно-биографический с элементами авантюрно-приключенческого жанра («Палаццо Форли» Е. П. Ростопчиной), которые можно рассматривать в качестве особых разновидностей русского психологического романа, а их многообразие – как свидетельство его продуктивности.

«История литературного жанра лишь в малой степени улавливается исследователями при ... хождении по вершинам», – писал В. М. Жирмунский [Жирмунский 1978: 226. Курсив автора. – М. П.]. С. И. Ермоленко, продолжая мысль ученого, отмечает: «нужно знать не только “вершины”, но и подступы к ним, но и то, что эти “вершины” окружает» [Ермоленко 2014: 7]. Думается, что дальнейшее изучение «женской» романистики 1850-х гг. важно не только для понимания прозаического наследия «забытых» беллетристок и их места в историко-литературном процессе середины XIX века. Мы полагаем, что такое исследование может уточнить представление о месте романа в жанровой системе русской литературы 1850-х гг., его динамике и многообразии жанровых модификаций.

Примечание:

1. Оговоримся, что определение «женский» (роман, как и «женская» проза) в контексте данной статьи не имеет отношения к гендерным исследованиям. Называя романы «женскими», мы имеем в виду их принадлежность беллетристкам 1850-х годов. Условное обозначение «женский» используется нами для замены громоздкого словосочетания «романы, созданные писателями-женщинами» (Е. П. Ростопчиной, Ю. В. Жадовской, М. С. Жуковой, А. Я. Панаевой, Е. Тур, А. Я. Марченко, А. П. Студзинской).

Список литературы

Афанасьева Ю. Ю. Проза М. С. Жуковой: женский мир и женское мировидение в русской литературе второй трети XIX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2006. 214 с.

Бахтин М. М. Роман как литературный жанр // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М. : Языки славянских культур, 2012. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). С. 606–644.

Ермоленко С. И. «Головлево – это сама смерть...» (образ «дворянского гнезда» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Филологический класс. 2003. №10. С. 67–75.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики: монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013. 253 с.

Ермоленко С. И. Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа // Уральский филологический вестник / Уральский государственный педагогический университет; главный редактор С. И. Ермоленко. (Серия : «Русская классика : динамика художественных систем». Вып. 6). Екатеринбург, 2014. № 3. С. 5–23.

Ермоленко С. И. «А Дуня разливает чай...» (трансформация хронотопа «семейной идиллии» в романе А. С. Пушкина «на новый лад») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. №1. С. 215–223.

Жадовская Ю. В. В стороне от большого света // Жадовская Ю. В. В стороне от большого света. Отсталая. М.: Планета, 1993. С. 6–284.

Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.

Заломикина Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Самара, 2003. 224 с.

Корман Б. О. О целостности литературного произведения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1977. № 6. С. 508–513.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Ин-т филол. исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.

Локина Ю. В. Традиции готического романа в творчестве Айрис Мердок и Джона Фаулза : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. М., 2015. 161 с.

Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2007. 518 с.

Михайлова Е. В. «Палаццо Форли» Е. П. Ростопчиной : к проблеме жанрового своеобразия // Дергачевские чтения - 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 249–253.

Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма. М.: Современник, 1989. С. 489–490.

Попова М. Ю. Хронотоп замка в «повести» Е. П. Ростопчиной «Палаццо Форли» // Уральский филологический вестник / Уральский государственный педагогический университет; главный редактор Н. В. Барковская. (Серия «Драфт : молодая наука». Вып. 8). Екатеринбург, 2019. № 4. С. 73–84.

Проскурина Ю. М. Русская художественная проза «пятидесятых годов» XIX века (развитие реализма в повествовательных жанрах): дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01. Свердловск, 1984. 354 с.

Ростопчина Е. П. Палаццо Форли / предисл., подготовка текста, комм. Е. М. Грибковой. М.: Моск. рабочий, 1993. 256 с.

Ростопчина Е. П. Дневник девушки // Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / состав., подгот. текста, коммент. А. М. Ранчина. М.: Дмитрий Сечин, 2019. Т. 3. С. 189–550.

Ростопчина Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения. М.: Правда, 1991. 448 с.

Сизова М. А. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов : творчество Е. А. Ган : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2007. 217 с.

Тур Е. Племянница. М. : Университетская типография, 1851. Ч. 1. 365 с.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.

Шумилина Н. В. Взаимодействие поэзии и прозы в творчестве Е. П. Ростопчиной и К. К. Павловой: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2014. 224 с.

Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 157–458.

M. Yu. Popova

postgraduate student of the faculty of Philology and intercultural communication
Ural state pedagogical University

“WOMEN'S” NOVEL IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 1850s: THE GENRE AND STYLE SPECIFICITY

The article deals with the genre specificity of the novels of “forgotten” women writers of the middle of the 19th century, which determines the peculiarities of the stylistic organization of works. In the course of genre analysis of the varieties of the “women's” novel of the 1850s (love, family-household, family-biographical with elements of the adventurous-adventure genre), the author concludes that the artistic structure of these modifications of the novel was aimed at revealing the inner world of the female character, therefore, they are varieties of psychological novel.

Keywords: genre; style; “women's” novel; psychological novel; varieties of psychological novel.

УДК 821.161.1(1-8)

Дара Александровна Третьякова-Суворова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
daratreyakova@mail.ru

ОБРАЗ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ АЛЕКСЕЯ АЧАИРА

В настоящее время творчество восточного русского зарубежья недостаточно изучено и требует внимания исследователей. В статье с помощью анализа стихотворных текстов Алексея Ачаира рассматриваются способы художественной реализации, характерные черты и эволюция образа Родины в его поэзии. Выявляется соотношение творческих принципов Ачаира и младшего поколения русских поэтов-эмигрантов, а также традиций русской литературы XIX в.

Ключевые слова: поэзия русской эмиграции; Алексей Ачаир; лирика; образ Родины; способы художественной реализации.

Для русских эмигрантов, уехавших за рубеж после революции 1917 г., творчество стало средством сохранения исторической памяти, языка, культурной принадлежности к своей стране. Образ Родины является одним из центральных для многих писателей-эмигрантов. Ярким примером является творчество поэта Алексея Грызова, писавшего под псевдонимом «Ачаир». Уже сам выбор такого творческого имени, которое произошло от названия малой родины поэта, казачьей станицы Ачаирской, говорит о его патриотизме, любви к родной земле.

Исследователи творчества Алексея Ачаира указывают на то, что раскрытие образа Родины и, в частности, Сибири занимает важное место в его лирике, отмечают идеи теософской утопии (философии Н. Рериха) [Забияко 2013] и сибирского регионализма [Забияко 2016] в качестве источников особенностей ачаировского видения родной страны. В подтверждение приведем цитаты из литературоведческих работ.

В. Крейд во вступительной статье к антологии «Русская поэзия Китая» пишет: «Его [Ачаира – прим. Д.Т.] творчество вплотную связано с личным жизненным опытом; в стихах представлены темы казачества, сибирского областничества, Гражданской войны, миссии России» [Крейд 2001: 8].

«Именно эмигрантская судьба определила то, что в его поэзии тема России и тоски по ней является самой важной и сквозной, как в поэзии всех поэтов-эмигрантов первой волны. Мотив Родины и изгнания часто звучит в его лирике. С этой основной темой пересекаются и другие важные темы: казачья, сибирская, любовь, жизнь и т.д. Так как А. Ачаир был сибирским казаком, для него любовь к России тесно связана с взрастившей его родной землей – Сибирью» – отмечает Е. Ван в статье «Орнитологическая символика лирики Алексея Ачаира» [Ван 2017: 46].

И. Фэн обращает внимание на следующие особенности лирики Ачаира: «Воплощение темы Родины в его творчестве вмещает практически весь комплекс представлений о родине, присущих русской этнической картине мира. При этом стихотворения, объединенные темой Родины, отражают ментальность поэта-сибиряка, представляющего родину с позиций сибирского областничества, и ментальность человека, увлеченного идеями Николая Рериха» [Фэн 2019: 244].

В нашей статье рассматриваются способы художественной реализации, характерные черты и эволюция образа Родины в поэзии Ачаира. В настоящее время данная тема недостаточно изучена, в открытом доступе есть лишь небольшое количество источников по ней, поэтому она являет собой поле для новых исследований.

На восприятие Ачаиром России большое влияние оказало казаческое происхождение, военное воспитание в православных традициях, заложившее в сознание поэта понятие «казачьей чести», идеи «рыцарства» и служения Отчизне.

Образ Родины раскрывается в поэзии А. Ачаира по-разному. Мы выделили четыре способа художественной реализации: лирические переживания автора, описание природы малой родины, связь с темой преемственности поколений и с русской народной культурой.

Лирические переживания автора выражаются с помощью трех основных мотивов: ностальгии по Родине, памяти о ней и странствий. В стихотворении «В странах рассеянья» (1924) Ачаир пишет: «*А за то, что нас Родина выгна-ла, / мы по свету ее разнесли*» [Ачаир 2011]. Русские эмигранты хранили на чужбине важнейшие черты Родины – язык и культуру своего народа («*в аргентинах, канадах и африках / раздается московская речь*») [Там же]. Страна, изгнав своих детей, не стала им чужой. А.В. Горшенин в своей статье, посвященной А. Ачаиру, говорит о стихотворении «В странах рассеянья»: «Вряд ли он [Ачаир – прим. Д.Т.] мог тогда предполагать, что это его стихотворение для нескольких поколений русских эмигрантов, разбросанных по миру, станет и своеобразным реквиемом, и эпитафией их покореженных судеб» [Горшенин 2011].

В стихотворении «Вселенская Русь» (1933) мы также видим идею бережного хранения родной культуры в иностранной среде: «*Мы кинуты жизнью по целому миру / России нести лучезарное имя <...> кто Родину в сердце и в мире отнимет?*» [Ачаир 2011]. Россия в стихотворении названа «*милой, чумазой землей*» [Там же], и такие слова выбраны для передачи особого личного отношения, как чего-то очень родного, сокровенного, душевного (сравним с эпитетами, использованными для характеристики других стран: «*суровая Неметчина*», «*дикая Туретчина*» [Там же]). «*Мы*», «*нам*», «*наше*», «*нас*» [Там же] – эти неоднократно повторяемые в стихотворении местоимения создают ощущение единства людей, взаимного сопереживания и поддержки в общей судьбе и общем несчастье.

В некоторых стихотворениях Ачаира о России присутствует противопоставление с Китаем. Так, в стихотворении «Как и прежде» (1933) важная смысловая нагрузка выражена в антитезе: «Суровые лица / со мной и бездушные боги <...> Мы Бога просили – / (Как горестно быть одиноким!) – / о милой России, / о встрече на нашей земле» [Русская поэзия Китая 2001: 70]. Выбранные автором эпитеты создают контраст двух миров, чужого и своего. Поэта гнетет, сковывает чужеродность окружающей среды, он играет роль отстраненного наблюдателя: «Живу. Наблюдаю. / А жизнь настоящая дремлет» [Там же]. В скитаниях по «Азии древней» [Там же] Ачаир отмечает именно внешние особенности, он не углубляется в их культурный контекст. «Цветные одежды. / Кумирни. Пустыни. Дворцы» [Там же] – очень скупое, сухое, равнодушное, поверхностное описание, которое оттеняет его нежную любовь к «дому» – России, в связи с которой простое воспоминание о гнезде ласточек вызывает у автора душевный трепет. Противопоставление раскрывается и в синтаксической структуре предложений. Об Азии Ачаир написал четыре номинативных предложения, которые создают ощущение быстрой смены кадров, изображений предметов, не оставляющих отпечатка ни в уме, ни в сердце. О России написано четверостишие, которое представляет собой распространенное предложение, раскрывающее подробности одного явления – бережно, с душевным трудом. Хорошо виден подтекст, заложенный в стихотворении: там, в России идет, а не дремлет для автора «настоящая жизнь» [Там же].

Малая родина Ачаира является для него самым любимым местом на Земле. Его Россия – таежный край, а не березовые рощи и ромашковые поля. Описание природы Сибири – второй выделенный нами способ реализации исследуемого образа. В стихотворении «В тайге» (1956) Ачаир признается: «Стихов о кленах я не признаю, / плакучих ив печаль мне непонятна. / Люблю Сибирь, люблю тайгу мою» [Ачаир 2011]. Ей, Сибири, принадлежит сердце поэта.

В стихотворении «Дорога к дому» (1939) природа Сибири показана в предрассветный час, укутанной снегами. Цветовая гамма стихотворения, использованные в нем сравнения, эпитеты передают безмятежность, умиротворенность, воздушную легкость: «синий плат», «голубокрылые птицы», «синеватый ветер» [Русская поэзия Китая 2001: 71].

Стихотворение «Ангара» (1939) можно назвать гимном любви к сибирской реке, которая интерпретируется автором в качестве самой прекрасной, «самой чистой, самой нежной» [Ачаир, 2011] и сравнивается с «дыханьем горного озера», «белой птицей с него», «дуновеньем свежего утра» [Там же]. Стихотворение овеяно ностальгией, стремлением к объединению с милым сердцу уголком родной страны: «И если сейчас я в отчаянье руки / при имени звонком твоём / сжимаю, – я знаю, – сквозь годы разлуки, / сквозь грозы – мы будем вдвоем!» [Там же]. Таким образом, река Ангара становится символом всей России.

Тему поколений, переплетающуюся с темой Родины, сопровождает мотив сна. В стихотворении «Я хотел бы домой» (1938) Ачаир сочувствует детям эмигрантов, родившимся на чужбине, в их трагедии «беспочвенности». Иностран-

ный язык для них роднее русского: «*Мальчик шепчет во сне / непонятные речи – I would like to go home! / Он не знает по-русски!*» [Там же], а историческая родина представлена как сон, сказка: «*Овеивает постель / сказка-греза Россия*» [Там же]. Ачаир выделяет в стихотворении детали, которые показывают органичную связь ребенка с Россией, – рассказы родителей о своей родине, особенности чисто славянской внешности мальчика: голубые глаза и «*ржанные*» (русые) кудри, которые автор сравнивает с колосьями.

Во многих стихотворениях Ачаир обращается к русской народной культуре, к идее единения поколений при помощи традиций. В стихотворении «*Степные звоны*» (1942) читаем: «*Когда отец и дед шли рядом. / И внук по пашне с ними шел. / В Николин день все шли парадом. / И было дивно хорошо!.. / Вся Русь – одно. Отцы и дети...*» [Там же]. Эти строки отражают казаческое мироощущение, согласно которому семья, община и родная земля – самое ценное, что имеет человек. Лирический герой стихотворения, находясь в изгнании, вспоминает, с чем были крепко связаны в его сознании времена года, а также то, что – по древней традиции – должно было происходить в ту или иную пору на Родине – в России. Он трепетно относится к своей памяти: «*Как вспомнишь русскую сторонку, / так сердце больно задрожит*» [Там же]. Далекое время труда, объединяющего усилия многих людей, и светлых радостей мирной жизни осталось в душе лирического героя теплым воспоминанием, связанным с Родиной.

Стихотворение «*Казачьи империи*» также выражает мысль о неразрывном единстве, преемственности поколений: «*Империя... Твои отцы и дети – / одно с тобой. Где их раздел – скажи! <...> Во имя правды, красоты и славы / мы слиты в сталь – в прапрадедовский меч. / В дни детских игр и в юности забавы – / куется он, чтоб Родину беречь*» [Там же]. Ачаир подчеркивает необходимость верности ценностям, которые русские люди усваивали с малых лет на протяжении веков. Такая позиция в чем-то обнаруживает полемику с традицией русской литературы XIX в., в которой нередко показывалось противостояние «отцов», придерживающихся традиционных устоев, и «детей», стремящихся к переменам («*Гроза*» А. Н. Островского, «*Отцы и дети*» И. С. Тургенева, «*Вишневый сад*» А. П. Чехова). Казачьему принципу сохранения вековых ценностей, который воспевает в своих произведениях Ачаир, близко описание духовной связи трех поколений Болконских в романе-эпопее Л. Н. Толстого «*Война и мир*» [Толстой 1949]. Завет А. С. Пушкина из «*Капитанской дочки*»: «*Береги честь смолоду!*» [Пушкин 2008] – также совпадает с убеждениями Ачаира: «*Все, что в жизни – храни! – дорогое... / Честь Российскую пуце храни*» («Он водил Добровольного флота...», 1941) [Ачаир 2011], «*Во имя чести нашей офицерской / казачьей честью, сын мой, дорожи*» («*Казачьи империи*») [Там же].

Образ России в творчестве Ачаира – представителя старшего поколения поэтов восточной эмиграции – отличался от описания Родины, созданного представителями младшего поколения эмигрантов, ярко выраженной ностальгической окраской.

Харбинские поэты молодого поколения не могли так остро чувствовать тоску по России и потерянному дому, поскольку либо были рождены уже в эмиграции, либо эмигрировали со своими семьями в раннем возрасте. Для них Родина была всего лишь сказкой, сном из детства или мифом, поведенным им старшими. Ачаир актуализирует, заостряет проблему разрыва связей между старшим и младшим поколениями русских эмигрантов, напоминает об опасности утраты их детьми своих культурных корней. Здесь нужно отметить особенность отношения Ачаира к теме поколений: на Родине до революции и войны процветало родовое единство «отцов» и «детей», в эмиграции же эта тесная связь нарушается из-за потери «общей почвы» (дети растут в другой стране, которая и ощущается ими как родная). Для людей русского зарубежья эта проблема была одной из самых главных: «Особенно тяжело было тем, чьи родители эмигрировали в Европу, поскольку там у детей не было даже возможности учиться на родном языке, преподавание велось на иностранном, в отличие от Харбина, который в то время был прямым отражением дореволюционной России» [Старосельская 2006].

Таким образом, изображение России в творчестве Ачаира обусловлено его принадлежностью к старшему поколению русских эмигрантов и обостренным беспокойством о судьбе русской культуры в изгнании.

На основании анализа стихотворных текстов Ачаира мы можем сделать вывод об эволюции его подхода к теме Родины. В самом начале эмиграции наиболее важным для поэта было выразить в творчестве свои личные переживания по поводу утраты родной земли, которую автор мифологизирует, торжественно называет «Святой Русью», «Вселенской Русью», чье «лучезарное имя» суждено нести эмигрантам «по целому миру» [Ачаир 2011]. Через некоторое время на первый план выступает осознание того, что для подрастающего поколения эмиграция порождает разрыв с историей и ценностями тех, кто родился, вырос и сформировался как личность в России. А когда поэт уже привык к жизни в разлуке с Отчиной, в его стихотворениях стали преобладать спокойные воспоминания о природе и жизненном укладе родного края. Саднящая боль расставания естественным образом уступила место светлой ностальгии, но любовь к Родине и стремление к воссоединению с ней пронизывают все творчество Ачаира.

Список литературы

Ачаир А. А. Дорога к дому. Стихи. Публикация А. В. Горшенина // Сибирские огни, 2011. №8. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2011/8/doroga-k-domu-2.html> (Дата обращения: 5.03.2019).

Ван Е. Орнитологическая символика лирики Алексея Ачаира // Гуманитарные исследования, 2017. №1 (61). С. 44-51.

Горшенин А. В. Алексей Ачаир // Сибирские огни, 2011. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2011/8/aleksej-achair.html> (дата обращения: 5.03.2019).

Забияко А. А. Глава 5. Сибирский регионализм, «Чураевка» и дети эмиграции (Алексей Ачаир) // *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина*. Новосибирск, 2016. С. 136-166.

Забияко А. А., Землянская К. А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции // *Религиоведение*, 2013. №3. С. 177-211.

Крейд В. П. Все звезды повидав чужие // *Русская поэзия Китая: Антология* / Сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М., 2001. С. 2-21.

Пушкин А. С. Капитанская дочка. Повести. М.: Альта-Принт, 2008. 448 с.

Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. – М., 2001. 826 с.

Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь русского Китая. URL: <https://www.rulit.me/books/povsednevnaia-zhizn-russkogo-kitaya-read-210568-1.html> (Дата обращения: 25.05.2019).

Толстой Л. Н. Война и мир: в 4 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. 1472 с.

Фэн И. Образ Родины в лирике А. Ачаира // *Любимый Харбин – город дружбы России и Китая*, 2019. С. 242-250.

D.A. Tretyakova-Suvorova

Student of Philological Faculty

Perm State University

THE IMAGE OF THE MOTHERLAND IN THE LYRICS OF ALEXEY ACHAIR

At present, the creation of the Eastern Russian Diaspora has not been sufficiently studied and requires the attention of researchers. In the article, using the analysis of poetic texts by Alexey Achair, we find ways of artistic realization, characteristic features and evolution of the image of Motherland in his poetry. The correlation between the creative principles of Achair and the younger generation of Russian emigrant poets is revealed, as well as the traditions of Russian literature of the 19th century.

Key words: poetry of Russian emigration; Alexey Achair; lyrics; the image of the Motherland; ways of artistic realization.

УДК 821.161.1(09)

Ужегова Анастасия Алексеевна
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
asya.uzhegova@gmail.com

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ОБРАЗА СФИНКСА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье рассматриваются случаи смешения черт египетского и античного сфинкса в лирике Серебряного века. Представлена характеристика образа сфинкса в египетской и античной мифологиях, на основе которой осуществлен анализ произведений указанного периода. В результате работы была выявлена устойчивая связь образа сфинкса с мотивно-тематическим комплексом познания, вечности, смерти, тайны, любви, а также избранничества лирического «Я».

Ключевые слова: образ сфинкса; поэзия Серебряного века; мифология; египетский текст; античная традиция; мифопоэтика; мотив.

Изображение и значение сфинкса как мифологического персонажа различны в культурах народов мира, что обуславливает неоднородность образа в мировой литературе. В данной статье рассматривается значение фигуры сфинкса в египетской и античной мифологии, а затем выясняется, каким образом проявилось смешение черт египетского и античного сфинкса в лирике Серебряного века – периода ремифологизации в русской литературе. Материалом для исследования послужили лирические произведения В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, Эллиса (Л.Л. Кобылинского), В.В. Набокова, Н.Д. Бурлюка, в которых была обнаружена двойственность образа сфинкса.

Сфинксу приписывают египетское происхождение, однако первое упоминание о нем встречается еще в шумерском мифе «Энума Элиш», где сфинкс является порождением гнева и мщениия высших богов. В мифологии Древнего Египта сфинкс представляет собой существо с телом льва и головой человека (реже сокола или барана) и считается охранителем религии и божественных мистерий, а также символом воскрешения после смерти [Культура древнего Египта 1976].

Климент Александрийский в своем труде «Строматы» писал, что «сфинкс <...> означал силу, соединенную с разумом, поскольку его тело львиное, а лицо человеческое» [Климент Александрийский 2003: 339]. Так как правитель в представлении древних египтян должен был обладать прежде всего именно этими качествами, скульптуры сфинксов чаще всего являлись изображениями фараонов. В.В. Струве отмечал, что в культуре Древнего Египта «сфинкс не служил символом какой-то загадочной мудрости, как греческий. С последним он вообще имеет мало общего, кроме разве физического облика, т.е.

комбинации тела человеческого и львиного, да и тут большая разница; греческий сфинкс был обыкновенно женского, египетский же почти всегда мужского пола» [Струве 1912: 32]. Действительно, в древнегреческой мифологии сфинкс (Сфинга) – чудовище с женским лицом, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка. Наиболее известным представляется образ коварного сфинкса из мифа о царе Эдипе, отсюда связанный с образом сфинкса мотивно-тематический комплекс загадки, тайны, познания. В античной традиции образ сфинкса приобретает зловещий оттенок, связан с болезнями и смертью, притягателен и губителен для всего живого.

Фигура сфинкса долгое время была загадкой для русского общества, которому с опозданием на несколько столетий в сравнении с Европой открывался подлинный Египет. Значение египетского сфинкса зачастую неверно истолковывалось (так скульптуры фивских сфинксов, установленные в 1834 г. на набережной Невы, получили наименование «свинок» и «уродов Нила»). Возможно, по этой причине образ сфинкса в русской культуре характеризуется явным смешением египетских и античных черт. Наиболее ярко это проявилось в поэзии Серебряного века, для которой было характерно тяготение к философской проблематике и сюжетам и образам из мифологий народов мира, прежде всего, экзотических. Одним из «законодателей моды на Египет», по мнению Л.Г. Пановой, стал К.Д. Бальмонт. Он изучал труды египтологов, занимался египетским языком, совершил ряд путешествий по восточным странам (в том числе и в Египет). Сфинкс Бальмонта символизирует трансцендентность бытия, связан с мотивами вечности и тайны. Мы можем увидеть это в произведении «Египет», основная тема которого – сожаление о погибшей древнеегипетской цивилизации. Современный Египет, по мнению Бальмонта, утратил свою магию, манящую тайну, величие. Лишь звезды да Сфинкс неизменны в вечности: *«И Сфинкс все глядит. / И Сфинкс все есть / Сфинкс неразгаданный»* [Бальмонт 2010: 272].

В произведении «Четыреликий» Бальмонта лирический герой уже постиг «тайны древней цивилизации, переживает момент единения с Великим Сфинксом» [Панова 2006: 192]. Способность видеть будущее, перемещаться сквозь время и пространство, сверхъестественная сила, бесстрашие, которыми обладает Сфинкс, передаются и лирическому «я». Мы вновь видим связанный со Сфинксом мотив мудрости, знаний, скрытых от человеческих глаз: *«Для всех вещей мира я нашел в душе струну...»* [Бальмонт 2015: 46].

Лирический герой, сливаясь в одно целое со Сфинксом, предстает перед нами как поэт, пророк, всевидец, и это владение тайнами мироздания, божественная мудрость поэта-Сфинкса, на наш взгляд, указывает на наличие в данном образе черт античного сфинкса.

«Мудрого» египетского сфинкса мы встречаем и в произведении В.В. Набокова «Я был в стране воспоминанья...»: *«...перед сфинксом мудрым и тяжелым. / Ключ неразгаданных чудес / им человечеству завещан... / О, глаз таинственный разрез!»* [Набоков 2002: 109].

Мы видим связь образа сфинкса с тайной, завещанной человечеству, и вечностью, которая контрастирует с зыбкостью прибрежного песка. Образ женщины, оставившей следы на песке пять тысяч лет назад, на наш взгляд, соотнесен поэтом с образом сфинкса (неслучаен акцент на таинственном разрезе глаз сфинкса и больших влажных глазах женщины). Набоков указывает на таинственность женской сущности и ее притягательность.

В.Я. Брюсов также неоднократно обращался к образу сфинкса. В произведении «Египетский профиль» лирический герой соотносится с древним скульптором, а его возлюбленная – со скульптурой египетского сфинкса. Глазами лирического «Я» мы видим героиню посреди ночи во тьме, что создает ощущение тайны. Символом тайны, загадки служит и образ Сфинкса: *«Все отошло, но Сфинкс в века / Пронес его мечты и гибель. / Где ж тайна их? в чертах виска? / В той выгнутости ль? в том изгибе ль?»* [Брюсов 1973: 91].

В данном произведении автор обращается к двум принципиально разным трактовкам образа сфинкса. Первая – это древняя скульптура, «давний брат» другого Сфинкса (неслучайно это Сфинкс с прописной буквы) – символа вечности, неизменности любви сквозь века, а также необъяснимой власти чувства над человеком. Связь сфинкса с женским началом (а именно женское лицо сфинкса), мотив загадки указывают на наличие в данном образе черт и античного сфинкса.

Совсем иным представляется образ сфинкса в произведении Эллиса «Сфинкс»: *«... я – мать пустыни, мне сестра – Луна, / Кусок скалы, что ожил, дивно лая, / Я дух, кому грудь женщины дана...»* [Эллис 1911]. Сфинкс здесь – смесь женского и звериного начала, при этом женская оболочка является переходящей в отличие от звериной сущности. У него острый кошачий взгляд, каменные губы и подобный лаю голос. Мы наблюдаем здесь очевидное смешение черт античного и египетского сфинкса. Египетский топос, сравнение сфинкса с мумией, его кошачий взгляд (египетская богиня Баст нередко изображалась в обличье кошки) отсылают нас к мифологии древнего Египта. Образы рога и луны – атрибуты египетской богини Изиды или Хатхор (изображались преимущественно рогатыми). Однако женское обличье сфинкса, призыв и соблазнение мужчины, гибельность встречи, оккультное звучание произведения характерны для античной традиции изображения сфинкса. Стихотворение, безусловно, мистериально. Лирический герой проходит обряд посвящения: *«...рыча, как зверь, как женщина стена, / Я грудь твою сожму, вонзая зубы; / Отдайся мне на гробовой плите, / И примешь сам ты облик сфинкса грубый!»* [Там же]. Несмотря на то, что в произведении звучит египетский текст, представляется, что сюжетообразующим здесь является образ именно античного сфинкса.

Мифологический сюжет встречи путника со сфинксом лежит и в основе «Сфинкса» А.А. Блока. Действие происходит в пустыне, куда забрел лирический герой в напрасных поисках Любви, хранителем тайн которой является Сфинкс. Загадочность, тайна, невозможность выразить земным языком сущность любви – первый смысловой пласт, который несет в себе образ

Сфинкса: *«И опять предо мной – только тайный намек / Нераскрытой мечты торжество»* [Блок 1960: 362].

Кроме того, сочетание человеческих и звериных черт в образе Сфинкса может говорить о том, что для Блока значимым было наличие в природе любви звериного, хищного, страстного (неслучайно упоминаются острые когти Сфинкса), которое зачастую оказывается сильнее разума человека: *«Преломилась излучиной гневная бровь, / Зарываются когти в песке...»* [Блок 1960: 362]. Очевидным представляется смешение египетской (функция стража, художественное пространство – пустыня) и античной традиции изображения сфинкса (мотивы загадки, тайны и смерти).

Неожиданно для читателя возникает образ сфинкса в произведении *«По бороздам лучей скользящих...»* Н.Д. Бурлюка. Поэт изображает освещенную вечерним солнцем степь, пыльные побеги растений, колеи, оставленные телегами – привычный глазу сельский пейзаж. Образ сфинкса он вводит в самом финале произведения: *«Стени притихнувшей пустыня / В час на вечерний – сфинкса лик, / Чей тихо шепчущий язык / Пронзает сталью звездных пик»* [Н. Бурлюк 2002: 431]. Вероятно, сфинкс связан в представлении автора со смертью, как и пустыня – данную мысль подтверждают зловещие тени от могил, сравнение колеи со змеиным телом, а также по-змеиному шепчущий смертоносный язык сфинкса. Таким образом, помещенный в современную поэту реальность египетский сфинкс сопровождается ощущением опасности, а встреча с ним грозит гибелью, что опять же отсылает нас к античной традиции изображения сфинкса.

Мы убедились, что не только изображение сфинкса и его функции были различны в древнеегипетской и античной мифологиях, но и символическое значение, которым наделялся данный персонаж. Египетский сфинкс, согласно верованиям древних египтян, был связан с загробным миром, однако являлся лишь стражем царства мертвых и по имеющимся сведениям не представлял опасности для человека. Встреча же с античной Сфингой грозила гибелью, неслучайно ее имя в переводе означает «душительница». В связи с тем, что согласно античному мифу сфинкс загадывал прохожим загадку, данный персонаж был наделен мудростью и связан с познанием.

Не во всех рассмотренных выше случаях смешение черт египетского и античного сфинкса является очевидным. Отметим также, что у нас нет сведений относительно того, намеренно ли поэты совмещали элементы образов сфинксов из разных мифологий или же это было связано со сложившейся традицией в мировой литературе.

На основе анализа приведенных произведений можно выделить несколько функционально-смысловых значений, которыми поэты Серебряного века наделяли образ сфинкса. В ряде произведений сфинкс выступает как хранитель непостижимых для человечества истин, акцентируется его божественная мудрость. Зачастую данный образ связан с мистерией как процессом восхождения духа и мастерства поэта к совершенству, способом познания мира и самого себя. Наблюдается также связь образа сфинкса с

концептом вечности (египетский сфинкс – молчаливый свидетель истории). Бессмертие сфинкса обуславливает соотнесение его с любовным чувством, которое также неизменно во времени и не утрачивает силы своего необъяснимого воздействия на человека спустя тысячелетия. И, наконец, в ряде произведений сфинкс символизирует смерть, встреча с ним грозит гибелью.

Список литературы

- Александрийский Климент*. Строматы: в 7т. / пер. Е.В. Афонасина. Т5. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. 339 с.
- Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений: в 7т. Т3: полное собрание стихов 1909-1914: Кн. 8-10. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 272 с.
- Бальмонт К.Д.* Ясень. Видение Древа. М.: Издатель Епишева О. В., 2015. 46 с.
- Блок А.А.* Собрание сочинений в 8т. Т1: стихотворения 1897-1904. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 362 с.
- Брюсов В.Я.* Собрание сочинений в 7 т. Т3: стихотворения 1918-1924. М.: Художественная литература, 1973. 91 с.
- Бурлюк Н.Д.* Стихотворения // Бурлюк Д.Д., Бурлюк Н.Д. СПб.: Академический проект. 2002. 431 с.
- Культура древнего Египта* / под ред. И.С. Кацнельсона. М.: Наука, 1976. 451 с.
- Моклецова И.В.* Древний Египет в творческой биографии А.Н. Муравьева // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №2. С. 88–97.
- Набоков В.Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 109 с.
- Панова Л.Г.* Египетский текст русской литературы // Журнал Звезда. 2006. №5. С. 192–206.
- Струве В.В.* Петербургские сфинксы. тип.: М.А. Александрова, 1912. 32 с.
- Эллис*. Stigmata // Библиотека русской и советской классики. 1911. URL: https://ruslit.traumlibrary.net/page/ellis_o.html (Дата обращения: 15.07.2020).

A.A. Uzhegova

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE DUALITY OF THE SPHINX IMAGE IN RUSSIAN POETRY OF THE SILVER AGE

The article deals with the mixing of features of the Egyptian and ancient Sphinx in the lyrics of the Silver age. The characteristic of the Sphinx's image in Egyptian and Ancient mythology, given in the article, became the basis for the analysis of the works of this period. As a result of the work, a steady connection was revealed between the image of the Sphinx and the motives of cognition, eternity, death, mystery, love, as well as the chosenness of the lyrical character.

Keywords: image of the Sphinx; poetry of the Silver age; mythology; Egyptian text; antique tradition; mythopoeics; motive..

Побычаева Алена Александровна
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alenapobychaeva@yandex.ru

«ХОДИТЬ НА РОССТАНЬ СЛУШАТЬСЯ»: КАРАГАЙСКО-СИВИНСКИЕ ВАРИАНТЫ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ О СВЯТОЧНОМ ГАДАНИИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

В докладе рассматривается гадальная традиция Карагайского и Сивинского районов. Для сопоставления приводятся данные из других районов Пермского края, извлеченные из региональных фольклорных сборников. Подробно проанализирована одна группа мифологических текстов, а именно рассказы о святочных гаданиях на росстани (перекрестке). В рассказах этого типа выделена типичная экспозиция (начало гадания и соблюдение его условий), основная часть (обнаружение нечистой силой своего присутствия) и варианты развязки (интерпретация гадающими того, что они услышали, либо неожиданный контакт с нечистой силой).

Ключевые слова: Карагайский район; Сивинский район; святочные гадания; мифологические рассказы; перекресток.

Гадание – ритуал, направленный на получение знаний о будущем, для чего, согласно народным представлениям, иногда требуется установление контакта с потусторонними силами. Гадание считалось грешным делом, поэтому для обрядов выбирали «нечистые» (в мифологическом смысле пограничные) места: баню, подвал, чердак, подпол и др. [Виноградова 1995: 482–483]. На территории Пермского края, в частности в Карагайском и Сивинском районах, собирателями зафиксированы сохраняющиеся до наших дней рассказы о святочном гадании на перекрестке, или росстани. В ходе такого гадания группа людей выходит на пересечение трех или четырех дорог, участники садятся на шкуру, также могут ей и накрыться, очерчивают круг и слушают окружающие звуки, которые затем истолковывают, проецируя на будущее. Часть имеющихся текстов представляет собой рассказы о подобном виде гадания как таковом. Они несут этнолингвистическую информацию (например, народную терминологию), а также этнографические сведения (о способе и правилах гадания), но если не включают никаких элементов мифологической информации, то не могут называться мифологическими нарративами.

По определению Е.Е. Левкиевской, «мифологический текст – это текст, который содержит сведения о демонологических явлениях (в самых разных их формах), содержит установку на достоверность этой информации, реализует эту информацию в виде одной из ситуационных моделей, закрепленных в общественной памяти»; такой текст функционирует «в разных формах бытовой,

полуобрядовой и обрядовой речи» и воспроизводится «в определенных тематических, языковых и ситуативных формах» [Левкиевская 2006]. Материалом этой статьи послужили не любые сведения о гадании на росстани, а лишь нарративы, представляющие собой мифологические рассказы. Иначе говоря, это такие тексты, где есть какое-либо «демонологическое» (фантастическое) явление, реализованное в более или менее развернутой сюжетной ситуации и описанное с установкой на достоверность. Тексты были извлечены из экспедиционных аудиointервью, полевых дневников, опубликованных фольклорных сборников, а также научных работ. Основу составили записи из Карагайского и Сивинского районов, для сопоставления привлекаются данные с других территорий Пермского края.

Мы можем утверждать, что мифологические рассказы о гадании на росстани строятся по трем основным сюжетным моделям. В первой рассказчик объясняет технологию гадания, существующие правила, но не описывает какого-либо конкретного случая, развитие действия отсутствует. Вторая сюжетная модель также предполагает объяснение рассказчиком технологии гадания, при этом он сообщает результат гадания, т.е. сбылось оно или не сбылось. Обычно такие нарративы представляют собой рассказ о сбывшемся гадании, причем как с позитивным итогом («парень с армии приехал»), так и с негативным («через три месяца мать у него умерла. А он потом застрелился» (Сив. р-н). Третья сюжетная модель рассказа о гадании на росстани предполагает внезапное вмешательство нечистой силы, которая прерывает ход ворожбы. Ее появление, как правило, вызвано нарушением одного из правил гадания, что ставит участников в ситуацию опасности: «до того долежали, что им показалась такая вода, чуть ли не утащили в воду» (Сив. р-н). Контаминации второй и третьей сюжетных моделей нам пока не встретились.

В рассказах мы выделили и описали экспозицию (начало гадания и соблюдение его условий), основную часть (обнаружение нечистой силой своего присутствия) и развязку (интерпретация гадающими того, что они услышали, либо неожиданный контакт с нечистой силой).

Экспозиция. В инициальной части рассказывается о действующих лицах (гендер, возраст, число) и даются пространственно-временные координаты событий. Определяются атрибуты, использующиеся в ритуале. Экспозиция описывает основное содержание действия, происходящего во время гадающего ритуала: прийти на росстань, разостлать шкуру животного, сесть на нее, в некоторых вариантах – накрыться ею, а после внимательно слушать окружающие звуки. Обязательным является очерчивание круга перед тем, как начать гадать, а после – расчерчивание. Эта часть обряда сопровождается словесными формулами, к примеру, перед началом действия произносят: «мы в круг, черти по-за кругу» (Чернушинский р-н); «мы в кругу, черти по-за кругу, где собачке взвыть, там и замужем быть!» (Куединский р-н); «в кругу наше, по-за кругу – ваше» (Кишертский р-н), – а также после завершения гадающего процесса: «черти в круг, мы по-за кругу» (Сивинский р-н); «в кругу ваше, по-за кругу – наше» (Кишертский р-н); «черти в круг, мы из круга» (Куединский р-н).

На росстань могут ходить незамужние девушки, обычно они стараются целенаправленно выслушать лай собаки. Считается, что собака залает с той стороны, где живет будущий муж. Для этого произносят специальные слова, к примеру: *«где мне быть, там собачке взвить»* (Кишертский р-н), или: *«сею, сею, трясую на девичью косу, где девице жить, собаке выть»* (Еловский р-н).

Действующими лицами чаще всего является группа лиц из 3-4 девушек. Впрочем, встречаются как пары, идущие *слушаться* вместе, так и один гадающий. Ворожить могут и девушки, и юноши. К сожалению, о возрасте гадающих упоминается довольно редко, но не сложно предположить, что участниками ритуала являются молодые люди.

Место, выбираемое для данного вида ворожбы, – это росстань/росстанье, то есть пересечение 3-х или 4-х дорог. Перекресток дорог в народной культуре – это особый пространственный локус, наиболее благоприятное место для контактов с потусторонними силами, миром мертвых [Черных 2007]. Эта семантика локуса усиливается в позднее время – глубокой ночью, в полночь. Именно этот период считается пограничным, когда активизируется нечистая сила. Календарная приуроченность мифологических рассказов о росстани – это святочное время, т.е. промежуток от Рождества до Крещения, что для рассказчиков – современных носителей традиции тоже может представлять своего рода границу: начало нового календарного цикла.

Атрибутами, необходимыми для ритуала, служат кочерга, ожег или клюка для очерчивания круга, также очерчиваться могут углями из печки. Используется и шкура животного: овчина, телячья, коровья или свиная кожа. Есть варианты, в которых допускается *«любое покрывало»*.

Основная часть. В основной части гадающие обнаруживают приход нечистой силы. В первой версии (в рассказах о технологии и правилах гадания) как такового появления злых духов не происходит, хотя их присутствие предполагается. Об этом свидетельствует упоминание защиты от них: *«Берут ожег, <...> круг им очерчивают, говорят: «Мы в круг, черти по-за кругу»; «Взяли клюку, очертили»,* – а также указание на их возможное воздействие: *«очерчивали круг, чтоб черти не это... [не причинили вред]»* (Сивинский р-н). Во второй версии сюжета (в рассказах о сбывшихся гаданиях) также имеются лишь предположения о присутствии нечистой силы. Одним из знаков ее прихода можно считать то, что гадающие слышат различные звуки, причем у каждого этот звук – свой: *«Колодец зазвенит – черти пришли»* (Сивинский р-н).

В третьей версии сюжета (в рассказах о нарушении правил гадания и наказании за это) описываются признаки, характеризующие приход нечистой силы и создающие опасность для гадающих: слышатся определенные звуки, видится нечто странное (*«Рогожка, на которой сидела - эта шкура-то... она, говорит, поехала»*) (Сив. р-н); *«их на коже до Камы доволокло»* (Соликамский р-н). Нечистая сила появляется в момент, когда участниками гадания нарушен обрядовый процесс или он не завершен до конца: *«зачертиться-то зачертились, но не полностью»* (Чернушинский р-н); *«они забыли окрутиться»* (Чернушинский р-н); *«если не успевали расчертиться – свиная туша бегала»*

(Куединский р-н). Иногда призывает злых духов сам гадающий, чтобы они дали ответ на вопрос: *«загадал, что вот если будет война <...>, то пусть кол с огорода снимется и скажет об этом»* (Сивинский р-н).

В составе мифологических рассказов о гадании на перекрестке, как правило, встречаются меры предосторожности, которые соблюдают люди, чтобы обезопасить себя от воздействий нечистой силы. Чаще всего это *очерчивание/обчерчивание/очертывание* себя кругом, чтобы «черти» не смогли забрать с собой, а также произнесение обереговых словесных формул, к примеру: *«мы в круг, черти по-за кругом»*. После завершения ритуала следует *«расчертиться»* и произнести противоположную формулу: *«черти в круг, мы по-за кругом»*. В традиции Карагайского района существует правило, согласно которому очерчиваться следует *«обязательно на отпах (отпах?), против солнышка»*. В записях из других районов встречается такая деталь, что после того, как услышишь звуки, нужно немедленно выйти из круга, иначе *«черти затопчут»*. В Красновишерских текстах упоминается, что зачерчиваться нужно углями из печки. В текстах с других территорий говорится, что ожег или кочерга для зачерчивания должны быть не из дома, а из бани. Считается, что именно предмет, непосредственно соприкасающийся с огнем, способен лишить нечистую силу ее вредоносных способностей или даже убить. Существуют и другие правила, которые обязательно нужно соблюдать, к примеру: *«на росстанье надо ходить не попарно»* (Сивинский р-н) – т.е. гадающих должно быть нечетное число. Сильный оберег от нечистой силы – это, безусловно, икона: *«Где круг сомкнулся – ставишь иконку»; «Мать меня спасла: вышла с иконой»* (Карагайский р-н).

В интервью встречались различные описания образа нечистой силы. Часто эти существа прямо идентифицируются рассказчиком как черти (*«Ну, наверно, черти или кто»; «черти пришли»*). Их вредоносные действия характеризуют такие сочетания слов, как *«черти задавят», «черти уволокут в речку», «[черти]чуть ли не утащили в воду», «чтобы черти следом не бегали», «чертот... все их таскал»*. Черт может представляться гадающим не только в своем реальном виде, но и через другие предметы – к примеру, может вселиться в тушу свиньи: *«свиная туша в человеческой одежде, на двух ногах. Черт там, что ли»* (Куединский р-н). В тексте из Чернушинского района встретилось необычное проявление нечистой силы, продолжающей преследовать гадающих, когда они прибегают с росстани домой: нечистая сила появляется там в виде печки: *«дверь открывается и заходит, печка вваливается туда»*. Также в этом районе встретились тексты, где черт принимает облик колеса с мельницы: *«колесо с мельницы отпало да покатило за ними»*. В рассказе, где гадающий попросил подать знак с помощью деревянного кола, нечистая сила выдает себя так: *«кол с огорода снялся и пошел»* (Сивинский р-н). В рассказах из Соликамского района встречается номинация «бес». Его представляют как существо, у которого *«шапка... вострая красная была, да ноги все мохнатущие»*.

В записях из Чайковского района присутствует такая ипостась нечистой силы, как свинья: *«свинья двери рвет зубами»*. Ее появление происходит без какого-либо повода. Интересно, что в этом же рассказе фигурирует такое суще-

ство, как «лен-десяток», которое защищает гадающих от злокозненных действий свиньи путем «отговаривания»: *«дак вот десяток-от ладно отговорился, а то бы свинья задавила их»*.

В записях из Чернушинского района встретился необычный способ защиты от нечистой силы, если нарушены правила гадания: *«Раньше кринки были, на голову надела [бабушка гадающим девушкам] и высыпала зерно, лен, льняное зерно. Вот, говорит, сидите и собирайте по зернышку в кринку, по одному зернышку. Кринку на голову поставила, чтоб собирали это в кринку»*. Этот способ спас девушек от губительных последствий: *«печка-то пошла и как, говорит, даст по головам, по кринкам, то только кринки слетели»*. Нам встретился и такой способ отвлечения нечистой силы: кроме надевания кринок на голову гадающим, *«вынесла старуха мот большой, всю нитку нарезала на кусочки по два сантиметра и колесу сказала: «Если свяжешь все кусочки до петухов, то я тебе девок отдам, а если не свяжешь, то ни одной девки не получишь»*. В Соликамском районе от беса защищаются примерно таким же образом: *«к знакомой бабе на печь залезли [гадающие], она им горшки на голову надела, он и отстал»*.

Развязка. Развязка для трех типов сюжетов будет разная. В рассказах о технологии и правилах гадания как такого финала нет. В нарративах о случившихся гаданиях услышанные звуки в основном делятся на два вида: слышится либо что *«доски тешут»*, *«стругают»*, либо *«колокольца/колокольчики звенят»*. Услышанное *«тесание досок»* всегда связано с негативными последствиями в жизни самого гадающего или его окружения – чаще всего это означает близкую смерть: *«А доски-то к похоронам. Ну, и вот. И были похороны-то. Брат у Надьки помер, молодой еще был, 25 лет ему было тогда»* (Карагайский р-н); *«Кто-то чешет топором деревяшку – это к плохому»* (Красновишерский р-н). А вот когда гадающей слышится звон колокольчиков, то ожидают замужества: *«В той деревне я не была никогда, в которой собака залаяла, и на самом деле – через три года в ту деревню замуж вышла»* (Сив. р-н), *«Сидят, прислушиваются: где колокольчик звенит – оттуда жених будет»* (Куединский р-н). В записи из Юрлинского района встречается упоминание звука *«как серпы зачинают»*, что означает обильный урожай в наступающем году. В Красновишерском районе выслушивают: если *«гармошка заиграет – весело проживешь»*, а если *«собака воет – плохо жить будешь»*. Нам также встретился рассказ, в котором люди интерпретируют аналогичные услышанные звуки совершенно иначе: когда лес рубят – уедешь *«на лесозаготовки»*, а когда собаки начнут лаять – выйдешь *«замуж за охотника»* (Куединский р-н).

Итак, если гадающие соблюдают все правила ритуала, то ничего плохого с ними не приключается, нечистая сила помогает гадающим в получении достоверных знаний о будущем: *«и правда, через три месяца мать у него умерла, а он потом застрелился»* (Сивинский р-н); *«а все равно замуж туда вышла»* (Кишертский р-н); *«а одна [ничего] не слышала. Ну, все и замуж вышли, а она – нет»* (Куединский р-н). Имеются и такие рассказы, где предвещание не сбывается, но количественно их меньше.

Когда гадающими до конца не были соблюдены все правила, то сюжет разворачивается по другой модели – как наказание за нарушение предписания: «и черт давай их тоже таскать» (Чернушинский р-н) ; «показалась такая вода, чуть ли не утащили в воду» (Сивинский р-н). Черт мог таскать за оставшуюся в пределах круга часть одежды или за хвост: «Черт-от овчину-то за хвост, пока петухи не запели, все их таскал» (Чернушинский р-н); «за хвост схватил черт и поволок их до Рябинина... Пришли домой в 3 часа ночи» (Красновишерский р-н). Во всех известных нам вариантах гадающим удается спастись.

Итак, мифологические рассказы о гадании на росстани зафиксированы в различных районах Пермского края. В них мы видим две основных версии сюжета, хотя имеются отдельные оригинальные варианты. Различия касаются предметов-атрибутов для гадания и словесных формул, использующихся для защиты от злых духов. Варьируются также номинации и облик нечистой силы, возникающие в этих рассказах.

Список литературы

Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Л. Н. Виноградова. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 27–67.

Виноградова Л.Н. Гадание Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 481–486.

Захарченко М.О. Кодовые предметы в святочных гаданиях на примере литературных текстов / М.О. Захарченко // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodovye-predmety-v-svyatochnyh-gadaniyah-na-primere-literaturnyh-tekstov/viewer> (Дата обращения: 25.05.2020).

Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. Вып. 10. М.: Индрик, 2006. С.150–213

Подюков И.А. Нытва: традиционная культура, язык и фольклор. Пермь, 2001. С. 7–8

Подюков И.А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во (ИПК Звезда), 2004. 318 с.

Подюков И.А., Поздеева С.М. и др. Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района: материалы и исследования / И.А. Подюков, С.М. Поздеева, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. / под общ. ред. Г.Н. Чагина. Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2008. С. 187–189.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, язык и фольклор русских Соликамского района. Усолье: ОГУП ИПК «Пермское книжное издательство», 2006. С. 55–62

Черных А.В. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX-XX вв. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004. С. 3–12.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX - середины XX в. Ч. 2: Зима. Пермь: Пушка, 2007. С. 88–104.

A.A. Pobychaeva

Student of Philological Faculty

Perm State University

“HODIT NA ROSSTAN SLUSHATSYA”: MYTHOLOGICAL STORIES ABOUT CHRISTMAS DIVINATION AT THE CROSSROADS FROM KARAGAYSKIY AND SIVINSKIY DISTRICTS

The article is devoted to the fortune-telling tradition of the Karagayskiy and Sivinsky districts. The mythological stories of these districts are compared with data from other places in the Perm region extracted from folklore collections. A group of mythological texts about divination at rosstan (crossroads) is analyzed in detail. The typical structure of the text was determined: the exposition (the beginning of divination and compliance with its conditions), the main part (the detection of the presence of evil spirits) and options for denouement (the interpretation of what the diviners heard, or unexpected contact with evil spirits).

Key words: Karagayskiy district; Sivinsky district; Christmas divination; mythological stories; crossroads.

Смирнова Алена Вячеславовна
студент филологического факультета
Пермский государственный
Национальный исследовательский университет
alenasmirnova21082000@yandex.ru

ДНЕВНИК А.Н. И Г.М. АНДРЕЕВЫХ: ОТРАЖЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ XX ВЕКА

В статье анализируется повседневность сельских жителей, описанная в коллективном дневнике А.Н. и Г.М. Андреевых, который велся во второй половине XX вв. По топосам, описаниям отношений между людьми, ежедневно проделываемым действиям, упоминаемым в дневнике, можно реконструировать картину мира авторов. На основе проведенного анализа можно утверждать, что авторы дневника принадлежат в большей мере к полутрадиционному обществу, которое характеризуется постепенным переходом к новым практикам.

Ключевые слова: повседневность; коллективный дневник; эго-документы; полутрадиционное общество; наивные тексты.

В последние годы возрастает интерес к дневниковым текстам со стороны исследователей, занимающихся народной культурой и «парафольклорными» традициями. Дневник – это «литературное произведение в форме регулярных записей, современных описываемым событиям» [Русова]. Написанный несколькими авторами дневник принято называть «коллективным». Эго-документы, к которым относятся дневники, имеют «большую ценность: и историческую, и краеведческую, и культурологическую, и лингвистическую» [Русинова 2007: 7]. Так как в них автор наиболее полно отражает свой обычный уклад жизни, они также могут быть полезны при анализе повседневной картины мира.

В.Д. Лелеко объясняет повседневность как «пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями» [Лелеко 2002]. К феноменам, определяющим повседневное существование, относятся следующие объекты:

- 1) природные (к ним можно отнести среду обитания человека, вещи «вокруг» и «для» него);
- 2) социальные (включают общественные обязанности, девиантное поведение, профессиональную деятельность и т.д.);
- 3) ментальные (состоят из ценностных представлений, гендерных, возрастных установок, общей культуры) [Банникова 2011: 21-22].

Парный дневник Анфисы Николаевны и Григория Михайловича Андреевых, который велся с 18 октября 1986 г. по 13 марта 1995 г., является источником сведений о быте сельского жителя конца XX в. Данные записи были обнаружены в 2016 г. в ходе фольклорно-диалектологической практики студентов филологического факультета ПГНИУ (рук. С.Ю. Королёва и Ю.А. Шкураток) в

Юрлинском районе Пермского края: дневник хранится в качестве семейной реликвии у дочери его авторов, живущей в д. Мухоморка.

В дневнике можно выделить три уровня организации времени. Первый уровень представлен суточным циклом. При этом авторы редко называют точное время описываемых событий, указание конкретного часа встречается всего 9 раз: «28 сентября Журавли летят на юг % Утро 9 часов%», «13/XI ездил в Кудымкар к Гале... Время с 11 час до 4 час вечера», «15/XII приезжал Толя из Кудымкара ... уезжали в 2 часа дня», «и алкаголик гонял меня до 12 часов вечера», «и они до 2-х часов не спали», «алкаголик утром встал в 7 час», «незнаю что будет дальше 2 часов вечера», «я через пол часа сказала». Это можно объяснить тем, что записи слишком лаконичные, чтобы разграничивать их еще и часовым временем.

Второй способ организации времени представлен годовым циклом. Авторы с разной частотой указывают день, месяц и год. В записях практически не фигурируют государственные и религиозные праздники. Две записи, упоминающие праздничный день, посвящены стрижке овец: «стригла одну овцу до крешенья а вторую на завтра крешенья», «13 мая кастрировали (3 барана в радольницу)». Исходя из этого можно утверждать, что праздничные дни для авторов не представляют самостоятельной значимости. Они служат скорее ориентиром, позволяющим точнее указать время хозяйственных работ.

Годовой цикл в дневнике почти полностью представлен природным циклом – сменой времен года. Большое значение авторы придают именно этим изменениям, так как от них напрямую зависит хозяйственная деятельность: «напал снег первый раз 6 ноября 87 года», «24/IX – 87 г выпал первый снег», «19/ X в первые вынесли из голбца картошку для скота», «первый раз принесли воду из колодца за 1,5 квартал», «29 – 30/III ушел лед на реке», «21 мая первый раз выпустила коров». Большое внимание уделяется даже такой мелочи, как первые поспевшие овощи: «3 июля сняла 2 огурца на окрошку первый раз».

Еще один уровень – «линейная стрела времени, динамика исторических событий и событий жизни автора текста» [Арустамова 2016: 85], но он в записях практически не представлен. Дневник велся на протяжении 9 лет, за это время в мире происходили политические и общественные события разной значимости, упоминаний о которых в тексте не содержится. Можно сделать вывод, что Григория Михайловича и Анфису Николаевну не интересует общественная жизнь (по крайней мере настолько, чтоб отразиться в дневнике), авторы довольно аполитичны.

Значимые события, произошедшие с авторами и принадлежащие «ближнему миру» (к ним относятся семейные, личные истории, случаи, произошедшие в селе), описаны очень лаконично и безэмоционально. Они при этом никак не комментируются: «Вальку Куму убил Андрюша сын вот такое дело», «12 марта приезжала Нина хрястит Грышу», «22 фев были сорочкины по Елизовете», «Сошлись со Степаном Петр.». Создается впечатление, что в записях события отражены лишь формально, для сохранения в памяти.

Важнейшим при анализе отраженной в дневнике повседневности является топографический аспект. В дневнике А.Н. и Г.М. Андреевых по аналогии с

временной можно выделить и пространственную организацию. К «ближнему миру» в данной системе можно отнести внутренние топосы села, его ядром можно считать сам дом А.Н. и Г.М. Андреевых, их двор, где находится огород («30 мая спахали огород утром»), баню («14 ноября топила баню»), яму («9 апреля снег набросали в яму»), дровяник («8 декабря начала топить дрова поленицу у дровеника»), парники («1 мая сделала за двором два парника не под пленку»), – с этими топосами связано большинство записей в дневнике. К «ближнему миру» относится также «другая изба» («17 июня закончили в голбце в другой избе»), изба Степана Петровича, с которым Анфиса Николаевна сошлась после смерти мужа («он его ко мне приревновал И Степана Петровича», «Сошлись со Степаном Петр. 29 июня 19... <нрзб.> года», «20 апреля выбелила у Степана в избе», «2 пахали у степыогород»). В дневнике упоминаются также и другие сельские объекты, с которыми непосредственно связана жизнь авторов: клуб, где работала Анфиса Николаевна и в котором проходили досуговые мероприятия («белила в клубе с 4 октября по 16 октября осталось на сцене начали красить с фая 18 октября», «Потом мы собрались в клуб, сказали будет дискотека», «он ушел в клуб пришел из клуба»), аптека («29 ходила в Аптеку Анна Вас. Смеряла 160 давление»), школа («9 марта дала в школу на выставку полотенце кокошник и половик отдала») и т.д.

Ойкумена авторов ограничена Пермским краем, который можно назвать «средним уровнем» пространства. Поездки осуществляются только по семейным делам: к дочерям, в больницу, за покупками. В дневнике встречаются упоминания таких топонимов, как Елога, Пермь, Юрла, д. Мухоморка, Косимовка, Кудымкар (где живет еще одна дочь авторов). В случае, когда дневник выполняет функцию записной книжки, записи сохраняют упоминание также и о хуторе Казачьем Краснодарского края и г. Свердловске, однако о поездках туда упоминаний нет.

Третий уровень, «большой мир», отражен в дневнике косвенно, через упоминания журналов, телевизионных программ и т.д. Это позволяет рассматривать текст дневника также как источник сведений о культурной жизни того времени. А.Н. Андреева упоминает, как муж смотрит фильмы по телевизору («он смотрел кино эпопею и кино кончилось я сказала и спросила что дрова будем нет возить», «он выпил стопочку включил телевизор шел художественный фильм про Ленина»), как они вместе читают («читали здоровья золотой корешок цикории о сердечных заболеваний от всей внутренности»). Можно проследить, что авторы «связаны» с «большим миром» посредством СМИ («5 декабря слушала радио и сказали открыт цех для выделки шкур в Косимовке»).

Из интервью с дочерью авторов дневника можно узнать, что в молодости, пришедшейся на время войны, А.Н. Андреева ходила по деревням, а Г.М. Андреев «босиком, говорит, Европу прошел, <...> в Голландию», однако в дневнике отсутствуют упоминания об этом. Данный факт можно объяснить тем, что родители не любили вспоминать о тяжелых для себя временах. Но это также служит доказательством того, что для авторов важнее настоящий момент, «здесь и сейчас».

Мир, описываемый в дневнике, тесен, в нем все друг друга знают. В пределах ойкумены для авторов нет незнакомцев, повествование насыщено собственными именами: «25 октября ходила старая буска приводила от Нюры Игорыки», «29 ходила в Аптеку Анна Вас. Смеряла 160 давление», «12 января стал Иван Горкунов младший», «И Степана Петаровича то что он заходил утром и был Венямин Матвеевич», «7го марта ушел Петру Штейникуму пировать», «13 воскресенье привезла Лена водку», «1 ноября принесла Парасья поросенка», «12 привела ягушку от коннюха Генки», «вымылась с Тасеи Тимофеевной», «26 марта набросали снег в погреб помогли Герман сват Геннадий племянник Коля» и т.д. В этом «тесном» мире близкие связи с людьми порождают как взаимовыручку, соседскую помощь, так и сплетни со ссорами. Так, например, Анфиса Николаевна поссорилась с «Нюрой Игорихой», так как «они все говорили что я сплю на готовой постеле матрацах это все Игориха Таня ей жалко стало Степана меня зовет кобылой». Из данного отрывка видно, как ранее помогавший социум стал «карающим», посредством сплетен пытаюсь отрегулировать общественные отношения в «тесном» мире. К «отклоняющемуся» поведению, как можно заметить, относится повторный брак. Кроме него «тесный» мир деревни порицает также и алкоголизм. Записи А.Н. Андреевой изобилуют критикой и жалобами на мужа-«алкаголика». Алкоголь (чаще всего в записях упоминается водка и «кислуха») в негативном ключе воспринимается обществом только в случаях глубоко алкоголизма, в остальных же ситуациях «пировать» считается вполне нормальным явлением: «20,21,22,23 пил кислуху», «уколы с 10 февраля вот сейчас алкаголик лежит водку выпил есть кислуха немного литров пять», «14/VIII прослал допил бидон осталось допить кислухи», «а он смеется как самушедший сидел на стуле спрашивать что для ковыты это водку скрывает», «вторник и среду пил водку и все меня гонял». Иногда алкоголь покупается на все село: «3-/X Купили 10 бут. водки на село и свинью на сумму 77 рублей (7 – 70)». Даже сама А.Н. Андреева, когда дочь наказывает ей спрятать водку от отца, потом все же ставит ее на стол: «я ему сказала что Галя послала водку но я сама поставила на стол бутылку мы по сто выпили он ушел в клуб».

На материале дневника А.Н. и Г.М. Андреевых можно изучить и проявляющиеся в записях авторов особенности распределения гендерных и социальных ролей. Взаимоотношения супругов упоминаются в основном в контексте хозяйственных работ. В большинстве случаев авторы занимаются ими вместе, это можно проследить по форме глаголов, описывающих хозяйственную деятельность (1-ого лица мн. ч.): «12 огурцы выташили воду шланг», «делали переходы», «30 мая спыхали огород утром», «2/XI – 85 г Закололи поросенка» и т.д. В основном действия, описанные в дневнике, связаны с огородом и содержанием овец. Записи сохраняют упоминание о том, что сажают в огороде: калегу, капусту, помидоры, картошку, чеснок, брюкву, лук, репу, редьку, огурцы, сладкий перец, морковь, кормовую свеклу, бобы, тыквы, кабачки. По записям можно понять, что рассадой занимается жена, тогда как вместе супруги работают в парниках, сажают картофель, делают переходы между грядками, пашут и т.д.

Большое место в жизни авторов занимает уход за овцами, это можно утверждать по количеству записей, связанных с овцеводством, а также по разнообразию наименований, которыми супруги называют животных: баран («26 закололи 2 барана», «6 ноября закол Герман 2 барана», «отдала большева барана»), овца («23 октября стригла овцу белую», «13 февраля стригла две овцы» и т.д.), ягненок («10 июня два ягненка», «2 июля стригла белую старую с ягнятами» и т.д.), буска («19 января ягнилась белая малая буска 2 дз.», «овца ходила с бараном 9 октября у старой буски доч», «В марте 18 сентября ягнилась старая буска», «буска палец сломала 2 фев 86 год»), дзелька («18 мая Родила одну дзелечку», «14 сентяб ягнилась бус первый раз 2 дзельки», «12 ноября закололи дзельку и барана»). Для большей точности эти названия часто упоминаются в совокупности с другими характеристиками: ревунья, матка, черная – белая, большая – маленькая, старая – молодая, рогатая. Иногда подчеркивается родство с другим животным: «12 февраля ягнилась буска у белой дочь», «3 октября ходили с бараном у старой буски дочь», «5 октября ходила с бараном у бел дочь» и т.д. С помощью записей о содержании овец, где часто встречаются указания количества, авторы следят за приплодом скота, его здоровьем и т.д. Дневник в данном случае выполняет роль записной книжки, в которую вносятся точные данные о хозяйстве. Кроме овец, у А.Н. и Г.М. Андреевых были также коровы и свиньи, но о них в дневнике гораздо меньшее количество записей, которые к тому же менее подробны.

Зарабатывали А.Н. и Г.М. Андреевы шитьем (из интервью дочери: «Постоянно шили. Верхнюю, любую одежду, пододеяльники, простыни, все, что угодно, а все было шитое»), этой работой супруги также занимались вместе. А.Н. Андреева работала в клубе уборщицей. Можно увидеть, что исключительно «мужской» работой считается вязка сетей для рыбалки, охота, поездки в другие поселки по делам, «женской» – работа в огороде, приготовление пищи и т.д.

Г.М. Андреев в дневнике представлен как отец и глава семьи. Он часто ездит к дочерям, привозит им продукты («13/XI ездил в Кудымкар к Гале. Увез картошку и еще кое-чего», «19/XI ездил к Нине», «22/XII ездили к Гале в Кудымкар», «13/ XIII- 87 г Ездили к Нине на кашу»), Анфиса Николаевна советуется с ним по хозяйственным вопросам («я сказала и спросила что дрова будем нет возить он сказал что нет»).

Помимо роли хозяйки, А.Н. Андреева выступает в записях и как мать. Это опять же проявляется в упоминании поездок к дочерям («17/XI ездили к Гале в Кудымкар Привезли Галю», «выпили я Гале сказала что хотим привезти дрова» и т.д.). Анфиса Николаевна в дневнике предстает также в роли ответственного работника. В дневнике несколько раз упоминается ее работа в клубе: «белила в клубе с 4 октября по 16 октября осталось на сцене начали красить». В одной из записей А.Н. Андреева говорит, что откладывает свой уход от ревнивого мужа лишь из-за необходимости регулярно ходить на работу: «я как то бы дожить до пенсии там бы видно было хоть и куда уехать дак прогулы не будут и может совсем уеду».

А.Н. и Г.М. Андреевы как родители выстраивают преемственность между поколениями. В дневнике это в значительной степени проявляется не только в записях, которые отражают поездки А.Н. и Г.М. Андреевых к дочерям, но и в описании ситуаций, когда младшие члены семьи приезжают помогать старшим по хозяйству: «17 апреля в мае 18 приезжали Миша сделали огород приезжали Таня увезли картошку 20 мая спыхали огород», «11 ноября приезжали Миша сват Рудольф Н. сделали в бане пол привезли плахи», «24 ноября приезжал Толя и привезли сено», «21 октября приезжали Миша со Сватом Рудиком сделали оградку папе привезли все свое, весь материал» и т.д.

Характер личных взаимоотношений супругов, отношения «жена – муж» [Арустамова 2016: 87] проявляются лишь в «жалобных» записях Анфисы Николаевны. Из них становится известно, что в семье происходили ссоры, супруг часто ревновал жену, бил ее, выпивал (ср. в интервью: «отец был очень ревнивый человек, у них часто были стычки, ссоры. Вот. Ревность, чисто ревность»). Дневник, однако, не позволяет увидеть эту ситуацию глазами мужа, так как в его записях отсутствует какое-либо описание отношений с женой.

В дневнике сельского жителя «ближний мир имеет более важное значение, нежели большой мир» [Арустамова 2016: 86], отсутствует рефлексия над событиями прошлого, наибольшее значение имеет настоящее, а качество жизни зависит от успешного ведения хозяйства. Записи также повествуют о тесных связях внутри мини-сообщества (села), в котором живут авторы, свидетельствуют о некоторой патриархальности, которая проявляется в отношениях А.Н. и Г.М. Андреевых. Данная картина мира выдает в авторах носителей традиционного крестьянского мироощущения. Однако нельзя сказать, что они целиком принадлежат традиционному обществу. У обоих авторов было несколько браков, они не отмечают, судя по записям, народно-православные праздники, Анфиса Николаевна вступает с мужем в открытую полемику, а после его смерти заводит новую семью. Все эти отступления от правил типичного традиционного общества позволяют сказать, что авторы принадлежат в большей мере к полутрадиционному обществу, в котором происходит постепенный переход к «новым, уже “модерным” практикам» [Козлова 1996: 61].

Список литературы

Андреевы А. Н. и Г. М. Коллективный дневник. 1986 – 1995. (Рукопись.) // Архив лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ.

Арустамова А. А. Дневник М.П. Сусловой: Человек – природа – социум // Славянские языки и культуры в многоязычном мире: сб. науч. тр. VI междунар. рос.-македон. конф. (г. Пермь, 9–12 сент. 2014 г.) / Отв. ред. Н. В. Боронникова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 83–90.

Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13) Ч. II. С. 21–24.

Дневник М.П. Сусловой (1981 - 1985): Публикация и исследование текста / Отв. ред. И.И. Русинова. Пермь: Перм. ун-т, 2007. 263 с.

Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения». М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 256 с.

Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.

Русова Н.Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба // Академик. URL: <https://literaturologiya.academic.ru/155/дневник> (Дата обращения 05.06.2020).

A.V. Smirnova

Student of Philological Faculty
Perm State University

**DIARY OF A.N. AND G.M. ANDREEVS:
VILLAGERS' EVERYDAY LIFE IN THE XX CENTURY**

The article analyzes the everyday life of rural residents described in the collective diary of A.N. and G.M. Andreevs, which was written in the second half of the XX centuries. Topos, descriptions of relationships between people, daily actions mentioned in the diary help to reconstruct the authors' picture of the world. Analysis of diary entries allows concluding that the authors of the diary belong to a semi-traditional society, which is characterized by a gradual transition to new practices.

Key words: everyday life; collective diary; ego documents; semi-traditional society; naive texts.

Марина Игоревна Жужгова
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
frau_jujgova2011@mail.ru

КАТЕГОРИЯ РАЗГОВОРНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА)

В статье рассматривается разговорность как одна из текстообразующих категорий художественной речи. Особое внимание уделяется двойственной природе категории разговорности: с одной стороны, в ней репрезентируются стилевые черты разговорного стиля, с другой стороны, категория разговорности является компонентом художественного текста. Исследование проведено на материале рассказов В. М. Шукшина, из которых методом направленной выборки отобраны фрагменты с прямой речью персонажей, сопровождаемой авторским комментарием. Категория разговорности интерпретируется в аспекте стилизации писателем лингвистических особенностей разговорной речи с целью создания художественного образа.

Ключевые слова: художественный текст; разговорный стиль речи; категория разговорности; стилизация; речевая характеристика персонажа.

Под разговорно-бытовым стилем принято понимать «особенности и колорит устно-разговорной речи носителей литературного языка» [Кожина 2008: 245]. Разговорность же – это категория, которая используется в художественной литературе, СМИ, ораторском искусстве для противопоставления двух типов речи: сухой, книжной и эмоциональной [там же].

Сопоставительный анализ разговорного стиля и категории разговорности показывает принципиальные различия между ними как в экстралингвистическом, так и в собственно лингвистическом отношении.

Так, типичной сферой реализации разговорного стиля является сфера бытовых отношений. Экстралингвистические факторы, определяющие специфику этого стиля, включают непринужденность и неофициальность общения; неподготовленность речи, ее автоматизм. Для разговорного стиля характерна эмоциональная, оценочная реакция в диалоге. Языковые особенности разговорной речи проявляются в ряде стилевых черт, среди которых М. Н. Кожина прежде всего отмечает непринужденность и даже фамильярность, глубокую эллиптичность, конкретизированный характер речи, экспрессивность [там же].

На лексико-семантическом уровне в разговорном стиле весомую роль играет экспрессивно-оценочная лексика, большое количество просторечных элементов, преобладание конкретных существительных над абстрактными. Среди словообразовательных средств отмечается активная роль суффиксов

субъективной оценки со значением ласкательности, неодобрения, увеличительности и др. (*мамочка, лапушка, домище, холодина* и др.), а также суффиксов с функциональной окраской разговорности, например: -к- (*раздевалка, ночевка*); -ик- (*ножик, дождик*); -ша- (*кондукторша, билетерша*) [там же: 248]. В области морфологии фиксируется преобладание глаголов над существительными, а также повышенная частотность, по сравнению с другими функциональными стилями, личных местоимений и частиц.

Как известно, особенно яркими приметами характеризуется синтаксис разговорной речи, типичными чертами которого являются эллиптичность, эмоциональность и экспрессивность. Эти черты выражаются, в частности, в широкой употребительности инфинитивных и неполных предложений (*Ну, полно!; Прекрасно!; Молчать!*); распространении «неорганизованных» построений предложения, к которым относится перестройка фразы на ходу (*Телефон – это вас*); использовании парцелляции (*Уезжать страшно. Но надо*). В целом, для разговорной речи типичной является разорванная структура высказывания с перебоями интонации. Среди сложных предложений преобладает сочинение над подчинением (подчинительные предложения составляют в разговорной речи 10 %, тогда как в других стилях их около 30 %) [там же: 256].

Вышесказанное свидетельствует о том, что разговорно-обиходный стиль характеризуется ярким своеобразием языковых средств, частично выходящих за пределы кодифицированного литературного языка, что обуславливает особое место разговорной речи в системе функциональных стилей.

На фоне представленных особенностей разговорно-обиходного стиля рассмотрим понятие разговорности как эстетической категории художественного текста. Как было отмечено ранее, М. Н. Кожина считает разговорность риторической категорией публицистического текста и эстетической категорией художественного текста. О. Б. Сиротина рассматривает понятие разговорности на материале публицистических текстов. Исследователь считает, что употребляемая в сфере СМИ категория разговорности косвенно связана с термином «разговорная речь» и используется для противопоставления термину «книжность», который вызывает ряд ассоциаций: умозрительность, академичность, отвлеченность, метафизичность. Иными словами, книжность ассоциируется с текстами, которым свойственна письменно-книжная форма, а намеренное использование в них элементов разговорности приводит к созданию экспрессии [Сиротина 1998: 98].

По мнению О. Б. Сиротиной, основное различие между «разговорной речью» и «разговорностью» заключается в том, что если система разговорной речи является результатом минимальной заботы о форме выражения, то разговорность есть следствие тщательной работы автора над формой содержания, т.е. «разговорность» имеет риторически или эстетически целесообразное функционирование и употребляется намеренно [Сиротина 2001: 70].

В рамках проведенного исследования нами проанализированы фрагменты 202 рассказов В.М. Шукшина, в которых содержится прямая речь персонажей, демонстрирующая речевую реализацию категории разговорности в худо-

жественном тексте. При анализе речевого поведения персонажа учитывались и другие его характеристики: профессия, черты характера, поведенческие особенности, чувства, линия его жизни и др.

По нашим данным, типичным героем рассказов В. М. Шукшина является деревенский мужик лет сорока. Этот вывод подтверждается количественным анализом половозрастных характеристик созданных писателем образов: персонажей-мужчин в рассказах – 83 %, персонажей-женщин – 17 %. Распределение персонажей-мужчин по возрасту выглядит так: мальчиков – 0,04 %, юношей – 27 %, мужчин среднего возраста – 43 %, пожилых мужчин – 27 %. Возрастное распределение героинь выглядит так: девушки – 14 %, женщины среднего возраста – 57 %, пожилые женщины – 29 %.

Как показал проведенный анализ, прямой речью писатель наделяет преимущественно мужчин.

Очевидно, что для интерпретации категории разговорности принципиальное значение имеет авторский комментарий прямой речи. В рассказах В. М. Шукшина он представлен различными по семантике глаголами, отражающими работу писателя над художественным воплощением естественной, «живой» речевой манеры героев, которые *ворчат, кричат, заикаются, шипят, мычат, режут, поют, причитают* и др. Авторские ремарки к прямой речи героев, передающие их настроение, эмоции, переживания, оценку своей жизни, безмятежную любовь к миру и многое другое, играют важную роль в создании художественного образа. В аспекте рассматриваемой проблемы данные сигналы свидетельствуют о целенаправленном выстраивании речевой манеры персонажа посредством стилизации естественной разговорной речи. На наш взгляд, глаголы, комментирующие речь героев, можно назвать маркерами стилизации эстетической категории разговорности в художественном тексте.

В понимании стилизации мы опираемся на точку зрения А. В. Алпатова, по мнению которого, стилизация – это «литературный стилистический прием умышленной имитации характерных особенностей чужой речевой манеры для достижения определенной художественной цели» [Алпатов 1976: 116].

Одна из задач проведенного исследования заключалась в сравнении лингвостилистических параметров разговорного функционального стиля, описанных в учебнике «Стилистика русского языка» [Кожина и др. 2008] и разговорности как эстетической категории художественного текста. Для решения этой задачи в тех фрагментах рассказов В. М. Шукшина, которые содержат прямую речь персонажей, были выявлены характерные для разговорного стиля разноуровневые языковые единицы. Представим результаты проведенного анализа.

Количественный анализ конкретных и абстрактных существительных, зафиксированных в репликах героев рассказов, показал, что частотность конкретных существительных более чем в 17 раз превышает частотность абстрактных существительных (1265 против 72), что соответствует стилистическим параметрам разговорного стиля. Герои рассказов В. М. Шукшина активно используют экспрессивно-оценочную и просторечную лексику, например: *обормот,*

дуреха, клочочек и др.; *хрупких созданий, жись, Мне што* и др. Эти средства наделяют героев рассказов живыми чертами.

Количественный анализ частотности существительных и глаголов в диалогических фрагментах рассказов показал преобладание существительных над глаголами (последних оказалось на 300 словоупотреблений меньше). Данный вывод, казалось бы, противоречит известной оценке разговорного стиля как самого глагольного среди всех функциональных стилей. Однако преобладание имен над глаголами в речи персонажей рассказов скорее всего как раз подтверждает не естественный, а вымышленный, искусственный, стилизованный характер разговорной речи, намеренно обработанной писателем под реальную разговорную речь.

Из словообразовательных ресурсов разговорного стиля в речи героев В. М. Шукшина широко представлены производные слова с экспрессивными аффиксами, типичные для естественной разговорной речи, например: *солнышко, здоровенный, погодушка* и др.

Анализ синтаксического строя речи персонажей показал использование в ней многообразных эллиптических и инвертированных конструкций (*...а я – в горбольнице; кто с рюмкой, кто с вопросом; валенок сибирский*), в том числе перестройку фразы на ходу (*А он же, знаешь, жиклер... там иголка не пролезет*). На наш взгляд, эти синтаксические явления не только выражают эмоциональное состояние героев, но и свидетельствуют об умелой стилизации спонтанной, неподготовленной речи героев рассказов.

Нельзя не отметить еще одну выявленную закономерность. Если, по данным исследователей, в разговорном стиле преобладает сочинение над подчинением, то в текстах рассказов В. М. Шукшина мы зафиксировали обратную картину, а именно: в репликах персонажей подчинение значительно преобладает над сочинением. По нашим данным, в прямой речи героев сложносочиненные предложения составляют 40 %, а сложноподчиненные 60 %. Этот факт также можно интерпретировать как свидетельство искусственности, стилизованности разговорной речи персонажей. Очевидно, что при создании текстов рассказов перед автором стояла не лингвистическая, а эстетическая задача – передать событийный контекст рассказа, его хронотоп, показать обстоятельства, условия, причины того или иного поступка героя. Именно этим скорее всего можно объяснить преобладание сложноподчиненных предложений над сложносочиненными.

Таким образом, понятия «разговорный стиль» и «категория разговорности» характеризуют разные речевые явления. Разговорный стиль – это функциональная разновидность языка, обусловленная определенными экстралингвистическими факторами; категория разговорности – явление, относящееся к художественному стилю, искусственное воплощение разговорной речи, намеренный прием, используемый писателем для создания достоверного образа.

Список источников

Шушкин В. М. Беседы при ясной луне: сборник рассказов. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1985. 73 с.

Список литературы

Алпатов М. В. Художественные проблемы итальянского Возрождения. – М.: Искусство, 1976. 288 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры». М.: Лики языка, 1998. 256 с.

Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001. № 2. С. 41–65.

M.I. Zhuzhgova

Student of Philological Faculty

Perm State University

CATEGORY OF COLLOQUIALITY IN ARTISTIC TEXT (BASED ON THE STORIES OF V. M. SHUKSHIN)

The article discusses colloquiality as one of the text-forming categories of artistic speech. Special attention is paid to the dual nature of the category of colloquiality: on the one hand, stylistic features of the colloquial style are represented in it, on the other hand, the category of colloquiality is a component of a literary text. The research was carried out on the basis of the stories of V.M. Shukshin, from which fragments with direct speech of characters, accompanied by the author's commentary, were selected by the method of directed sampling. The category of colloquiality is interpreted in the aspect of stylization by the writer of the linguistic features of colloquial speech in order to create an artistic image.

Key words: artistic text; colloquial style of speech; category of colloquiality; stylization; speech characteristics of the story hero

Алёна Алексеевна Зонова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alyonaz2014@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕКЛАМЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ И ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСАХ

В статье исследуются функциональные сходства, различия, специфика бытования рекламных сообщений в разных средах российского медиадискурса с применением структурно-семиотического и нарратологического анализа текстов. Автор рассуждает о тенденции к интерференции литературного, журналистского, рекламного дискурсов в современном медиапространстве, что подтверждает актуальность представленной темы.

Ключевые слова: реклама; рекламное сообщение; функционирование рекламы; литературный дискурс; журналистский дискурс.

Цель работы заключается в исследовании функционирования рекламы в двух дискурсах: литературном и журналистском. Материалом для изучения стали современные литературные произведения массовой литературы – «Филе из Золотого Петушка» Дарьи Донцовой и элитарной – «Поколение П» Виктора Пелевина, а также журналистские тексты интернет-порталов – статьи «59.ru» и «Meduza».

Определим понятие «реклама». В законе «О рекламе» читаем: «реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [Закон «О рекламе»: №38-ФЗ]. Реклама имеет множество классификаций: по направленности на аудиторию (на конечного потребителя, на посредника и так далее), по каналам и средствам распространения (радиореклама, кинореклама, почтовая) и так далее. В настоящем исследовании нас интересует изучение рекламы с точки зрения «характера ее воздействия на потребителя» – скрытая реклама [Николаева 2012: 105]. К скрытой рекламе многие авторы, в том числе, изданий «Product placement по-русски» [Киселева 2008] и «Product Placement. Технологии скрытой рекламы» [Берёзкина 2009], относят и Product Placement.

Изучение скрытой рекламы в литературном дискурсе, а именно в романе Дарьи Донцовой «Филе из Золотого Петушка» показало, что автор специально, но незаметно для «наивного» читателя встраивает рекламу в содержание романа: *«Девушка была мила, «Золотой петушок» показался свежим, и я решила не огорчать студентку, зарабатывавшую на рекламе. Наверное, ей платят*

процент от выручки» [Донцова 2003: 42]. Это первое знакомство читателя с рекламируемым продуктом. При этом автор словно сигнализирует о том, что понимает природу собственных действий, употребляя слово «реклама».

Продукт упоминается в романе трижды, во второй раз при знакомстве читателя с новым персонажем книги: *«Анна Кузьминична обожает собаку, называет ее доченькой и готовит ей фрикадельки из парного мяса. Гадкая собачка редкая капризница. Она соглашается есть лишь телятину и филе грудки «Золотой петушок». И уж будьте уверены, если пес это лопает, то продукт отменного качества»* [Донцова 2003: 85]. В третий раз мы встречаемся с упоминанием бренда и рекламируемого товара в самом конце романа: *«В жизни много жестокого и гадкого. Это тебе не филе из «Золотого петушка»* [Донцова 2003: 377].

Во всех случаях говорится об одном и том же продукте, упоминания имеют положительную коннотацию. Можно предположить, что это так называемый *«технология размещения торговой марки, товара и (или) услуги в кинофильме, телевизионной программе, книге, компьютерной игре, песне или внутри любого другого продукта индустрии развлечений с целью получения рекламной выгоды»* [Киселева 2008: 14-15], *«уникальная технология управления массовым сознанием и покупательским поведением»* [Берёзкина 2009: 11]). Заметим, что описанные технологии встраивания рекламы в литературное произведение, скорее всего, возможны в сфере именно массовой, а не «высокой» литературы.

В текстах так называемой элитарной литературы реклама имеет совсем другую функцию. В романе Виктора Пелевина «Поколение П» героем становится копирайтер, автор рекламной продукции. Названия известных брендов – «Пепси», «Ray-ban», «Sony» и других – становятся знаками современной реальности – иллюзорной и манипулятивной. Даже политический дискурс в этой реальности подчинен рекламному заданию: автор телевизионного ролика использует передачу с участием генерала Лебеда для рекламы сигарет. Пелевин разоблачает как ценности нового российского общества, так и власть рекламы, неустанно пародируя рекламные слоганы. Реклама спрайта в патриотическом варианте звучит как *«Спрайт. Не-кола для Николы»* [Пелевин 2019: 25], реклама мерседеса – *«Mercedes-600». Стильный, державный»* [Пелевин 2019: 145]. Даже Бог становится объектом рекламы: *«Солидный Господь для солидных Господ»* [Пелевин 2019: 115]. У Пелевина, таким образом, реклама становится метафорой современного мира симулякров, а рекламные тексты – моделью для авторской языковой игры. То есть реклама оказывается элементом художественного языка.

Реклама в художественном тексте уже становилась предметом изучения. М.П. Абашева справедливо заметила: *«Массовая продукция современных писателей свидетельствует о том, что литература и реклама связаны сегодня весьма прочно. <...> рекламные тексты становятся частью культуры, литература охотно включает рекламу в собственный словарь»* [Абашева 2008: 10].

Перейдем к характеристике взаимодействия рекламного и журналистского дискурсов. Остановимся подробнее на анализе рекламы в журналистском дискурсе в статьях интернет-порталов «59.ru» и «Meduza». Нами было рассмотрено 603 материала, отобрано для исследования 13 текстов, в которых присутствует реклама.

Сравнение рекламы в журналистских текстах

Издание	«59.ru»	«Meduza»
Исследовано материалов / взято для анализа (материалы, в которых присутствует реклама)	480 / 8	123 / 5
Специфика бытования рекламы	В основном: скрытая реклама	В основном: нативная реклама
Преимущества сайта	Представление рекламы в тексте в свободной форме	Определенные стандарты размещения рекламы, множество форматов: игра, тест, подкаст и прочие

Анализ показал, что порталы «59.ru» и «Meduza» имеют различия в специфике бытования рекламы в тексте. Редакторы «59.ru» часто скрывают ее. В качестве примера возьмем статью «Зарплата.ру: молодые специалисты из Перми хотят зарабатывать до 41 тысячи рублей в месяц» [59.ru 2019: URL: <https://59.ru/text/job/66115894/?from=listnews>]. В материале представлены результаты исследования проведенного порталом по поиску работы. Несмотря на рекламный характер подачи информации, в статье нет указания на то, что перед читателем реклама, следовательно, эта реклама – скрытая.

Гораздо более изобретательны авторы рекламы в «Медузе». Там используется преимущественно нативная реклама. Самое главное отличие такой рекламы от других видов скрытой рекламы – это привлечение не рекламных форматов. Редакторы «Медузы» представляют рекламу в подкастах, знакомят читателей с рекламными товарами в процессе игры или при прохождении теста. На сайте «Meduza» очень часто публикуются партнерские материалы – например, «Шведы — одна из самых счастливых наций мира. Вот как им это удается» [Meduza 2020: URL: <https://meduza.io/feature/2020/03/02/lagom-fika-i-myusshvedskie-ritualy-kotorye-pomogut-stat-schastlivee>]. В статье рассказывается о Швеции, о ее ритуалах, правилах и элементах шведского образа жизни, упоминается бренд «Bonava». «Bonava» – это название жилых комплексов в Санкт-Петербурге, строительством которых занимается шведская компания. Автор статьи ведет читателя к мысли, что совсем необязательно жить в Швеции, чтобы быть счастливым, можно просто приобрести квартиру в рекламируемом жилом комплексе. Нативная реклама оказывается выполненной на высоком профессиональном уровне, ее можно признать более эффективной. Таким образом, на сайте «59.ru» преобладают различные формы скрытой рекламы. Часто это описание товара, экспертное мнение или комментарий, на сайте «Meduza» – нативная реклама.

Стоит обратить внимание и на визуальное сопровождение исследуемых текстов. Означаемые рекламного сообщения *«должны быть донесены до потребителя со всей возможной определенностью»* [Барт 1989: 297]. Именно поэтому реклама, в том числе в книгах и журналистских статьях, использует иконические знаки в содержании и на обложке, как в «Филе из Золотого петушка». Любое изображение *«несет в себе те или иные знаки <...> они сделаны так, чтобы их невозможно было не прочесть: рекламное изображение откровенно»* [Барт 1989: 297].

Сегодня реклама не хочет быть прямой. Явно прослеживается тенденция к нативности. Используются приемы, когда реклама «притворяется» литературным текстом или журналистской статьёй, использует их язык. Коннотативное, иначе, вторичное, значение рекламного сообщения словно затмевает денотативное. О таком механизме писал Ролан Барт: «чем больше двузначности содержится в рекламной фразе или - чтобы не впадать в противоречие в терминах - чем более она многозначна, тем лучше она выполняет свою функцию коннотативного сообщения» [Барт 2003: 221]. К тому же, можно наблюдать интерференцию литературного, журналистского, рекламного дискурсов в современном медиaprостранстве, то есть реклама охотно смешивается с другими дискурсами, встраивается в литературу и в журналистику, становясь частью общего развлекательного нарратива.

Список источников

- Донцова Д.А. Филе из Золотого Петушка. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 384 с.
Пелевин В.О. Generation П. Москва: Издательство АСТ, 2019. 352 с.
Meduza – международное русскоязычное издание. URL: <https://meduza.io> (Дата обращения: 04.03.2020).
59.ru – сетевое издание. URL: <https://59.ru> (Дата обращения: 10.06.2019).

Список литературы

- Абашева М. П. Роман с рекламой: Набоков и другие. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 6. М., 2008. С. 10–22.
Барт Р. Риторика образа. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Косикова Г. К. М.: Прогресс, 1989. С. 297–318.
Барт Р. Рекламное сообщение. // Система Моды. Статьи по семиотике культуры. Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 219–222.
Берёзкина О. П. Product Placement. Технологии скрытой рекламы. СПб.: Питер, 2009. 208 с.
Закон «О рекламе»: Федер. закон Рос. Федерации от 13 марта 2006 г. №38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2006. С. 3770–3799.
Киселева П. А. Product Placement по-русски. М.: Вершина, 2008. 152 с.
Николаева М. А. Основы рекламы: интегративный курс: учебно-методический комплекс. Екатеринбург, 2012. 380 с.

A.A. Zonova

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE FUNCTIONING OF ADVERTISING IN LITERARY AND JOURNALISTIC DISCOURSES

The article explores similarities, differences and specifics of advertising messages in different spheres of Russian mediadiscourse using structural-semiotic and narratological analysis of texts. The author concludes that there is a tendency to combine literary, journalistic and advertising discourses in the modern media space.

Key words: advertising; advertising message; functioning of advertising; literary discourse; journalistic discourse.

Фёдор Геннадьевич Куренков
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
fedorkurenkov@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ

В статье обосновывается целесообразность нового подхода к анализу генезиса религиозной речи и определению стилеобразующих факторов религиозного функционального стиля с учетом конфессиональных различий. В рамках полемики с авторами учебника «Стилистика русского языка» (М.: Флинта: Наука, 2008) предлагается исключить из названия стиля компонент «церковно-» и дополнить состав экстралингвистических факторов сверхчувственным Божественным откровением, а также корпусом Священных писаний и богослужебных текстов. Особое внимание уделяется разновидностям проповеди как ядерного жанра религиозной речи. Обосновывается необходимость разработки модели религиозного стиля в соответствии с особенностями различных религиозных групп.

Ключевые слова: функциональная стилистика; религиозный стиль; экстралингвистические факторы религиозной речи; проповедь.

Прочтение главы, посвященной религиозному стилю (далее РС), в учебнике «Стилистика русского языка» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008] стало основанием для размышления об этом функциональном стиле. Полемичным, с нашей точки зрения, является как название стиля (*церковно-религиозный*), так и его характеристика. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» [СЭС] даются варианты названия (*религиозный, религиозно-проповеднический, религиозно-культурный*), однако автор статьи останавливается на термине *церковно-религиозный*, считая, что он «предпочтительнее, так как указывает одновременно и на сферу общественной деятельности, в которой он функционирует, и на религиозную форму общественного сознания, и на церковных деятелей как авторов соответствующих текстов, но не ограничивает его реализацию лишь жанром проповеди» [Там же: 613].

Нам представляется, что содержащаяся в данных трудах характеристика не отражает всей многомерности и глубины РС как одного из шести функциональных стилей русского литературного языка. Прежде всего трудно согласиться с методологической стороной этой характеристики. Во-первых, авторы ограничиваются узкоконфессиональным взглядом, рассматривая только православную традицию. Во-вторых, в рамках этой традиции радиус действия РС сужается до церковного служения и проповеднической деятельности. Наконец, полностью исключена историческая парадигма РС. Вызывает возражение и подбор иллюстративных текстов (проповеди и молитвы), которые к тому же толкуются в сугубо популяризаторском духе. Приведем цитату из учебника:

Главный компонент религиозного мировоззрения – система догматов (важнейших религиозных истин), соотносимая с типичными состояниями душевной жизни верующего человека. В христианской религии такими состояниями являются переживание любви, благоговения, трепета, чувство «ранга», собственного несовершенства и некоторые другие [Кожина 2008: 413].

На наш взгляд, в этом фрагменте содержится ряд неточностей. Идейная, или собственно догматическая, неточность заключается в том, что систему догматов нельзя назвать главным компонентом религиозного мышления. Таковыми компонентами являются **вера** («уверенность в невидимом») и **сверхчувственный характер откровений**, если разговор идет о трех монотеистических религиях. Профессор Духовной академии диакон Андрей Кураев определяет догмат кратко: «внутреннее правило веры в Церкви» [Кураев 1995: 116]. Историк Церкви А.В. Карташев считает, что догмат – «это некий верстовой столб, проверенный многовековым опытом и указывающий верное направление дороги» [Карташев 2002: 3]. Близкое определение предлагает профессор А.И. Осипов: «Догматы, вообще вся церковная дисциплина, – это вектор, указывающий направление практической духовной жизни человека» [Осипов 2010: 164].

Вторая неточность терминологическая, а именно: *типичные состояния жизни верующего человека* есть **духовные**, а не душевные. Христианское богословие различает духовные и душевные проявления, относя к первым переживания религиозного характера, творческие искания и всё, что устремляет в горние сферы. К душевным же состояниям относятся проявления характера, наклонностей и привычек человека.

Третья неточность обусловлена недопониманием православной традиции. Если и говорить о какой-то системе, которая *соотносится с типичными состояниями духовной жизни*, то это не ортодоксия (догматика), а ортопраксия (свод нормативных действий и ритуалов), которая наиболее полно воплощена в исламской и иудаистской традициях. В традиции же христианской ортопраксия имеет место только в богослужбной церковной практике.

Наконец, необоснованно в ряд **духовных** переживаний поставлено *чувство «ранга»*, хотя оно вполне уместно в ряду **душевных** переживаний – как ценностная ориентация человека в социуме, выполняющая регулятивную функцию.

Представляется, что описание религиозной речи в академическом учебнике должно быть **надконфессиональным**, что диктует необходимость определить общие для всех конфессий (по крайней мере – для монотеистических) экстралингвистические факторы, имеющие широкую область применения.

Как известно, в функциональной стилистике одним из базовых стилиобразующих факторов признается форма общественного сознания (искусство, наука, право, идеология и др.). Напомним, что первым идею о «формах духа» выдвинул Гегель; затем она получила отражение в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и работах В.И. Ленина. Окончательно теория дифференциации форм общественного сознания, соответствующая марксистскому

догмату о базисе и надстройке, в идейно-политический оборот была введена А.А. Богдановым. Подчеркнем, что взгляд на общество, в котором религии отводится место культурной надстройки отдельно от морали (!), отражает сугубо атеистическое мировоззрение. По представлениям идеологов марксизма-ленинизма дифференциация общественного сознания произошла на этапе перехода от первобытного строя к кровнородственной общине.

Авторы учебника утверждают: *рассматривая веру и религию в качестве экстралингвистической основы этого стиля, мы должны интерпретировать их с позиций не атеистического, а религиозного сознания, так как именно последнее воплощается в религиозных текстах, определяя их специфические стилевые черты* [Кожина 2008: 412–413]. В этом, на наш взгляд, заключается главное методологическое противоречие рассматриваемого подхода. Какой концепции придерживаются авторы учебника: креационизма или эволюционной теории?

В соответствии с догматами трех мировых религий – христианства, ислама, иудаизма, история человечества началась с божественного сверхчувственного откровения, когда знание о Боге как Творце априори присутствовало в сознании человека. Дальнейшее развитие общественных отношений, отраженное в Библии, – это лишь история поиска равного диалога человека со своим Создателем. Если для других функциональных стилей их обусловленность соответствующими формами общественного сознания объясняет стилистическое своеобразие речи, то специфика РС нуждается в ином объяснении, поскольку относительное (форма общественного сознания) не может быть причиной безусловного – религиозного чувства единения с Создателем. С учетом сказанного приходится делать выбор: либо исключать при анализе РС фактор религиозного сознания, переходя на позиции строгого атеизма; либо рассматривать РС адекватно его же системе координат, т.е. через призму религиозного мировоззрения, отказываясь от понятия «форма общественного сознания».

По нашему мнению, важнейшим стилеобразующим фактором РС является **сверхчувственное Божественное откровение**. Это первый вывод.

Конструктивный принцип РС соотносится с общим началом всех религий. Таким общим началом выступает **написанный закон** – истина, преподанная свыше. Для христиан это Библия; для представителей иудаизма – Тора; для мусульман – Коран; в индуизме священными текстами считаются Веды; в буддизме – собрание книг под названием Трипитака.

Библия – универсальная книга, включающая священные тексты двух мировых религий (христианства и иудаизма), – как и священная для мусульман книга Коран, состоит из текстов, написанных, по мнению представителей этих конфессий, под влиянием Божественного вмешательства. Две тысячи лет назад появилось новое учение – христианство, которое также было принесено Божественным Лицом и зафиксировано текстуально, получив название Благая Весть, или Евангелие, или Новый Завет. Тексты трех священных книг стали основой для вероисповедания и богослужений. На службах в мечети и на личной молитве у мусульман (намаз) читаются стихи (суры) из Корана. Еврейское богослу-

жение состоит из чтения текстов Ветхого Завета (псалмы, пророки, Моисеево Пятикнижие – Тора). Протестантское богослужение состоит из пения псалмов и чтения Евангелия. В богослужениях католическом и православном используются аутентичные тексты обоих Заветов, ставшие источниками для богослужебной гимнографии.

Православное богослужение – это сложная взаимопроникающая и взаимозависимая система песнопений, молитв и чтений, составленная из текстов Священного Писания и по его сюжетам. Логика богослужения имеет циклическую структуру, основанную на трех кругах: суточном, недельном и годовом. Их единым литургическим центром является празднование Пасхи. Богослужение идет по строго определенной и строго соблюдаемой форме, в ткань которой в особом, определяемом Уставом порядке вплетаются соответствующие песнопения. Именно корпус богослужебных книг вместе с библейскими и евангельскими текстами в течение столетий являлся догматической основой веры.

Священные тексты разных религий стали литературной основой, источником вдохновения и темой для музыкальных произведений и живописных полотен – это неоспоримый факт. Богословские трактаты апологетов трех монотеистических религий наполняют мировые библиотеки. Священные писания по количеству переводов превосходят светскую литературу. Не будет преувеличением сказать, что огромный пласт мировой культуры имеет в своем основании тектоническую плиту под названием **Священные тексты пяти мировых религий**. На этой же плите стоит корпус книг, производных от канонических текстов: толкования, апологетика, патристика, проповеди и т.д. Исходя из сказанного можно сделать второй вывод: как бы далеко ни отстоял от нас момент обретения священных текстов и какие бы идеи в настоящее время ни владели умами, нужно признать, что стилеобразующей основой РС является **корпус книг, составленный из Священных писаний, богослужебной литературы, апологетической литературы и др.**

Далее рассмотрим религиозную речь в аспекте полевого структурирования. Центром РС христианской направленности, или **структурной единицей первого уровня**, несомненно, является **церковное богослужение**. Казалось бы, билингвизм церковной службы (церковнославянский язык в православной церкви, латынь в католической) должен быть преградой для верного понимания прихожанами смысла богослужения и его мистериальных интенций, однако, как показало время, отнюдь не это явилось главной причиной духовной энтропии и деградации. Тем более что с 1969 г. в католических церквях разрешено вести службу на национальных языках. В русской православной Церкви также есть сторонники перевода службы на русский язык, однако более распространенным является мнение о необходимости сохранения в богослужении церковно-славянского языка как сакрального.

Характер церковной службы у католиков и православных остается центробежным по отношению к верующему сообществу, члены которого по старинке называются «прихожане». Хотя в семантике этого слова отражается приверженность верующего конкретному приходу, в настоящее время в результате

семантического сдвига слово «прихожане» обозначает сообщество людей, стоящих на службе в церкви. Однако свое первичное значение полностью сохранило слово «воцерковленность», т.е. последовательное исполнение традиционных действий и требований как залог спасения: посещение храма в воскресные дни и в праздники, соблюдение постов, посещение исповеди и принятие Причастия – все то, что составляет содержание ортопраксии. Требования ортопраксии прежде всего обуславливают формирование речевой системности религиозного общения вне стен церкви. Другим значимым экстралингвистическим фактором речевой системности РС следует назвать **церковную проповедь с амвона**. Именно к проповеди следует отнести характеристику религиозной речи, представленную в учебнике по стилистике: *архаически-возвышенная тональность речи, которая определяется возвышенностью религиозных мыслей, чувств, ценностных установок, которые предполагают использование соответствующих им своей стилистической окраской языковых средств – прежде всего церковнославянизмов* [Кожина 2008: 415].

В то же время не вполне ясно, что понимают авторы под «архаикой». Возвышенная тональность может иметь оттенок патетики, торжественности, высокопарности, даже экзальтации, но никак не архаики. Использование церковнославянизмов на проповеди с амвона давно не приветствуется, так как законы гомилетики требуют, чтобы проповедь была понятна, смысл доступен, тема ясна. Использование церковнославянизмов во время проповеди, даже с амвона, выглядит неуместно, деланно и ненатурально, лишь затемняя смысл проповеди. Если и находятся среди православных священнослужителей любители архаики, то это отнюдь не норма. Думается, что приведенные в учебнике примеры (*любящий Отец, очистит от грехов, нашего ради спасения, чудо творения Божия, сходит с небес, путь искуса и испытаний, стал Жертвой за нас* и др.) [Кожина 2008: 415] не соответствуют определению архаики.

Протестантское богослужение в традиционных направлениях – лютеранстве, англиканстве и кальвинизме – ведется на родном языке прихожан, но, несмотря на свою аскетичную строгость, сохраняет признаки церковного богослужения и, соответственно, носит название «служба». Характер протестантской проповеди обусловлен особенностями вероучительной традиции и богослужения, в котором отсутствуют тексты Ветхого Завета. В связи с этим метафоры, аллегории и символы, связанные с ветхозаветной тематикой, исключены из проповеднического текста. Речевой строй протестантской церковной проповеди характеризуется актуальной нормативностью, строгостью и прагматизмом. На русскоязычных службах в проповеди отсутствуют специальные номинации типа «Господь Бог», «смирение», «упование» и др. Содержанию и тональности речи чужды покаянный настрой, чувство греховности, как и чувство умиления и катарсиса. Слова и выражения, которые входят в речевую практику православных даже в бытовой жизни, исключены из лексикона протестантов в силу совершенно иного мировоззрения последних. Не углубляясь в этот вопрос, сошлемся на работу немецкого философа и историка Макса Вебера (1864–

1920), в которой автор убедительно доказывает, что именно протестантское мировоззрение способствует развитию «духа капитализма» [Вебер 1990].

Большинство течений протестантизма не имеют строгой формы богослужения и именуется собраниями, на которых читают Евангелие, ведут беседы, произносят спонтанные проповеди и поют духовные песни, подобные русским кантам. Здесь центробежный характер религиозного объединения перверсирует в центростремительный, когда представители религиозного сообщества объединяются в замкнутый, локально организованный социум, в котором действует своя вербальная система.

На этом этапе рассуждений сделаем следующий вывод: поскольку догматические и вероучительные особенности разных конфессий препятствуют их объединению, из названия стиля необходимо исключить слово «церковный». Рассматриваемую речевую разновидность целесообразно именовать не **церковно-религиозным**, а **религиозным функциональным стилем**.

Центральным жанром РС несомненно является церковная проповедь с амвона или с кафедры. Чем талантливей проповедник, тем большее влияние он может оказать на слушающих. Идеальный пример проповедника – Иоанн Златоуст (в католической традиции – Иоанн Хризостом), архиепископ Константинопольский, богослов и проповедник IV века. Однако считаем необходимым обратить внимание на важную, но не учтенную в описании РС разновидность проповеди – **миссионерскую проповедь**. Этот периферийный жанр церковно-религиозного словесного творчества отнюдь не тождествен проповеди с амвона или проповеди вне церковного здания, но перед сообществом верующих. В миссионерской проповеди не используются описанные в учебнике речевые приемы. В частности, в ней неуместны ни возвышенный тон речи, ни аллегории, которые бы направляли ум слушателя в область священной истории и святых образов. Скорее всего, в миссионерской проповеди будут лишними метафоры, символические обороты и общая оценочность речи с эмоциональной акцентированностью, – словом, все то, что непременно должно использоваться в проповеди перед верными адептами. Кроме того, миссионерские проповеди существенно различаются в зависимости от фактора адресата. Так, ярким примером миссионерской проповеди перед атеистами является книга протоиерея Валентина Свенцицкого (1881–1931) «Диалоги», написанная в начале прошлого века [Свенцицкий 2017]. Эта книга, как явствует из названия, построена в форме диалога неверующего с православным священником. В ходе диалога изъясняются основы христианской веры. Показательно, что проповедник, начиная диалог со своим скептически настроенным собеседником, намеренно исключает из речи языковые единицы, типичные для речи верующего человека.

С нашей точки зрения, различия в культурных и мировоззренческих основаниях религиозных конфессий обуславливают необходимость разработки новой лингвостилистической модели религиозной речи. В рамках такой модели целесообразно выделить **религиозный макростиль**, абстрагированный от конфессиональных особенностей, обусловленный «сильнодействующими» стилеобразующими факторами и характеризующийся инвариантными стилевыми

чертами. Религиозный макростиль должен быть конкретизирован посредством **конфессиональных субстилей**, которые, в свою очередь, имеют разветвленную структуру, обусловленную наличием различных социальных групп.

В заключение подчеркнем, что мы попытались выявить некоторые белые пятна в стилистике религиозной речи как наименее исследованной функциональной разновидности русского литературного языка и обозначить проблемы, требующие решения на новом уровне развития речеведения.

Список литературы

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 43–271.

Карташев А. В. Вселенские Соборы. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. 680 с.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Кураев А. В. Традиция, Догмат, Обряд. Апологетический очерк. М. – Клин: Изд-во Братства Святителя Тихона, 1995. 413 с.

Осинов А. И. Путь разума в поисках истины. 6-е изд., испр. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 494 с.

Свенцицкий В. Диалоги. М.: Отчий дом, 2017. 363 с.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

F.G. Kurenkov

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

EXTRALINGUISTIC FOUNDATIONS OF RELIGIOUS STYLE

The article considers the usage of new approach to the analysis of religious speech and to the definition of the style-forming factors of religious functional style. New approach takes into account confessional differences. Argue with the authors of "Stylistics of the Russian Language" textbook (Moscow: Flinta: Nauka, 2008), we propose excluding the "church-" component from the style's name and supplement the set of extralinguistic factors with supersensible Divine revelation and the corpus of Holy Scriptures and liturgical texts. Particular attention is paid to the varieties of sermon as the main genre of religious speech. The development of religious style model in accordance with the characteristics of various religious groups is offered.

Key words: functional style; religious style; the extralinguistic factors of religious speech; sermon.

Екатерина Валерьевна Сильчина
студент филологического факультета
Казахстанский филиал
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
katerinka_1100@mail.ru

НЕОЛОГИЗМЫ «СЛОВО ГОДА» – 2019: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье на материале рейтинговых списков социолингвистического проекта «Слово года» – 2019», фиксирующих через язык отношение общества к значимым событиям года, описываются некоторые неологические процессы в лексике русского языка. Отмечаются наиболее продуктивные способы словообразования авторских неологизмов. На примере ряда протологизмов показаны принципы создания новых слов, охарактеризована тематическая база современных неологизмов.

Ключевые слова: «Слово года»; неологизм; протологизм; окказионализм; словообразование.

Словарный состав языка непрерывно развивается. С деактуализацией устаревших явлений и понятий из активного употребления уходят ранее частотные слова. Однако с появлением новых понятий лексический состав языка пополняется новыми словами. Неология – молодая наука, изучающая возникновение и использование новых единиц языка и речи. Неологизм – одно из основных понятий неологии. Общепринятым можно считать определение этого термина, представленное в словаре лингвистических терминов: «Неологизм – новое слово или новое значение и форма уже существующего слова» [Жеребило 2010: 216]. В имеющихся в научной литературе дефинициях неологизма подчеркиваются некоторые его характерологические особенности, такие, например, как свежесть и необычность новых слов [Баш 2012], их закреплённость в обществе [Мельник, Штехман 2015]. В настоящей работе понятие «неологизм» используется в качестве синонима к понятию «новое слово».

В рамках обсуждения неологической проблематики, как правило, рассматривается соотношение узуальных и неuzuальных слов. По общему определению, узуальными называются такие слова, которые были созданы по действующим словообразовательным законам данного языка. При образовании неuzuальных слов эти законы определенным образом нарушаются.

Среди неuzuальных лексем особое место занимают окказионализмы. Обобщив различные подходы к этому понятию, мы принимаем за окказионализмы слова, которые образованы по модифицированным продуктивным словообразовательным моделям языка. Кроме того, для окказиональных слов особенно важным является контекст, в пределах которого они создаются и употребляются.

В центре нашего внимания окказиональная лексика, представленная в словниках проекта «Слово года», который был основан в 2007 г. М.Н. Эпштейном. На протяжении 13 лет коллектив писателей, филологов, культурологов, педагогов и журналистов проводит отбор ключевых слов совместно с пользователями социальной сети Facebook. По итогам профессионального отбора и народного голосования объявляются победители в нескольких номинациях: «Выражение года», «Неологизм года», «Антиязык» и «Протологизм года».

В качестве материала исследования нами избрана рубрика «Протологизм года», поскольку именно в рамках этого раздела пользователи, реализуя свой лингвокреативный потенциал и словообразовательные возможности русского языка, создают новые слова, ранее не использовавшиеся в языке. Именно такие слова и называют протологизмами.

Лексика проекта «Слова года» – богатейший источник сведений о неологических процессах русского языка на современном этапе развития. Более того, как отмечают исследователи материала этого проекта, «рейтинги “Слова года” отражают лингвокреативный потенциал определенной группы мыслящих, активно рефлексирующих членов российского общества» [Мельник, Кирова 2018: 47]. Так, используя языковую игру, пользователи не только выражают свое мнение относительно того или иного явления, но и находят наиболее яркий, запоминающийся способ словообразования, вербально фиксирующий это явление.

Исследования лингвистов выявили четыре способа, при помощи которых активные пользователи создают новые лексические единицы: сложение и аффиксация, паронимическая аттракция, контаминация, семантическое переосмысление [Мельник, Кирова 2018: 47–48].

Поскольку объем статьи не позволяет рассмотреть все новообразования словника проекта, в работе рассмотрены лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее показательные слова для характеристики неологических процессов в русском языке 2019 г.

Бо-бо-гвардия – слово, занявшее первое место в рубрике «Протологизм года». Так россияне прозвали представителей силовых органов, которые подавали в суд из-за (якобы?) морального и физического ущерба, который им нанесли граждане. Протологизм образован путем сложения: звукоподражательный комплекс *бо-бо*, обычно используемый детьми для указания на боль, прибавили к основе *гвардий-*. Как видим, данный неологизм не только является отголоском социально-политической ситуации в современной России, но и выражает отношения его автора к ней.

Фейсдельничать – бездельничать, сидя в социальной сети Facebook. Неологизм занял третье место в 2019 г. в рубрике «Протологизм года». В отличие от многих слов рейтингового списка, *фейсдельничать* имеет под собой во все не политическую подоплеку, а социально-бытовые реалии граждан. За основное слово было взято *бездельничать*: подменили мотивацию, заменив приставку *без-* на схожий по звучанию корень *фейс-*, и получилось новое слово с

народной этимологией. Способ словообразования – паронимическая аттракция. Данный протологизм является примером того, как смысл, выражаемый целой фразой, можно передать одним словом.

Подобная потребность общества задействовать как можно меньше знаков для передачи того или иного смысла находит объяснение в законе экономии речевых усилий. Именно он и является одним из действующих рычагов для создания новых слов в рамках социолингвистического проекта. Окказионализм хорош и тем, что имеет минимальные звуковые отличия от исходного слова *бездельничать*. Такие звуковые схожести отлично принимаются пользователями: звучание лексемы легко ложится на слух и запоминается.

Кликаньки-лайканьки – выражение, построенное путем паронимической аттракции на основе знакомого нам *хиханьки-хаханьки*. Слово появилось на бытовой основе в результате языковой игры. Автор протологизма определяет слово как «зависание» в социальных сетях. Подобная лексема является примером креативного выражения уже существующего в языке обозначения для действия, которое ежедневно выполняется миллионами пользователей сети Интернет. Данный пример указывает на то, что предлагаемые для рассмотрения в рамках конкурса слова могут быть не только обозначением новой реалии как следствие действия закона экономии речевых усилий, но и способом креативного обозначения понятий, для которых в языке уже имеются номинации.

Рукавычки – жест обозначения кавычек руками. Протологизм образован путем контаминации: наложением конца слова *рука* на начало слова *кавычки*. *Рукавычки* – пример того, как новое слово, возникшее на бытовой основе, обозначает понятие, для которого ранее в языке не существовало обозначения. Более того, окказионализм можно рассмотреть и с точки зрения паронимической аттракции. Нетрудно уловить созвучие обсуждаемого слова с уже существующим *рукавички*, ведь лексемы отличаются всего одним звуком. Как представляется, именно такого своеобразного «двойного толкования» происхождения слова и добивался автор, придумывая протологизм.

Впылингвы – одно из ярких новообразований, предложенных к рассмотрению в 2019 г., которое обозначает «мертвые» языки, практически не используемые людьми в коммуникации. Протологизм объединил в себе предложно-падежное сочетание *в пыли*, означающее факт долгого неиспользования, и основу *лингв-*. Данные части соединились в единое слово при помощи частичного наложения в звуковом сочетании [л'и]. Этот пример демонстрирует все основные условия языковой игры: слово обозначает довольно частотное понятие, не содержит труднопроизносимых сочетаний, легко воспринимается окружающими, содержит добрую иронию, не оскорбляющую чьи-либо чувства.

Зеркалопентятель – человек, который винит во всех грехах свое отражение в зеркале. Слово образовано сложносуффиксальным способом. Основы *зеркал-* и *пентят-* соединились при помощи интерфикса *-о-*. К полученному сочетанию добавлен продуктивный суффикс действующего лица *-тель*. Подобный суффикс встречается во многих русских словах: любитель, зритель, спасатель, испытатель и другие. Впрочем, и сама модель «глагол + существительное в В.п. +

суффикс *-тель*» является продуктивной в русском языке (градостроитель, автолюбитель, грузоотправитель и др.). Этот факт свидетельствует о том, что пользователи для создания слов часто используют продуктивные словообразовательные модели, обеспечивающие окказионализму благозвучие и легкое запоминание, а это, в свою очередь, повышает шансы нового слова войти в более широкий обиход.

Отпобедать – отпраздновать победу за столом. Данный протологизм можно рассмотреть с точки зрения разных способов словообразования. С одной стороны, мы имеем дело с паронимической аттракцией, в основу которой легло привычное нам слово *отобедать*. С точки зрения фонетики, два слова отличаются лишь одним звуком, что делает неологизм легко запоминающимся и благозвучным. С другой стороны, представляется возможным увидеть в новообразовании безинтерфиксное сложение двух частей с предшествующим морфонологическим процессом усечения. От взятого за основу словосочетания *отпраздновать победу* остается лишь приставка *от-* первого слова, к которой прибавляется основа *побед-*, осложняемая глагольным суффиксом *-а-* и формообразовательным суффиксом инфинитива *-ть*.

Таким образом, представленные в словниках конкурса «Слово года» некоторые новообразования могут быть осмыслены с учетом и двоякого толкования способа образования протологизма.

Текстпсихора – муза редактора/автора текста. Протологизм был образован при помощи паронимической аттракции. В качестве производящей основы выступило слово *Терпсихора* – муза танца в древнегреческом мире. Однако, на наш взгляд, в данном слове не соблюдено наиболее важное правило языковой игры – благозвучие. Дело в том, что при подмене мотивации один дрожащий звук был заменен на сочетание из трех звуков (смычный + щелевой + смычный). Проблем бы не возникло, так как русский язык имеет множество примеров с тремя согласными подряд, но за ними в анализируемом слове следует еще два согласных звука: смычный + щелевой. Итого, подряд стоят пять шумных согласных звуков. Это, как нам кажется, может препятствовать вхождению слова в лексикон. Тем не менее, слово было выставлено на голосование, так как набрало достаточное количество одобрительных оценок, что свидетельствует о субъективности подхода к выбору слов для голосования в рамках интернет-проекта. Отметим, что непосредственно на голосование слово поступает анонимно, автор фигурирует лишь тогда, когда предлагает слово в группе.

Иуда-сыскарлот – псевдопатриот. В качестве смысловой основы для данного протологизма выступает имя собственное – *Иуда Искариот*. Для того чтобы передача информации не обернулась коммуникативной неудачей, необходимы определенные знания в области христианской культуры. Это касается не только рассматриваемого неологизма, но и большинства предлагаемых слов. Не вызывает сомнения, что чем разнообразнее фоновые знания, используемые при создании нового слова, тем креативнее получается лексема. Еще одной очевидной основой слова является корень *сыск-*. С точки зрения фонетики он

отличается от начала первой основы *иск-* всего двумя звуками. Такие небольшие отличия, как отмечалось ранее, благотворно влияют на восприятие слова.

Легибитимность – толерантность по отношению к представителям ЛГБТ-сообщества. Смысловой основой данного протологизма явилась аббревиатура, произношение которой звучит как [элгэбэтэ]. В новом же слове, под влиянием второй смысловой основы *легибитимность*, звучание изменилось на [л'ег'иб'ит'и], однако все согласные звуки остались на своих местах, а вставочный элемент [б'и] явился результатом уже противоположного влияния. Итак, новое слово – результат взаимовлияния двух смысловых основ. Способ создания нового слова – паронимическая аттракция во всем своем проявлении.

Проведенный анализ ряда протологизмов социолингвистического проекта «Слово года» за 2019 г. позволил сделать следующие выводы.

По наблюдениям исследователей, тематической доминантой для российского общества всегда является политика [Цонева 2015], однако раздел «Протологизм года» содержит большое количество слов, образованных в рамках бытовой, социальной, интернет-среды, то есть выбор сферы, в пределах которой происходит создание нового слова, остается исключительно за автором протологизма.

Паронимическая аттракция – один из наиболее активных способов словообразования в интернет-проекте. Именно она позволяет пользователям не просто выразить свое мнение, но и проявить креативность, лингвистическую смекалку.

Были отмечены случаи возможной двойкой трактовки способа образования нового слова, что, на наш взгляд, благоприятно сказывается на его восприятии.

Для того чтобы в процессе языковой игры избежать коммуникативных неудач, необходимо соблюдать ряд условий: новое слово не должно содержать сложно произносимых звукосочетаний и оскорблять чувства пользователей, но должно иметь под собой культурную основу, известную всем участникам коммуникации. Стоит отметить, что для более адекватного понимания значения слова, во избежание коммуникативных неудач авторы протологизмов подкрепляют новые слова примерами использования, что, безусловно, облегчает задачу пользователям.

Таким образом, подобные социолингвистические проекты необходимы для фиксации актуальных слов в языке, которые характеризуют внеязыковую действительность общества в определенный период. Они являются источником для наблюдения за неологическими процессами в современном русском языке, демонстрирующими лингвокреативный потенциал носителей языка.

Список литературы

Баиш Л.М. Неологизмы // Большая советская энциклопедия. 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2022197.html> (Дата обращения: 19.02.2020).

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

Мельник Ю.А., Кирова А.В. Креативизация лексикона русского языка новейшего времени: «Слово года» // Нефилология. Т.4, № 16, 2018. С. 46–53.

Мельник Ю.А., Штехман Е.А. К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике // Современные проблемы науки и образования, 2015. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=21100> (Дата обращения: 23.03.2020).

Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // Studia Russico Slovaca: Universitas Catholica Rosenbergensis, 2015. С. 30–38.

Ye.V. Silchina

Student of Philological Faculty
The Kazakh branch of the MSU

NEOLOGOSMS OF “THE WORD OF THE YEAR” – 2019: WORD-BUILDING ASPECT

The article describes certain neological processes in the lexis of the Russian language. The material for the research is the ranked lists of words taken from the sociolinguistic Internet-project “Word of the year” – 2019. These words reflect the most important events of the year. On the example of protologisms the author represents the principles of creating new words and defines the thematic basis of contemporary neologisms.

Key words: «Word of the year»; neologism; protologism; occasional word; word formation.

Чэн Цзяоцзяо
аспирант филологического факультета
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
achengjiaojiao@gmail.com

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ОЧЕРКАХ В.М. ПЕСКОВА

В статье рассматриваются особенности экспликации категории времени в очерках. Материалом для анализа являются работы В.М. Пескова, опубликованные в газете «Комсомольская правда». В статье охарактеризована специфика объективного, концептуального и субъективного времени. При экспликации категории времени автор использует прямые и косвенные временные указатели, также для того, чтобы лучше организовать временную категорию в соответствии с целеустановкой очеркиста, в жанре очерка используются приемы ретроспекции и проспекции.

Ключевые слова: категория времени; жанр; очерк; В.М. Песков; темпоральные указатели

Время – это универсальное свойство всего материального мира, оно является необходимым условием существования мира явлений. Категория времени является одной из ведущих категорий в современной лингвистике текста, изучение которого имеет большое значение, так как «текст как отражение определённого фрагмента действительности и определённой ситуации общения также не может существовать вне данных свойств» [Матвеева 1991: 29]. Категория времени (темпоральность), «текстовая категория, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением» [СЭСРЯ 2006: 536].

Согласно философской интерпретации, категория времени делится на «время реальное (однонаправленное, непрерывное, равномерное, необратимое) и перцептуальное (время в его субъективном восприятии, что приводит к значительному изменению реальной картины в человеческом сознании: ускорению и замедлению времени, его неоднонаправленности, дискретности и т.д.)» [СЭСРЯ 2006: 537]. Применительно к тексту, категория времени делится на два типа: 1) объективное время, которое адекватно отражает реальное время (историческое, эмпирическое, календарное); 2) концептуальное время, «под которым понимается отражение реального времени на уровне идеальных сущностей, выведенная на базе анализа реальность» [Матвеева 1991: 30]; 3) субъективное время, которое передает темпоральный смысл на основе существенных изменений модели объективного времени в сознании личности.

Объектом нашего исследования являются очерки В.М. Пескова. Прежде всего обратимся к определению жанра очерка, который является одним из ведущих жанров публицистики. «Очерк – художественно-публицистический жанр, в котором соединяется документализм (опора на реальные жизненные

факты), аналитизм (исследовательское начало) и художественная форма текста» [Матвеева 2003: 214–215]. Наиболее репрезентативными являются очерки В.М. Пескова, так как Василий Михайлович Песков самый известный в советское время фотокорреспондент, путешественник, писатель и журналист, его очерки, посвященные природе и человеку, в течение ряда десятилетий печатались в газете «Комсомольская правда» и до сих пор не потеряли свою актуальность.

Целью настоящего исследования является изучение категории времени в жанре очерка. Методом исследования является категориально-текстовый анализ [Матвеева 1990].

Каждый жанр речи имеет свою типичную темпоральную организацию текста. Организация текстового времени в очерке тесно связана с целеустановкой очеркиста, о чем он хочет информировать, на что воздействовать. Обратимся к результатам анализа категории времени в очерках В.М. Пескова.

Объективное время, основное в жанре очерка, эксплицируется как через прямые, так и косвенные временные указатели.

В числе прямых временных указателей активно используются слова и словосочетания с темпоральным значением, например, в очерке «Речка моего детства»: *эти годы в человеческой жизни, тридцать три года назад, за две недели, тогда, годы, в середине семнадцатого века, через полтора года лет, позже, в жаркий день, потом, всё лето, каждый день, минут через двадцать, теперь, однажды, за неделю, однажды утром, лет пятнадцать назад, вечером, на полчаса, через два месяца* [Песков 2003]; в очерке «Чёрно-белая магия»: *давно, этой зимой, третий год, через пять дней, тридцать и сорок лет назад, сегодня, с каждым годом, за долгую его жизнь, завтра* [Песков 2014 в: 8–9].

Нередко используются числительные датировки, которые являются общеупотребительными прямыми временными показателями, чтобы чётко показать, когда произошло событие, например, в очерке «Речка моего детства»: *В 1943 году в село прислали нового директора МТС; Это всё, что было нам сказано в летнее утро 43-го года* [Песков 2003]; в очерке «Дорога к звездам» автор говорит о герое Юрии Гагарине: *1953 год. Студент техникума; 1954 год. Проба крыльев; Саратовский индустриальный техникум. Выпуск 1955 года; 1956 год. Курсант; храни это чувство для самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Валя; 1958 год. Лётчик* [Песков 2014б: 105–108].

При экспликации объективного времени в жанре очерка также играют важную роль косвенные темпоральные указатели, автор отражает время, описывая известные исторические события или важные жизненные события, например, в очерке «Речка моего детства»: *В этом году праздновали в Воронеже 80-летие молодёжной газеты; Странно, но в школьные годы ничего этого на кроках истории мы не узнали; Свадьба!...Куда поехать, где постоять на память в торжественный день; В войну, помню, в этом погребке солдаты ночью опорожнили кадку с солёными огурцами; Мне было двенадцать лет, как же узнали; В войну трактористами были девушки лет восемнадцать-двадцати; Выбрался он из-за фронта раненый после стычки с немцами маленького, крайне уязвимого в степной местности партизанского отряда; По-*

сле бомбежки у линии фронта он заикался [Песков 2003]; в очерке «Дорога к звездам» о Юрии Гагарина: Весь мир слушает радио, слушает Москву. Весь мир затаил дыхание. Человек в космосе; Известно только – русский, советский; Вот он, мальчишка в коротких штанишках, что есть духу бежит к речке; Вот он среди школьных товарищей, весёлый мальчишка со светлыми вихрами на голове; вот он стоит смущенный, наверно, первый раз надел галстук; Он окончил техникум и курсы аэроклуба; А вот уже птички в петлицах; Личный состав подразделения поздравляет курсанта Юрия Гагарина с первым вылетом на реактивном самолёте; Советский корабль «Восток» совершил благополучную посадку в заданном районе [Песков 2014б: 105–108]

Также в жанре очерка важное место занимают придаточные предложения обстоятельства времени с союзами *когда, то, тогда*, которые являются косвенными временными указателями, при этом автор подчеркивает время и условия, в которые происходят значительный момент, например, в очерке «Речка моего детства»: *На очерк в газете пришло восемь тысяч писем-откликов. Главная мысль в них: «Вы написали не только о своей речки, но и о моей тоже». Я понял тогда: у каждого человека в жизни есть своя речка, и человек помнит о ней, куда бы ни заносила его судьба; Когда познакомились, состоялся разговор-переключка через реку; Занятную картину увидели около речки минут через двадцать, когда пастух угнал стадо в луга; Вспоминая то время, Мария Петровна Лесных пересыпает весёлый свой городок мужскими словами; Это было то самое время, когда все взоры и мысли обращены были на Сталинград, хотя мы тут, не имея ни радио, ни газет, мало что знали о тех событиях [Песков 2003].*

Суммируя вышеизложенное, мы обнаруживаем, что за счет объективно-хронологической оси автор организует повествовательную линию текста, для того чтобы читатель легко понимал последовательность событий.

Однако в очерках хронологическая линия проявляется достаточно неоднозначно, категория времени в очерках В.М. Пескова не всегда соответствует хронологической последовательности событий, например, в очерке «Солнце под кистью»: *хороша минута, когда закончена работа и можно порадоваться делу рук своих → На этом снимке вы видите бригадира маляров Шуру Фроликову → Ей немногим больше двадцати лет, но имя её хорошо знают на стройках города Электростали → Недавно комиссия... пожелали увидеть мастера и сказать ему спасибо: так добротнo и красиво было отделано помещение магазина → Ещё девчонкой не раз она наблюдала, как где-нибудь на пятом этаже, пристроившись в зыбкой люльке, маляры красили стены → И всегда был приятно видеть, как под кистью маляров стены дома становятся нарядными, светлыми, словно на них солнышко брызнуло своими лучами → С этого времени Шура полюбила запах краски и весёлую, праздничную работу маляра → В школе...когда она однажды призналась, что думает стать маляром → Шура стала работать в бригаде маляров, а через год уже была лучшим маляром стройки → В прошлом году её послали учиться в школу мастеров при Харьковском строительном техникуме → За года девушка освоила передовые приёмы труда и увезла домой свидетельство мастера с отличными оценками → Теперь Шура хорошо знает штукатурные и лепные работы, может выполнять*

сложную роспись потолков и стен [Песков 2014а: 20–21]. Автор использует ретроспекцию, которая объединяет «формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [Гальперин 1981: 106]. Мы видим, что время из настоящего перетекает в недавнее, а затем в далекое прошлое (детство Шуры), и опять возвращается к настоящему. Ретроспекция помогает понять читателю, почему героиня стала маляром и как она добилась больших успехов в профессии.

В очерках используется не только ретроспекция, но и проспекция, которые помогают «рассматривать текст с точки зрения прошлого, настоящего и в определенных условиях – будущего» [Гальперин 1981: 107], например, в очерке «Счастье первой тропы»: *Это было в тот год, когда только-только заговорили о стройке у Падуна → Четыре дня назад, я снова встретил Кирилла Трахино → Он теперь отлично говорил по-русски → В тот год кто-то и оставил эту гордую надпись на камне: «Мы были тут первыми» → Всё было первым у этих камней, поседевших от времени, ветров и морозов → Первые следы, первый костёр, первая палатка, первый удар молотка, первый камень, брошенный в воду → Впервые в мире инженеры рискнули перекрывать реку со льда → Впервые экскаваторщик Борис Верецагин с ловкостью акробата разбирает каменные уступы Пурсея – начал сверху и спустился к самой воде → Впервые на земле гидростроители сделали такой большой шаг на север → «Окэй! – сказал недавно немолодой уже американский учёный, осматривая стройку. – Вы делаете чудо! Вы идёте первыми! Весь мир гидростроителей должен у вас учиться... Грандиозно! Ошеломляюще!» → Вот снимок. Он сделан три дня назад с крутого берега Ангары → Как много может сделать человек за четыре года → Как все ЭТО начинается, мы можем проследить и сейчас → Всем уже известно, что это место на карте энергетики давно отметили чёрточкой – тут будет Усть-Илимская ГЭС, гидростанция, по силе равная Братской → «Что там сейчас?» Этот вопрос задают все → Завтра лечу туда → Пять лет подряд каждое утро эта женщина идёт к реке, берёт пробу ангарской воды → Летом мерит скорость течения, размыв берегов, расход воды → Сорок человек исследователей живут в бревенчатом посёлке. А через месяц тут будут жить уже триста гидрологов, топографов, геологов, горных рабочих → После обеда у начальника экспедиции → Вспомнился Братск, клубы пара над стройкой. Когда-то и там стояла тишина и снег был таким же белым → До полуночи мы сидели у радики → Сегодня вечером за новогодним столом вспомним, друзья, о тех, кто встречает ночь у таёжного костра, кто прокладывает первую тропу для больших дорог [Песков 2014 б: 12-14]. Мы видим, что ретроспекция и проспекция переплетены в данном очерке: стоя у Падуна, автор увидел большую стройку, услышал шум и вспомнил то, что увидел, когда впервые приехал сюда четыре года назад: сосны, березы, лиственницы мелькают по сторонам, тишина. В то же время автор смотрит в будущее: гигантская плотина, грандиозная гидростанция. Ретроспекция помогает автору поделиться разными ощущениями, которые он испытывал? у нынешнего и прошлого Падуна; проспекция выражает взгляд автора на обширный проект по строительству гидростанции и восхищение развитием мощной промышленности. Таким образом,*

ретроспекция и проспекция предполагают целенаправленное действие со стороны автора. Важно отметить, что в очерках В.М. Пескова, кроме объективного времени, присутствует еще и концептуальное время. Так, в очерке «Речка моего детства» герой обращается к событиям из прошлого, вспоминает детство, которое осознается им как ценность: *Возраст нас тянет в родные места, туда, где прожито было детство. Эти годы в человеческой жизни самые памятные. Не случайно сказано: все мы родом из детства* [Песков 2003]. Детство становится точкой отсчета на шкале концептуального времени, события из прошлого осмысливаются героем на новом уровне, ретроспективный взгляд помогает представить феномен детства как особый мир.

Также в жанре очерка существует субъективное время, автор выражает свое понимание и ощущение при экспликации времени, например, в очерке «Речка моего детства»: *Детство – такое близкое и такое далёкое* [Песков 2003], детство давно прошло, но автор помнит о нем так, как будто это было вчера. В очерке «Рыбалка, девятый год» субъективное время появляется при цитировании рыбака Александра Даниловича: *жизнь такая – по мне. Вот только бы лето чуть подлиннее* [Песков 2014в: 102], мы все знаем, что продолжительность лета определяется такими факторами, как география и климат, она не изменяется в зависимости от желания людей, поэтому в данном фрагменте субъективное время четко отражает именно индивидуальное ощущение героя.

Таким образом, объективное, концептуальное и субъективное время одновременно существуют в очерках В.М. Пескова; автор использует прямые и косвенные временные указатели; с целью выражения авторского замысла. В.М. Песков использует приемы ретроспекции и проспекции.

Список литературы

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
- Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
- Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1990, 172 с.
- Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т.1. В соболинском краю. М.: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014а. 160 с.
- Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т.2. С Юрием Гагариным. М.: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014б. 160 с.
- Песков В. М. Полное собрание сочинений. Т.12. Ключи от Волги. М.: Издательский дом «Комсомольская правда», 2014в. 160 с.
- Песков В. М. Речка моего детства // Окно в природу. URL: <https://public.wikireading.ru/10108> (Дата обращения: 22.06.2020).
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка (СЭСРЯ) / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

J. Cheng

Graduate student of the Faculty of Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

CATEGORY OF TIME IN V.M. PESKOV'S ESSAYS

The article discusses the features of category «time» in essays of V.M. Peskov. The material for the analysis is Peskov's essays published in the newspaper Komsomolskaya Pravda. The article describes the specifics of objective, conceptual and subjective time. When explicating the category «time», the author uses direct and indirect temporal pointers which help to better organize the temporary category according to the purpose of the essayist. The essay genre uses the techniques of retrospection and prospection.

Key words: category of time; genre; essay; V. M. Peskov; temporal pointers.

Екатерина Юрьевна Шлыкова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ket-katz@mail.ru

КОЛЛОКАЦИИ В СПЕЦИАЛЬНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА НА МАТЕРИАЛЕ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена изучению употребления терминологических и общеупотребительных коллокаций в текстах трех авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, имеющих лингвистическую тематику и опубликованных в 2018 г. Выборка из каждого автореферата представлена 50 коллокациями, которые дифференцированы на четыре разновидности по отношению к терминосистеме текста. На этом основании выявлена способность коллокаций формировать стилистическую принадлежность текста, а также выражать специфику лингвистической предметной области текстов. Установлено преобладание количества терминообразующих коллокаций.

Ключевые слова: терминологическая коллокация, общеупотребительная коллокация; научный дискурс; специальный дискурс; автореферат; лингвистическая тематика.

С середины XX в. термин «коллокация» стал широко использоваться в англистике, а затем перешел и в мировую лингвистику. В специальном исследовании данных рече-текстовых единиц проф. М.В. Влавацкая определяет данную единицу следующим образом: «*в широком смысле* коллокация – это комбинация из двух или более слов, характерным признаком которых является их “совместная встречаемость” (co-occurrence)» [Влавацкая 2015: 57]. В контексте нашей статьи важным является замечание, высказанное в разделе статьи, посвященном истории вопроса о коллокациях. Замечание относится к тому, что, как утверждается в зарубежной лингвистике, *в узком смысле* этот термин используется преимущественно в корпусной лингвистике и означает последовательность слов, совместная встречаемость которых обоснована статистически, т.е. вместе они встречаются чаще, чем можно ожидать от случайно употребляемых лексических единиц [Влавацкая 2015: 57].

Коллокации в научном дискурсе – сравнительно новое поле для лингвистических исследований. В первую очередь они интересны возможностью эффективного поиска и определения ключевых слов в научных текстах. Коллокации исследованы преимущественно относительно их наличия в языковой системе на стыке синтаксиса и лексикологии, в то же время актуальной задачей является изучение употребления коллокаций в речевой коммуникации, в частности, в разных видах дискурса. Но стоит отметить, что эти проблемы требуют выхода и за пределы отдельных видов дискурса. Являясь полноправным объектом исследования в корпусной лингвистике, коллокации имеют особое значе-

ние также и в сфере переводоведения, так как связность компонентов коллокации (ключевого слова и коллоката) обуславливается, с одной стороны, системой языка, его закономерностями, с другой – речевой культурой его пользователей. Именно поэтому так важно при изучении иностранного языка особое внимание уделять тому, можно ли совместно употреблять те или иные слова. Слух носителя языка всегда чутко улавливает неграмотное употребление языковых единиц, не обладающих грамматической и/или лексической связностью. Например, носители русского языка интуитивно понимают, что не принято говорить «у нее успешная работа» в значении ‘у нее успешная карьера’, а в другом случае можно сказать так: «для успешной работы в программе Word вам потребуется...». Таким образом, в русском языке «успешной» работа может быть лишь как процесс, который в итоге приведет к успеху, а не как факт наличия у человека работы.

Связность языковых единиц можно наблюдать на материале любых текстов, мы же рассмотрим, как функционируют такие единицы в авторефератах диссертаций. Обычно автореферат относят к жанрам специального дискурса в связи с тем, что он кратко излагает основные положения кандидатской диссертации – квалификационной работы. Это стандартизированный научный текст, а потому такие черты, как «стабильность предметной области» или «преобладание информативной функции» [Пивоварова, Ягукова 2010: 1-2], отмеченные исследователями связности языковых единиц в области научного дискурса, приобретают здесь особое, даже гиперболизированное выражение, потому что автореферат является «спрессованным» вариантом объемной диссертационной работы.

Отдельный текст – это начальный материал для исследования коллокаций по сравнению с корпусом текстов, и потому мы не можем использовать термин «коллокация», учитывая лишь одно его значение (широкое или узкое). Именно поэтому мы сосредоточили внимание на коллокациях, как статистически значимых единицах, так и на общеупотребительных коллокациях русского языка.

Целью работы является определение особенностей употребления коллокаций в специальном научном дискурсе.

Актуальность темы определяется неизученностью употребления коллокаций в научном тексте, в частности, в лингвистическом научном тексте.

Объектом исследования является употребление коллокаций в трех авторефератах диссертаций по лингвистике, авторы которых Д.С. Павлова, Б. Млинарова и Ю.Р. Мурсалимова. Чтобы отвлечься от авторской принадлежности текстов, далее будем именовать их соответственно как первый, второй и третий тексты.

Предметом исследования является статистически значимая и естественная сочетаемость компонентов в 50 коллокациях каждого автореферата.

Часть исследуемых коллокаций выделена в результате статистического анализа с помощью программы AntConc, которая автоматически подсчитывает количество употребляемых в тексте словоформ, часть коллокаций выявлена в ходе ознакомления с текстом, учитывая его стилевую и жанровую принадлеж-

ность, а также учтена часть коллокаций, синтаксическая позиция которых замещается фиксированным рядом сходных по семантике слов. Статистическая значимость была определена с помощью меры MI (коэффициент взаимной информации, который «сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми, как если бы слова появлялись в тексте совершенно случайно» [Пивоварова, Ягукова 2010: 4]).

Мы исходим из того, что коллокация состоит из нескольких компонентов: ключевого слова и одного или более коллокатов. Ключевым словом является та лексема, которая играет более значимую роль при создании семантики коллокации. Например, в коллокации *вести борьбу* ключевым словом будет словоформа «борьбу», так как именно она играет ключевую роль при создании семантики «бороться». По нашим наблюдениям, чаще всего ключевым словом является именно синтаксически зависимый компонент коллокации, например, в атрибутивных коллокациях (при структуре «прилагательное + существительное») это всегда прилагательное, ведь чаще всего именно оно дает характеристику существительному, а потому играет ключевую роль в структуре коллокации.

Такая компонентная структура выделяется не случайно. Как правило, коллокации выхватываются из сознания носителя языка согласно описанной выше структуре. Ключевое слово, по сути, определяет, каким будет коллокат или коллокаты; например, мы можем употребить коллокацию *улучшить качество*, но если необходимо сообщить об уровне качества, то скажем «повысить уровень (качества)», с точки зрения русскоговорящего выражение «улучшить уровень» является грубым нарушением языковых норм. Именно таким образом мы определяем, какой глагол стоит употребить со словами «качество» и «уровень».

Данная тенденция легко прослеживается в общеупотребительных коллокациях и, может быть, не столь заметна в терминологических, поскольку они имеют меньшую степень комбинаторной ограниченности [Онал 2019: 82]. Среди терминологических коллокаций И.О. Онал выделяет два типа:

– терминообразующие или терминоформирующие коллокации, которые соотносятся с определенным понятием только при совместном употреблении, фиксируются в словарях, а также приобретают значение в результате суммы значений своих компонентов.

– терминосодержащие коллокации, которые могут содержать в структуре не только термины и не образуют новый термин при совместном употреблении [Онал 2019: 79].

Все выявленные коллокации относительно их принадлежности к типу терминологических мы дифференцировали на четыре группы-разновидности.

Первая разновидность выделяется нами как противоположность терминологических коллокаций – это «нетерминологические коллокации». Такие единицы не имеют прямого отношения к терминосистеме научных текстов, но остаются общеупотребительными и участвуют в формировании стилевой принадлежности текста. К ним относится, например, коллокация *подвести итоги*

из второго текста, это сочетание характерно для научного дискурса в целом. Оно же является общеупотребительным, но не относится к терминологическим коллокациям, поскольку не содержит известный термин и не образует новый. В русском языке есть коллокация, семантически сходная с названной, но имеющая в своем составе другое ключевое слово: *подвести черту*. Данная единица более характерна для художественного стиля или разговорной речи, и, хотя эти коллокации имеют сходную семантику 'подытожить что-то', сложно представить себе научный текст (тем более текст автореферата квалификационной работы), в котором уместно было бы употребить выражение «подведем черту» вместо «подведем итоги». Так в русском языке не принято, потому что в научном стиле есть свои стилистические ограничения.

Следующая разновидность – «терминосодержащие коллокации», в них, как уже было сказано, входят единицы, сумма значений которых не дает нового понятия. Такие коллокации не закреплены в словарях, и в их составе могут быть не только термины. Например, таковыми являются коллокации *процесс актуализации* и *процесс идентификации* из третьего текста, сумма значений их компонентов не дает нового термина, потому что сами лексемы «идентификация» и «актуализация» уже имеют семантику действия или процесса.

Среди терминообразующих коллокаций мы выделили две разновидности. Это связано с тем, что терминообразующие коллокации подразделяются на две категории:

- со средней степенью спаянности компонентов: такие единицы закреплены в словарях и часто образуются с помощью метонимического или метафорического переноса, для них необязательна высокая степень частотности;
- с низкой степенью спаянности компонентов: к ним относятся сочетания компонентов, которые при сумме своих значений дают новый термин [Онал 2019: 79].

Первая группа соответствует средней степени, а вторая – низкой степени спаянности компонентов. В первой группе встречаются такие единицы, как *экстралингвистический фактор*, *коммуникативная лингвистика*, *картина мира*, *диссертационное исследование*, *значение слова* из третьего текста и т.п. Последняя коллокация настолько частотна в тексте, что иногда она употребляется автором с помощью аббревиатуры «ЗС». Все эти коллокации закреплены в словарях, и некоторые из них демонстрируют образование с помощью метафорического и метонимического переноса: например, *ключевое слово* в первом тексте, *служебное слово* – во втором и *языковое сознание* – в третьем тексте.

Во второй группе мы наблюдаем такие единицы, как *функциональное свойство*, *добавочный оттенок*, *минимальный контекст*, *дискурсивный фактор* из второго текста и т.п. Значение этих коллокаций складывается из значения их компонентов, образуя при этом новый термин, не закрепленный в словаре.

В отношении содержания терминологические коллокации полностью отражают предметную область каждого автореферата, что в полной мере недо-

ступно однословным единицам: с усложнением «научного языка» более востребованными при употреблении становятся именно не однословные термины.

В каждом из трех анализируемых текстов преобладают терминообразующие коллокации (см. табл. 1):

Таблица 1

Разновидности коллокаций

Разновидности	Первый текст		Второй текст		Третий текст	
	Кол-во	Примеры	Кол-во	Примеры	Кол-во	Примеры
Терминообразующие коллокации со средней степенью спаянности компонентов	25	<i>Ключевое слово, носитель языка, языковое сознание и т.д.</i>	22	<i>Публицистический стиль, служебное слово, языковая единица и т.д.</i>	18	<i>Значение слова, языковое сознание, картина мира и т.д.</i>
Терминообразующие коллокации с низкой степенью спаянности компонентов	10	<i>Социальный фактор, лексический компонент, семантический компонент и т.д.</i>	12	<i>Дискурсивный фактор, диссертационная работа, функциональное свойство и т.д.</i>	13	<i>Религиозный компонент, диссертационная работа, религиозное значение и т.д.</i>
Терминосодержащие коллокации	10	<i>Сознание говорящего, структура текста, иерархическая структура и т.д.</i>	9	<i>Лингвистическая литература, социальная значимость, функция текста и т.д.</i>	13	<i>Процесс актуализации, процесс идентификации, чувственное восприятие и т.д.</i>
Нетерминологические коллокации	5	<i>Оказывать влияние, занимать положение, занимать место и т.д.</i>	7	<i>Подвести итоги, обладать природой, в значительной мере и т.д.</i>	6	<i>Приобретать значимость, общее количество, общее число и т.д.</i>

В первом тексте их 35 (25 – в первой группе и 10 – во второй), во втором – 34 (22 и 12), а в третьем – 31 (18 и 13). Терминосодержащих коллокаций соответственно 10, 9 и 13, а нетерминологических – 5, 7 и 6. Мы связываем явное преобладание терминообразующих коллокаций с тем, что сам жанр автореферата предполагает использование обширной терминологической базы той предметной области, к которой относится автореферат. И даже тот факт, что диссертационные исследования все-таки предполагают новое научное знание, не уменьшает значения аргументации высокого уровня, основанной на уже закрепленной в науке системе терминов и понятий.

Рассмотрим некоторые общеупотребительные нетерминологические коллокации, характерные для научного дискурса, аналогично вышеописанной коллокации *подвести итоги*. Помимо нее, во втором тексте мы можем наблюдать коллокации *в значительной мере* и *послужить предметом*. Несмотря на то, что они общеупотребительны, все же стоит отметить, что эти единицы в первую очередь характерны не для разговорного стиля речи, а скорее для научного или официально-делового стилей речи.

В первом тексте встречаются две близкие по семантике коллокации с общим коллокатом: *занимать положение* и *занимать место*. Стоит отметить, что при различном употреблении они могут не быть синонимами. Например, когда мы говорим «занимать высокое положение» в значении ‘иметь высокий статус’, с точки зрения русского языка употребление выражения «занимать высокое место» в том же значении будет считаться ошибкой. В нашем случае эти единицы именно синонимичные, так как текст имеет лингвистическую, а не социально значимую тематику. В этом же тексте мы встречаем коллокацию *оказывать влияние*, она сходна с такими общеупотребительными коллокациями, как *оказывать воздействие* или *оказывать давление*. В случае последней единицы, трудно представить условия ее употребления в лингвистическом научном тексте, ведь она больше характерна для естественнонаучных или технических текстов.

В третьем тексте употреблены сходные по семантике коллокации *общее число* и *общее количество*, характерные для современных лингвистических исследований, где большое внимание уделяется количественным показателям. Здесь же мы встречаем и единицу *приобретать значимость*, сходную с другой общеупотребительной коллокацией *приобретать значение*, но не всегда в тексте с лингвистической тематикой они будут выступать как синонимичные, так как ключевое слово («значение») второй единицы может иметь особую семантику: ‘внутреннее содержание какой-либо лексемы’, что уже не позволит обоснованно отнести эту коллокацию к группе нетерминологических коллокаций. Подобное, как правило, не проявляется в текстах с другой предметной областью.

Некоторые особенности лингвистической предметной области можно отметить и в отношении терминологических коллокаций. Например, терминообразующие коллокации *монологический текст* из первого текста и *газетный текст* из второго текста по существу тавтологичны. Уже изначально ясно, что монолог и газета – это тексты, но с точки зрения лингвистики, принципиально важно различать разные типы и виды текстов, ведь они являются одним из основных объектов ее изучения.

Таким образом, мы зафиксировали преобладание терминообразующих коллокаций среди выделенных нами разновидностей. Это связано с тем, что специальный научный дискурс основывается на устоявшейся терминологической базе определенной предметной области. В то же время анализ общеупотребительных нетерминологических коллокаций в каждом из текстов показал, что коллокации способны отражать стилистическую принадлежность текстов к научному дискурсу, а некоторые из них даже могут иметь особую традицию употребления в русском языке, выражающую их специфическое употребление в лингвистической тематике научного текста.

Список литературы

Влавацкая М.В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 56–60.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

Млинова Б. Семантика и функции частиц в современных газетных статьях на русском языке в дискурсивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2018. 18 с.

Мурсалимова Ю.Р. Актуализация религиозного компонента значения слова: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2018. 20 с.

Онал И.О. Терминологические коллокации как объект изучения // Научный диалог. Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2019. № 1. С. 73–87.

Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2018. 19 с.

Пивоварова Л.М., Ягунова Е.В. Извлечение и классификация терминологических коллокаций на материале лингвистических научных текстов (предварительные наблюдения) // Материалы Симпозиума «Терминология и знание» (Москва, 21–22 мая 2010 г.) М., 2010. 13 с. URL: [http://www.webground.su/data/lit/pivovarova_yagunova/Izvlechenie_i_klassifikatsiy_a_terminologicheskikh_kollokatsiy.pdf](http://www.webground.su/data/lit/pivovarova_yagunova/Izvlechenie_i_klassifikatsiya_terminologicheskikh_kollokatsiy.pdf) (Дата обращения: 19.06.2020).

E.Y. Shlykova

Student of Philological Faculty
Perm State University

COLLOCATIONS IN SPECIAL SCIENTIFIC DISCOURSE: EXPERIENCE OF DISCURSIVE ANALYSIS ON THE MATERIAL OF SCIENTIFIC TEXTS

The article discusses the use of terminological and common collocations in the texts of three dissertation abstracts for a candidate of science degree application. All dissertation abstracts are linguistic. Each abstract is represented by 50 collocations which are divided into four groups depending on the terminological system of the text. It was found that collocations are capable of forming stylistic identity of the text, as well as expressing the specificity of the linguistic subject area of texts. Also the predominance of the number of term-forming collocations was established.

Key words: terminological collocation; common collocation; scientific discourse; special discourse; abstract; linguistic theme.

Зоткина Анастасия Сергеевна
студент филологического факультета
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
anastasya.zotckina1998@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц со значением речевого действия на семантическом уровне. Предметом данного фрагмента исследования является микрополе «Способ выражения мыслей и намерений говорящего». В статье рассмотрены фразеологические единицы, характеризующие прямое выражение интенции, в том числе положительное речевое действие, указывающее на высокую степень искренности говорящего, а также уклончивое поведение адресанта, не желающего раскрывать свои мысли и намерения.

Ключевые слова: фразеологическая единица; микрополе; речевая деятельность; речевое поведение; фразеологические эквиваленты; фразеологические аналоги.

Речевая деятельность является основополагающей в жизни человека, поэтому характеристика речевого поведения говорящего представляет собой важный компонент комплексной оценки личности. Особенно ярко и точно это отражается во фразеологии.

В связи с этим целью данного фрагмента исследования является сопоставительный анализ фразеологических единиц (далее ФЕ), описывающих способ выражения мыслей и намерений говорящего (на материале русского и сербского языков). Фактическим материалом послужили «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова и «Сербохорватско-русский фразеологический словарь» О.И. Трофимкиной.

В анализируемом микрополе («Способ выражения мыслей и намерений говорящего») представлены ФЕ, описывающий речевые действия говорящего с точки зрения искренности / неискренности.

Прямое выражение мыслей и намерений характеризуют фразеологизмы-эквиваленты: полные – *в глаза, в лицо (говорить) / у очи, у лице (казати, рећи)* и частичные: *в глаза (говорить, смеяться) / у брк (ус) (говорити, смејати се)*. В сербской ФЕ, в отличие от русской, акцент делается не на глаза, а на другую часть человеческого лица – ус (брк). «В русском языке грамматически тождественный фразеологизм *в бороду смеяться / посмеиваться*, аналогично как и *посмеиваться в усы* имеет иное значение, практически противоположное – незаметно, стараясь скрыть смех» [Маслова 2018: 27]. В сербском языке ему соответствует единица *смејати се испод брка* с иным предлогом.

При замене глагольного компонента *бросать в лицо / у лице бацати* ФЕ становятся более экспрессивными, подчеркивая резкое поведение говорящего, ориентированное на конфликтное взаимодействие: «открыто, прямо говорить что-либо неприятное» [Фёдоров 2008: 48; Трофимкина 2005: 109]. Сравним с предыдущими единицами ФЕ *резать правду в глаза / кресати (скресати) коме истину у очи*. Глагол «резать» еще более экспрессивен, он используется с одним из своих переносных значений «говорить прямо, без обиняков, не стесняясь» [Словарь русского языка 1999]. Так, вышеназванные фразеологизмы с синонимичным значением не являются идентичными, различаясь эмоциональной окраской. Они образуют градационную шкалу: говорить / смеяться – бросать – резать.

Компонент *глаза* в данных ФЕ усиливает значение откровенности, поскольку, глядя собеседнику в глаза, сложно лгать.

В сербском языке представлена единица *дирнути у зеницу ока* с аналогичным значением: говорить прямо, открыто, не стесняясь. Русская ФЕ с таким же компонентом *беречь как зеницу ока* не относится к фразеосемантическому полю «Речевая деятельность».

Фразеологизмы, образующие анализируемое микрополе, могут представлять и положительные речевые действия, указывая на высокую степень искренности и доверия говорящего к адресату: *распахивать / выкладывать душу и отварати душу (пред ким)*.

Фразеологизмы с глагольными компонентами *раскрывать, развертывать, распахивать* акцентируют процесс раскрытия, обнажения сокровенных человеческих тайн. В их значении доминирует сема откровенности, объектом которой становится сам говорящий.

В сербском языке есть ФЕ с синонимичной семантикой *казати / рећи / судити по души*: «сказать, говорить что-то как есть, искренне, правдиво» [Штрбац 2009: 128]

Аналогами в русском языке являются ФЕ *раскрывать сердце, раскрывать себя*. Сердце, как и душа, олицетворяет всё самое сокровенное в человеке, поэтому раскрыть и показать их собеседнику – высшая степень открытости говорящего.

Компонент *сердце* входит в сербский фразеологизм со схожим значением *говорити (коме) из срца*: «говорить кому-то о том, что ему дорого» [Штрбац 2009: 128]. Однако в толковании единицы не актуализируется сема открытого речевого поведения, а лишь дается указание на сокровенность сообщаемого.

Открытое сообщение правды обозначают фразеологизмы-аналоги: *называть вещи своими именами / рећи бобу боб, а попу поп (рећи попу поп, а бобу боб)*. В отличие от русского фразеологизма с прозрачной семантикой, смысл сербской ФЕ не лежит на поверхности. В словаре О.И. Трофимкиной толкование данной единицы представлено посредством русского фразеологизма [Трофимкина 2005: 17]: *Рећи бобу боб, а попу поп // Рећи попу поп, а бобу боб – открыто сказать правду, назвать своим именем*.

Степень доступности информации повышается, когда расширяется круг тех, кому она адресована. Это фиксируют ФЕ *кричать на всех перекрёстках / на сва уста (причати, говорити о коме, чему)*. Значение масштабной аудитории подчеркивается с помощью определительного местоимения «весь» (*на всех перекрёстках – на сва уста*).

На сва уста [причати, говорити] о коме, чему – открыто, во всеуслышание, всем (говорить о ком-н., чем-н.) [Трофимкина 2005: 200] – *Кричать на всех перекрёстках – повсюду и всем говорить о чём-либо, ничего не скрывая* [Фёдоров 2008: 322].

Прямоту выражения интенции эксплицируют и адвербиальные единицы со сходным значением *открытым текстом* и *во всеуслышание* (ФЕ синонимична предыдущим фразеологизмам). Причем, если в последней внимание акцентируется на охвате слушающих «громогласно, открыто, для всеобщего сведения (провозглашать, объявлять и т.п. что-либо)» [Фёдоров 2008: 322], то первая вносит уточнение «без обиняков, намёков» [Фёдоров 2008: 200].

В антонимичные отношения с рассмотренными ФЕ вступают фразеологизмы-аналоги, характеризующие намеренно уклончивое поведение говорящего: *вокруг да около / завијати куке на седморо* – «не говорить прямо, уклоняться от прямого ответа; не касаясь сути дела, не говоря главного» [Фёдоров 2008: 87; Трофимкина 2005: 102]. Сербская ФЕ не имеет эквивалента в русском языке. Частично в качестве семантического аналога в русском языке можно рассмотреть фразеологизм *говорить обиняками* – «говорить двусмысленно, пытаюсь скрыть что-либо» [Фёдоров 2008: 141]. Смыслообразующим здесь является компонент *обиняк*, означающий намек, недоговоренность, иносказание.

Однако эти фразеологизмы не содержат семы намеренного нежелания говорить о сути дела, что отражено в синонимичной сербской ФЕ *заобилазити (вртети се) као киша око Крагујевца* – «говорить о чем угодно, только не о том, что нужно, важно; намеренно избегать разговора о важном» [Трофимкина 2005: 89].

В состав данного фразеологизма, который также не имеет в русском языке эквивалента, входит имя собственное *Крагујевац*. Это название города в Сербии. Особенность его в том, что дожди там – очень редкое явление, они как бы вертятся вокруг города, но не останавливаются в нем. Данный лингвокультурологический комментарий важен для семантизации сербской ФЕ: как дождь не проливается в городе, так и говорящий уклоняется от разговора.

В русском языке есть фразеологизм, содержащий характеристику человека: *своё на уме/себе на уме* – *о человеке, который не высказывает своего мнения, замысла и т.п., держит их в тайне* [Фёдоров 2008: 603]. Компонент «ум» здесь употреблен не в значении качества человека, а как сознание, рассудок.

Итак, отметим, что проанализированные ФЕ являются компонентом фразеосемантического поля «Речевая деятельность», которое структурируется рядом микрополей, выражающих присущую языковому сознанию носителей славянских языков систему представлений о речевой деятельности. Открытое выражение мыслей и намерений и в русском, и в сербском языке репрезентирует-

ся через самые сокровенные составляющие человека – душу и глаза. Очевидно сходство в языковой картине мира русского и сербского народов. Наличие фразеологических эквивалентов и аналогов позволяет выделить общие черты в восприятии славянскими народами речевой деятельности человека. Однако в анализируемом микрополе есть и безэквивалентные единицы, что свидетельствует о национальном своеобразии языковой картины мира.

Список литературы

Маслова А. Ю. Особенности репрезентации фразеосемантического поля «речевая деятельность» (на материале славянских языков) // Сборник Матице Српске за славистику, 2018. № 94. С. 23–38.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Дата обращения: 04.07.2019).

Трофимкина О. И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: ООО «Восток-Запад», 2005. 229 с.

Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц . 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.

Штрбац Г. Фразеологизми са значењем радње говорења / Сборник Матице српске за филологију и лингвистику, 2009. Књ. 52/2. С. 123–135.

A.S. Zotkina

Student of Philological Faculty

Ogarev National Research Mordovian State University

PHRASEOLOGICAL CHARACTERISTIC OF A SPEAKER'S SPEECH BEHAVIOR (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES)

The article is devoted to the comparative analysis of phraseological units the semantics of which reflects a speech action. The research subject is the semantic microfield called "The way of expressing the speaker's thoughts and intentions". The article considers phraseological units that characterize the direct expression of the speaker's intention including positive speech action indicating a high degree of sincerity of the speaker, as well as evasive speaker's behavior who does not want to disclose his thoughts and intentions.

Keywords: phraseological unit; micro-field; speech activity; speech behavior; phraseological equivalents; phraseological analogues.

Елена Сергеевна Кочкина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
lena.kochkina.98@list.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО КОНТРОЛЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ БИЛИНГВОВ ПО МЕТОДУ СЛОВЕСНО-ЦВЕТОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

В статье предложен анализ особенностей когнитивного контроля билингвальной и монолингвальной групп – носителей русского и коми-пермяцкого языков в возрасте от 17 до 20 лет. В качестве метода исследования применялся метод словесно-цветовой интерференции – метод Струпа. По результатам исследования выдвигается предположение о том, что когнитивные преимущества билингвов над монолингвами могут быть обусловлены повышенной гибкостью когнитивных процессов, которые отвечают за более высокую скорость обучения новым видам деятельности.

Ключевые слова: психолингвистика; билингвизм; естественный билингвизм; метод Струпа; когнитивный контроль.

Термином «билингвизм» обозначают случаи коллективного / массового или индивидуального использования двух языков, при этом уровень владения ими может различаться [Метлюк 1986; Ефремова 2000; Розенталь; Теленкова 1976]. Естественный билингвизм – это разновидность билингвизма, при которой второй язык усваивается в естественной языковой среде, обычно в раннем детском возрасте [Михальченко 2006].

Примерно до середины XX в. была популярна гипотеза И. Эпштейна о том, что билингвизм отрицательно влияет на когнитивные способности [Богус 2008]. По мнению автора, данная закономерность объясняется тем, что наличие двух ассоциативных связей между словом и явлением (вместо одной, характерной для ситуации монолингвизма) приводит к их взаимному торможению. Солидарны с И. Эпштейном были Д. Саер и его коллеги: по результатам их исследований умственное развитие монолингвов оказались выше, чем у билингвов [Saer 1923; 1924].

Вторая половина XX в. характеризуется как «нейтральный период» отношения к билингвизму. Ученые пришли к выводу о том, что нельзя однозначно судить о превосходстве билингвов или монолингвов. Так, например, М. Сигуан и У. Макки предположили, что существует множество факторов, которые влияют на когнитивные способности индивида: индивидуальные способности учащихся, педагогические возможности образовательных учреждений, социально-экономический и культурный уровни населения и т.д. [Сигуан, Макки 1990].

Знаковым становится исследование У. Ламбера и Э. Пола, проведенное в 1962 г., которое показало, что в случае тестирования групп со схожим социокультурным уровнем билингвы превосходят монолингвов в задачах, требующих умственной гибкости. В исследовании участвовали 364 ученика десятилетнего возраста – учащиеся средних классов французской школы в канадском городе Монреаль. Согласно результатам эксперимента, билингвы достигли значительно лучших результатов по 15 из 18 позиций, измеряющих уровень умственного развития (IQ) [Peal, Lambert 1962]. После публикации данного эксперимента была сформулирована гипотеза о когнитивном превосходстве билингвов над монолингвами. Суть данной гипотезы заключается в том, что у людей, говорящих на двух языках, лучше развита способность обработки языковой информации.

В настоящее время гипотеза о когнитивных преимуществах билингвов звучит следующим образом: предполагается, что люди, владеющие двумя языками, имеют более развитые механизмы когнитивного контроля, который отвечает за умение быстро переключаться между разными видами деятельности, способность поддержания устойчивого внимания к одному виду деятельности, способность игнорировать интерферирующую информацию и т.д. [Kessler, Quinn 1987; Bialystok 1986; Ben-Zeev 1977]. Данная гипотеза была сформулирована на основе ряда экспериментов с естественными билингвами, носителями английского и китайского языков.

Е. Бялисток проводит эксперименты с помощью задач Струпа и Саймона [Bialystok 2005]. Информанты должны были прочесть вслух слово, обозначающее какой-либо цвет и написанное чернилами другого цвета (StroopTask), или, например, найти кнопку «право», которая располагалась в левой части экрана (SimonTask).

Среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, большинство которых являлись студентами университетов, не было обнаружено особых различий: как билингвы, так и монолингвы справлялись с экспериментальными задачами одинаково хорошо. Однако было выявлено одно различие: когда происходила смена экспериментальных блоков, монолингвам требовалось чуть больше времени для «перестройки» от одного блока к другому.

Среди взрослых в возрасте от 30 до 59 лет наблюдается большой разрыв в результатах: билингвы быстрее справились с задачей Саймона. У участников более старшей группы (от 60 до 80 лет) разница между билингвами и монолингвами оказалась наиболее заметной, особенно в тех блоках эксперимента, выполнение которых требовало преодоления определенных «препятствий»: например, прочесть слово «лево», находящееся в правой части экрана. Е. Бялисток считает, что лингвистический опыт билингвов обеспечивает им преимущество в обработке невербальной информации и решении невербальных задач за счет уменьшения объема знаний каждого из известных и регулярно используемых языков [Bialystok 2009: 8]. Также, согласно Е. Бялисток, отсутствие разницы между билингвами и монолингвами, относящимися к возрастной группе 18 – 24 года, объясняется тем, что именно в этом возрасте молодые люди находятся на пике своих когнитивных возможностей. Однако гипотеза тре-

бует дальнейшего экспериментального подтверждения и уточнения на материале других пар языков.

В нашей работе представлено описание пилотного эксперимента, ориентированного на изучение механизма когнитивного контроля у естественных билингвов. Исследование проводилось с двумя группами информантов – носителями коми-пермяцкого и русского языков (12 человек) и носителями русского языка (13 человек). Все информанты являются студентами 1 курса филологического отделения ПГГПУ в возрасте от 17 до 20 лет. В качестве метода исследования применялся метод словесно-цветовой интерференции (метод Струпа) [Stroop 1935]. Эксперимент проводился онлайн в два этапа (Задание 1 и Задание 2), которые различались уровнем сложности. В ходе Задания 1, информанты должны были выполнить 30 заданий. На экране было написано одно слово, значение которого не совпадало с цветом шрифта. Информантам было необходимо сопоставить написанное слово и его цвет, в ответе указать цвет слова. В ходе Задания 2 нужно было выполнить семь заданий, выбирая верную последовательность цветов слов-стимулов. В начале Задания 2 на экране было представлено три слова, с каждым выполненным заданием количество слов увеличивалось. Перед информантами стояла задача выполнить оба задания за максимально короткий промежуток времени. В ходе обработки результатов было проанализировано время выполнения каждого экспериментального задания у всех информантов. Время выполнения Задания 1 (Струп 1) и Задания 2 (Струп 2) билингвальной и монолингвальной группами испытуемых представлено в Таблице 1а и Таблице 1б.

Таблица 1а

Время выполнения Задания 1 и Задания 2 билингвальной группой

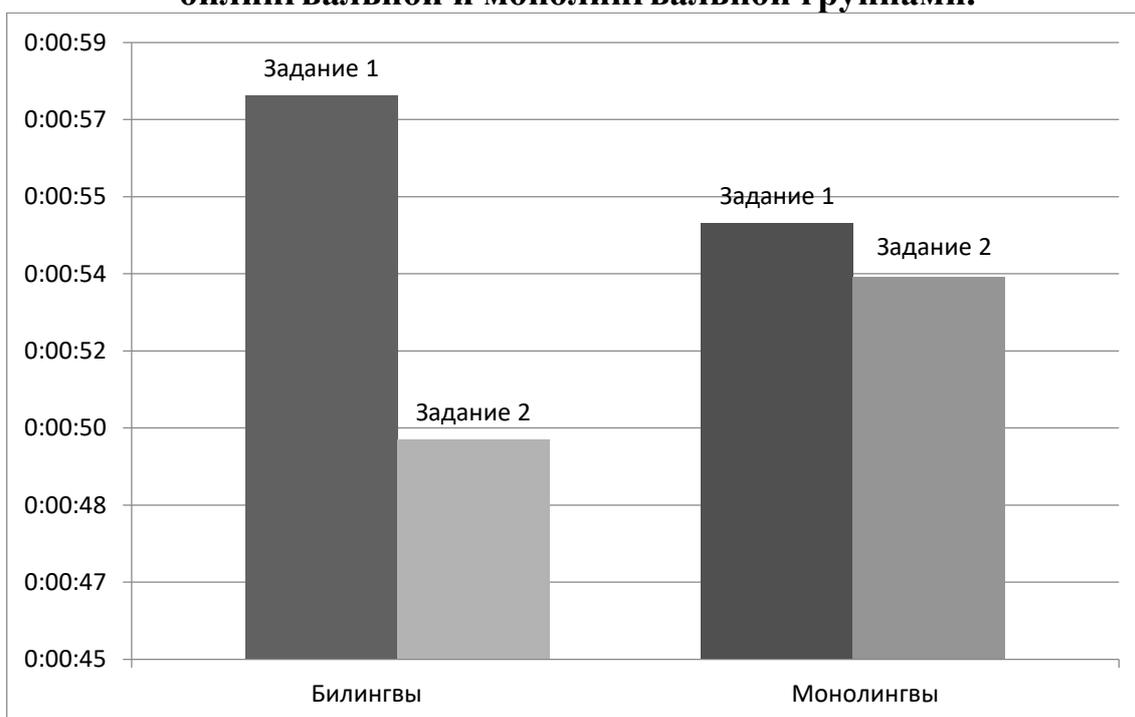
Билингвальная группа		
№ информанта по порядку	Задание 1	Задание 2
1	0:01:03	0:00:50
2	0:01:03	0:00:46
3	0:00:54	0:00:47
4	0:00:57	0:00:48
5	0:00:27	0:00:50
6	0:01:10	0:01:20
7	0:01:22	0:00:48
8	0:00:48	0:00:49
9	0:01:03	0:00:43
10	0:00:52	0:00:42
11	0:00:58	0:00:45
12	0:00:54	0:00:52
медиана	0:00:57	0:00:48
среднее значение	0:00:58	0:00:50

Время выполнения Задания 1 и Задания 2 монолингвальной группой

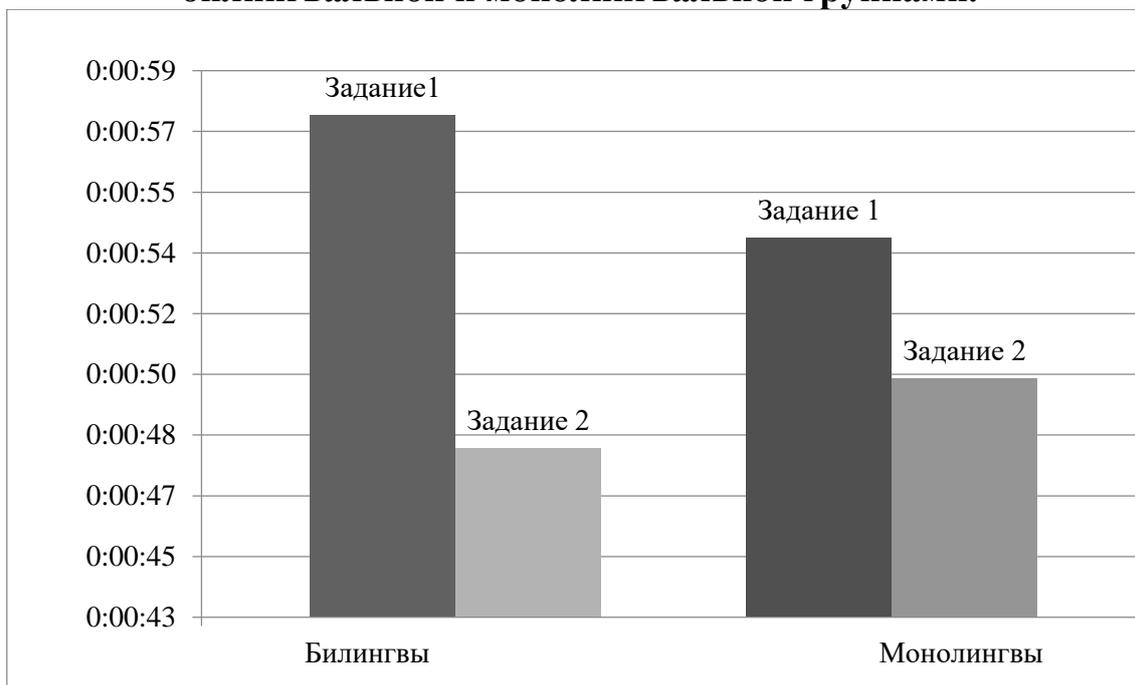
Монолингвальная группа		
№ информанта по порядку	Задание 1	Задание 2
1	0:00:49	0:00:46
2	0:00:48	0:01:30
3	0:00:40	0:00:35
4	0:01:01	0:00:47
5	0:01:07	0:00:56
6	0:00:57	0:00:42
7	0:00:52	0:01:07
8	0:00:59	0:00:50
9	0:00:52	0:00:50
10	0:00:54	0:00:39
11	0:00:47	0:00:43
12	0:01:01	0:01:07
13	0:01:05	0:01:07
медиана	0:00:54	0:00:50
среднее значение	0:00:55	0:00:54

Затем для каждой группы были высчитаны средние и медианные значения времени выполнения задания; полученные результаты были сопоставлены в группе билингвов и монолингвов (см. Рис. 1 и Рис. 2).

Рисунок 1

Среднее значение времени выполнения Задания 1 и Задания 2 билингвальной и монолингвальной группами.

Медианное значение времени выполнения Задания 1 и Задания 2 билингвальной и монолингвальной группами.

Анализ результатов показал, что на выполнение первого задания билингов в целом потребовалось больше времени, чем монолингам: билингвы справились с заданием в среднем за 58 секунд (медианное значение 57), а монолингвы за 55 секунд соответственно (медианное значение 54). При выполнении второго задания, наоборот, группа билингов продемонстрировала более высокую скорость выполнения задания, чем группа монолингов: билингвы выполнили задание за 50 секунд (медианное значение 48), а монолингвы за 54 секунды соответственно (медианное значение 50). Таким образом, наблюдается существенное улучшение результата билингов при переходе от Задания 1 к Заданию 2: разница в средней скорости составила 8 секунд, в то время как в группе монолингов разницы между скоростью выполнения двух заданий практически не наблюдается (1 сек).

Таким образом, полученные данные указывают на то, что когнитивные механизмы билингов несколько быстрее настраиваются на задания повышенной когнитивной сложности. Судя по всему, когнитивные преимущества билингов над монолингами могут быть обусловлены повышенной гибкостью когнитивных процессов, которые отвечают за более высокую скорость обучения новым видам деятельности.

Список литературы

Богус М.Б. Влияние билингвизма на интеллектуальное развитие личности обучаемых // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 3: Педагогика и психология, 2008. № 7. С. 47–52.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (Дата обращения: 2.05.2020).

Метлюк А.А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва. Минск: Вышэйш. шк., 1986. URL: <https://clck.ru/RWbM2> (Дата обращения: 2.05.2020).

Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. URL: <https://clck.ru/RWbQ7> (Дата обращения: 5.05.2020).

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. URL: <https://superlinguist.ru/obshchee-iazykoznanie-skachat-knigi-besplatno/rozentaldetelenkovamaspovochniklingvisticheskikhterminov.html> (Дата обращения: 2.05.2020).

Сигуан М., Макки У.Ф. Образование и двуязычие. М., 1990. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000960688-obrazovanie-i-dvuyazychie-m-siguan> (Дата обращения 6.05.2020).

Ben-Zeev S. The influence of bilingualism on cognitive development and cognitive strategy // Child Development, 1977. No. 48. P. 1009–1018. URL: <https://www.jstor.org/stable/1128353?seq=1> (Дата обращения: 28.07.2020).

Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition, 2009. Vol. 12(1). P. 3–11.

Bialystok E. Consequences of bilingualism for cognitive development / In: F. Kroll & A.M.B. De Groot (Eds.). Handbook of Bilingualism. Psycholinguistic Approach. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Bialystok E. Factors in the Growth of Linguistic Awareness // Child Development, 1986. No. 2. P. 498–510.

Kessler, C. Quinn, M.E. Language minority children's linguistic and cognitive creativity // Journal of Multilingual and Multicultural Development. No. 8. P. 173–186. URL: <https://clck.ru/RXTsF> (Дата обращения: 28.07.2020).

Peal E., Lambert W.E. The relation of bilingualism to intelligence // Psychological Monographs: General and Applied, 1962. No 76(27). P. 1–23. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2011-17952-001> (Дата обращения: 28.07.2020).

Saer D. J. The Bilingual Problem / D. J. Saer, F. Smith, J. Hughes. – Wrexham: Hughes & Son, 1924. URL: <https://clck.ru/RXRvp> (Дата обращения: 28.07.2020).

Saer D. J. The Effects of Bilingualism on Intelligence // British Journal of Psychology, 1923. No. 14. P. 25–38. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/> (Дата обращения: 28.07.2020).

Stroop J. R. Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psychology, 1935. No. 18. P. 643–662. URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Stroop/?c=012> (Дата обращения: 27.06.2020).

Список ресурсов для онлайн тестирования

Эксперимент Струпа, задание 1: <https://www.zdorovieinfo.ru/testStrupa/> (Дата обращения: 28.07.2020).

Эксперимент Струпа, задание 2: <https://konstruktortestov.ru/test-100> (Дата обращения: 28.07.2020).

E.S. Kochkina

Student of Philological Faculty

Perm State University

COGNITIVE CONTROL RESEARCH OF NATIVE BILINGUALS USING THE COLOR-WORD INTERFERENCE TEST

The article analyzes cognitive control features of bilinguals and monolinguals who are native Russian and Komi-Permyak languages speakers between the ages of 17 to 20 years. The Color-word interference test also known as the Stroop test was used as the research method. According to the study results, it is suggested that bilinguals have some cognitive advantages over monolinguals which may be due to the increased flexibility of cognitive processes that are responsible for a higher rate of learning new types of activity.

Key words: psycholinguistics; bilingualism; native bilingualism; Stroop Color Word Test (SCWT); Stroop Task; color-word interference test; cognitive control.

Куц Евгения Александровна
студент филологического факультета
Кубанский государственный университет
evgeniya061097@gmail.com

РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

В данной статье рассматривается русская фразеология и паремиология, осуществляющие функцию социально-национальной культуры, с позиций этнокультурного подхода. Дается описание фразем и паремий, которые в образно-экспрессивной форме отражают понятия «мужчина» и «женщина», репрезентируя гендерную специфику фразеологической картины мира русского этноса, показывая картину соотношения личностных качеств мужчины и женщины в русской языковой национальной картине мира.

Ключевые слова: фразеология; паремиология; фразеологизм; этнос; культура; гендер; ментальность.

Антропологический подход, выступающий в качестве одного из принципов при моделировании языковой картины мира, отражает тесную связь языка и культуры человека. С.Г. Тер-Минасова пишет: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова 2000: 14]. Язык является самым мощным средством идентификации и репрезентации человеком своей личности, быта и мировоззрения.

Фразеология, как один из важнейших уровней языка, наиболее ярко и точно отражает культуру и менталитет того или иного этноса. Полное изучение данного аспекта невозможно без рассмотрения гендерных отношений, исследование которых началось в российской лингвистике в 80-90-х годах прошлого века. Сам термин «гендер» имеет огромное количество дефиниций. Л.Ю. Буянова и О.М. Бочарова трактуют его как «базовое измерение социальной структуры общества, которое вместе с другими социально-демографическими и культурными характеристиками (раса, класс, возраст) организует социальную систему» [Буянова, Бочарова 2005: 490-493]. С. Бем определяет гендер как «совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола» [Бем 2004: 281]. Необходимо отметить, что исследование специфики гендерных отношений находит свое воплощение в междисциплинарной парадигме, а потому они могут быть рассмотрены в любой области лингвистики, в том числе и во фразеологии. Осмысление культуры того или иного этноса, норм его поведения, быта, языковых особенностей в связи с гендерной идентичностью становится наиболее значительным при изучении

фразеологических и паремиологических единиц, создателем которых является народ.

Обращаясь к полюсным понятиям «мужчина» – «женщина», следует отметить, что в русском фразеологическом пространстве отразились социальные, культурные и когнитивные характеристики представителя того или иного пола. Изучая фразеологические и паремиологические образования, содержащие упомянутые выше понятия, «представляется возможным установить статус мужчины и женщины в обществе и в системе семейно-родственных отношений, выявить национально-культурную специфику мужского и женского вербального поведения в призме языковой картины мира» [Дашиева 2011: 68]. Целесообразно рассмотреть фразеологические и паремиологические единицы, направленные на гендерную характеристику мужчин и женщин.

Обратимся к номинациям, которые называют в русском языке лиц мужского пола: муж, мужчина, мужичок, молодец, парень. Традиционно мужчине приписывались следующие психологические и характерологические особенности: сила, решительность, твердость, жестокость. В русской традиции в связи с патриархальностью общественного строя и семейного уклада мужчина является центром и главой семьи: *Муж – голова, жена – душа; муж в дому, что глава на церкви* [Даль]. Следует отметить, что во фразеологии находят свое воплощение и социальные маркеры мужской деятельности, его занятия хозяйством, выполнение трудной работы, например: *Муж пашет, а жена пляшет; нужна мужская рука; мужик и собака во дворе, баба и кошка в доме; за хорошим мужем и свинка – господинка* [Там же]. В обязанности мужа входила не только забота о семье (*За мужем как за каменной стеной; за мужнину жену есть кому вступиться; муженёк хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не живу сиротой*) [Там же], но и способность учить (бить) жену, воспитывать ее, что отразилось в следующих устойчивых выражениях: *Люби жену, как душу, тряси её как грушу; бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); чем больше жену бьёшь, тем щи вкуснее; да убоится жена мужа* [Там же].

В русской культурно-языковой традиции имеется немало фразеологических единиц, описывающих такие отношения между мужчинами, как братство, дружба, умение составлять единство в случае опасности, беды, например: *Бой красен мужеством, а приятель – дружеством; доброе братство дороже всякого богатства; один в поле не воин* [Там же].

Еще один аспект, который следует рассмотреть, – мужская внешность. Интересно, что в славянской традиции внешний облик мужчины не базируется на обязательном наличии красоты. Безусловно, можно отметить такие ФЕ, как *писаный красавец; красив как Бог* [ФСРЯ 1968]. Но всё же в количественном отношении преобладают следующие выражения: *Мужичок неказист, да в плечах харчист; не казист лицом, да тряхнёт молодцом; лыс конь – не увечье, плешиив молодец – не бесчестье; наш сокол мал, да удал* [Даль].

В русской фразеологии отразилось также знание о том, что мужчине не свойственны те черты, которыми наделены представительницы женского пола: сплетни, грех, слезы, слабость. Но во фразеологическом пространстве имеют

место такие выражения, в которых мужчине приписываются женские качества. Данные ФЕ имеют негативную коннотацию и высмеивают представителей мужского пола: *Трусливый как баба; тебе не штаны носить, а юбку; не мужчина ты, а шляпа (тряпка); не будь бабой; мужик в юбке; истеричен как женщина; робкий муж и лестовок боится; не то смешно, что жена мужа бьёт, а то смешно, что муж плачет* [ФСРЯ 1968]. ФЕ, имеющие в своём составе номинацию «парень», также обладают отрицательной коннотацией и репрезентируют молодых представителей мужского пола как не способных вести хозяйство, слабых, ленивых: *Парень хорош, а работы ни на грош; парень молод, а не люб ему холод; хорош ты парень, да ни к чёрту не годишься* [Даль].

Отметим номинации, которые называют в русском языке лиц женского пола: баба, жена, женщина, мать, девушка. Опираясь на лексические значения, данные в толковых словарях, можем сделать вывод, что в гендерном аспекте женщина противопоставлена мужчине во всех отношениях. В русском фонде фразеологии и паремиологии можно найти огромное количество пословиц, поговорок и фразеологизмов, содержащих лексемы, репрезентирующие понятие «женщина». Следует заметить, что большинство таких единиц репрезентирует женщину с отрицательной коннотацией. Данный факт связан с патриархальным укладом жизни русского народа. Если мужчина выступал как глава семьи, как человек, наделённый силой, властью, то женщина представлялась как человек «второго сорта»: *Курица не птица, а баба не человек; курице не быть петухом, а бабе мужиком; кобыла не лошадь, а баба не человек; я думал, идут двое, а нет: мужик с бабой* [Там же]. Женщине приписывались различные отрицательные черты: неверность, хитрость, злобредность, например: *Лучше раздражить собаку, нежели бабу; базарная баба; вавилонская блудница; змея подколотная; Лиса Патрикеевна* [ФСРЯ 1968].

Считается, что женщины, в отличие от мужчин, говорят быстрее и больше. Этот факт также нашёл своё воплощение и отражение в русской фразеологии и репрезентирует женщин как болтливое создание: *Бабу не переговоришь; бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей; бабий язык, куда ни завались, достанет* [Даль]. В то же время женщине в представлении русского народа присуща слабость, слезливость: *Женский обычай слезами в беде помогать; баба слезами беде помогает; без плачу у бабы дело не спорится* [Там же].

Помимо отрицательных черт, в русских ФЕ описываются и положительные женские качества. В русской традиции женщина должна быть красива лицом (*Всего милее, у кого жена белее*) [Там же], но важнее всего её ум, сноровка, кротость, умение вести хозяйство (*Три друга: отец, да мать, да верная жена; умная жена, как нищему сума; добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; хорошая жена – юрт*) [Там же].

Номинация «девушка» также встречается в русском фразеологическом пространстве: *Чего девушка не знает, то её красит; девушка невестица – бабушке ровесница* [Там же]. Такие ФЕ указывают на качества, которыми должна обладать юная представительница женского пола. Следует отметить ФЕ, в ко-

торых содержится назидание, урок девушкам: *Девушка гуляй, а дельце помни* [Там же].

В народной традиции русских считается, что муж и жена – одно целое. Безусловно, это представление берет свое начало из христианских источников. В Евангелие от Матфея говорится: «...посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть» [Мф. 19:5,6]. Во фразеологической картине мира следует отметить данный стереотип, присущий русскому народу: *Жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь; жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; муж да жена – одна душа; муж да жена – одна сатана; промеж мужа и жены нитки не проденешь; где муж, там и жена* [Даль].

Приведенные примеры показывают, что в русском фразеологическом и паремиологическом пространстве отразились гендерные особенности и стереотипы, показывающие социальные роли в социуме мужчин и женщин. Такие фразеологические единицы во всей полноте передают морально-нравственные, этико-эстетические, поведенческие и бытовые представления о мужчинах и женщинах, заложенные в сознание носителей русского языка и ставшие стереотипными. Исследование фразеологических единиц, репрезентирующих образы мужчины и женщины в гендерном плане, позволяет глубже проникнуть в национальную культуру русского народа.

Список литературы

Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 336 с.

Библия. Евангелие от Матфея. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/ev_matf/txt19.html (Дата обращения 14.03.2020).

Буянова Л.Ю., Бочарова О. М. Гендер как когниция: становление и перспективы развития в лингвистике текста //Этика и социология текста: Сб. ст. науч.-метод. семинара «ТЕХSTUS». Вып. 10. Спб.; Ставрополь, 2005. С. 490–493.

Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа В.И. Даля. URL: <https://megabook.ru/article/Муж%20%20жена%20—%20Пословицы%20и%20поговорки%20русского%20народа%20В.И.%20Даля> (Дата обращения 14.03.2020).

Дашиева С.Ц.-Д. Гендерная специфика во фразеологии (на материале китайского, бурятского и русского языков). 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-vo-frazeologii-na-materiale-buryatskogo-kitayskogo-i-russkogo-yazykov> (Дата обращения 14.03.2020).

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Высшая школа, 2000. С.14.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1968. 541 с.

E.A. Kuts

student of the faculty of Philology

Kuban state University

RUSSIAN PHRASEOLOGY AS THE REFLECTION OF GENDER STEREOTYPES

The article studies Russian phraseology and paremiology which are considered as the socio-national unit of language and culture (culturema). The article describes the phraseological units that reflect the concepts "man" and "woman" in a figurative and expressive form, demonstrate the ratio of personal masculine and feminine qualities and also represent the gender specificity Russian people's phraseological worldview.

Keywords: phraseology; paremiology; phraseological unit; ethnos; culture; gender; mentality.

Анастасия Дмитриевна Мокан
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
mokan.ania@gmail.com

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТЕНДАПЕРА

В рамках прагмалингвистического подхода исследуется речевое поведение стендапера, реализуемое в ходе комического монолога. На основе анализа текстов семи выступлений российского стендап-комика Павла Воли выявлены и описаны речевые приемы воздействия на аудиторию. Основное внимание уделено языковой игре, способам создания эффекта неожиданности, использованию сигналов акцентирования, а также анализу невербальных средств коммуникации.

Ключевые слова: речевое поведение; стендап-комедия; языковая игра; эффект неожиданности; сигналы акцентирования; комический эффект.

В настоящее время в отечественной массовой культуре все большую популярность набирает стендап-комедия. В отличие от западных стран, в которых зародился стендап, в России данный жанр появился относительно недавно. Российскую стендап-комедию одними из первых начали развивать резиденты «Comedy Club» Р. Белый, Н. Сабуров, С. Комиссаренко, Ю. Ахмедова и П. Воля, тексты выступлений которого послужили материалом данного исследования. Сейчас практически в каждом городе появляются лиги стендаперов, проводятся акции «Открытый микрофон», увеличивается количество артистов, выступающих в данном жанре. Все это свидетельствует о появлении и развитии новой дискурсивной практики. Между тем русскоязычная стендап-комедия в силу своей новизны мало исследована, что обуславливает необходимость лингвистического осмысления этого речевого жанра.

Д.Е. Гончаров определяет стендап-комедию как «ораторское искусство с элементами комедии, в котором выступающий предлагает аудитории личное знание, которое излагается посредством юмористических форм» [Гончаров 2018: 38]. На наш взгляд, эта дефиниция не только отражает идейное содержание стендап-комедии, но и позволяет отграничить ее от смежных жанров: сатирического монолога, разговорного диалога, комедийного спектакля и др.

Обратимся к анализу речевого поведения стендапера – артиста, выступающего в жанре стендап-комедии. В центре нашего внимания будут вербальные и невербальные средства воздействия на аудиторию, а также речевые приемы создания комического эффекта. Материалом исследования послужили семь расшифрованных монологов стендап-комика Павла Воли за 2015–2020 гг.

Методы исследования включают прагмалингвистический анализ компонентов речевого поведения стендапера с учетом воздействия на аудиторию;

жанрово-стилистический и контекстуальный анализ, посредством которых выявлены ключевые стилистические приемы и средства выразительности.

В настоящее время различные аспекты исследования речи и речевого поведения изучаются в рамках психолингвистики, социолингвистики, лингвистилистики, лингвокультурологии и прагмалингвистики. Общий подход, объединяющий данные направления, заключается в понимании речевого поведения как «специфической разновидности человеческого поведения, которое складывается из речевых поступков и основывается на использовании языка, реализующегося в речи» [Полякова 2012: 44]. В настоящей статье основное внимание уделяется рассмотрению речевого поведения стендап-комика с точки зрения прагмалингвистического подхода, поскольку предметом прагмалингвистики является «выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия» [Степанов 1981: 325]. Иными словами, понятие речевого поведения разрабатывается в прагмалингвистике в связи с изучением средств речевого воздействия.

Представим речевые средства, которые использует Павел Воля. Большинство шуток стендап-комика основывается на приемах языковой игры, которую И.В. Цикушева определяет как «осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [Цикушева 2009: 170]. С.С. Иванов выделяет два важнейших компонента языковой игры – каламбур и параномазию (см. подробнее [Иванов 1981]). Как показал анализ материала, именно эти компоненты являются ведущими в монологах Павла Воли. В частности, в своих скетчах артист использует следующие механизмы создания каламбурной игры слов:

1) обыгрывание значений слов-омонимов: *Вот, внимание, дизайнерская игрушка «Олень в золотом костюме». 32 тысячи рублей. Олень в золотом костюме – это debil, который купил эту игрушку* [Воля 27.12.2019]. Представленная шутка построена на приеме омонимии: *олень* – животное и глупый человек;

2) обыгрывание значений многозначных слов: *Если честно, я верю в российский автопром. Я уверен, и вы все верите, и вся страна, которая смотрит, – мы все верим в наш автопром. Поэтому разработчики, мы вас очень просим, выпустите машину, не оскорбляйте чувства верующих* [Воля 30.03.2020]. Слово *верующий* имеет двойную семантику: а) тот, кто во что-либо верит; б) религиозный человек. Приведенный пример иллюстрирует достижение комического эффекта за счет семантического сдвига.

В отличие от каламбуров, механизмы игры слов, основанные на явлении паронимии, представляют собой не только игру смыслов в пределах одной формы, но и игру самих форм. Конкретизируем сказанное на примере параномазии, зафиксированной в монологах Павла Воли:

1) фонетическое членение слова с его последующей трансформацией путем подмены фонем похожими по звучанию, но не идентичными: *Но покажите еще раз фотографию «Монарха». <...> Какой автомобиль напоминает вам? Правильно, «Порш Панамера», естественно. А знаете, как фамилия у разра-*

ботчика «Монарха»? Алексей **Пономаренко**. Он и фамилию слямзил у «Панамеры» [Воля 26.09.2020]. Данная шутка построена на созвучии слов *Панамера* и *Пономаренко*, однако эти слова имеют различный звуко-буквенный состав;

2) членение слов на якобы семантически значимые элементы с последующей их трансформацией, заменой и таким образом созданием новых слов, например: *Это не карантин, это кара-для-всех-родителей-нтин!* [Воля 24.04.2020];

3) подмена узуальных слов словами-оговорками, например: *А если тебе СМСка от МЧС приходит два раза в день, что мы говорим? Да задолбали, блин! И каждому из нас, когда приходит МЧСка* (оговорка – прим. А. М.), в смысле... мое слово, за мной, МЧСка – это СМСка от МЧС, запомнили все? [Воля 11.10.2019]. Очевидно, что МЧСка возникла под влиянием соседнего СМСка в результате антиципации.

Приведенные примеры показывают, что стендап-комик активно использует приемы, связанные со словотворчеством и лингвистической двусмысленностью.

Еще одним характерным средством воздействия на аудиторию в монологах Павла Воли является создание эффекта неожиданности, заключающегося в несоответствии начальной и заключительной фраз монолога. Этот прием нацелен на то, чтобы обмануть ожидания зрителей в финале шутки. Вот как эффект неожиданности выглядит в монологах Павла Воли:

Но есть золотое правило: если ты недоволен – меняй. Не нравится тебе мир, который тебя окружает – меняй. <...> Не нравятся тебе депутаты, да? Не такие депутаты – стань депутатом сам, поменяй их. Не нравятся законы тебе – иди в тюрьму, дебил. Никто не будет менять ради тебя законы, неужели ты не понял? [Воля 06.01.2019].

В данном случае эффект неожиданности заключается во фразе *иди в тюрьму*. Воздействие на аудиторию усиливается посредством синтаксического параллелизма и эпитеты, использованных в предыдущих предложениях. Наличие в ключевой фразе параллелизма при отсутствии эпитеты рождает эффект неожиданности. Приведем еще один пример:

Я купил билеты на всю семью <...> буквально началось представление <...> и Роберт говорит: «Мне не нравится, я пошел». Ну, я отец, я знаю, как уговорить ребенка, я говорю: «Роб, ну куда ты пошел? Ты уже взрослый. Верни деньги» [Воля 27.12.2019].

В этом случае эффект неожиданности создается благодаря парадоксу и поддерживается эмоциональной окраской речи: отеческий тон первых фраз резко сменяется отчужденной завершающей репликой.

Проведенный анализ показал, что эффект обманутого ожидания – излюбленный речевой прием Павла Воли, нацеленный на удержание зрительского внимания.

Сходную функцию выполняют сигналы акцентирования, активизирующие внимание адресата и обеспечивающие лучшее усвоение содержания речи. Анализ сигналов акцентирования в комическом монологе Павла Воли предста-

вим с опорой на классификацию Е.В. Манжелевской, которая выделяет несколько семантических зон акцентирования: зона интенсива, зона исключительности, зона контраста, зона отрицания, зона тотальности, зона итеративности и частотности, зона результатива, зона конкретизации, зона инклюзива, зона необычности, зона ожидания [Манжелевская 2017: 124–128]. В речи стендап-артиста используются сигналы акцентирования следующих семантических зон:

1) зона интенсива:

– *Нет, нет! Доходит до абсурда, ребята, до абсурда* [Воля 13.12.2019].

– *Я уверен, если начнется ураган, вся Москва будет с айфонами кружиться внутри и снимать, снимать, что происходит* [Воля 11.10.2019].

– *Знаете, кто щас кайфует больше всех? Учителя!* [Воля 24.04.2020].

В приведенных примерах интенсифицирующую функцию выполняют повторы элементов высказывания, а также форма превосходной степени наречия;

2) зона исключительности:

– *Вот такие только у нас* [Воля 26.09.2020]. Частица *только* выделяет объект из числа прочих;

3) зона контраста:

– *В Херне 12 заправок! А у нас заправка, смотрите, в Архангельске и <...> в Вологде-где* [Воля 30.03.2020]. В этом фрагменте при помощи противопоставительной фразы *а у нас* подчеркивается контраст между Германией и Россией;

4) зона отрицания:

– *А в любом учебнике экономики – открывай: чем больше среднего класса, тем лучше живут все остальные. Но мы с вами не такие, мы не хотим быть средними, мы россияне* [Воля 26.09.2020]. Здесь логический акцент падает на лексемы с отрицательным значением;

5) зона тотальности:

– *Я уверен, и вы все верите, и вся страна, которая смотрит, – мы все верим в наш автопром* [Воля 30.03.2020]. В данном случае лексический повтор определительного местоимения *весь* акцентирует масштабность явления;

6) зона итеративности:

– *Если честно, я смотрел в интернете, забивал в поиск «Зетта», и мне интернет всегда выдавал несколько машин* [Воля 30.03.2020]. Наречие *всегда* придает высказыванию оттенок экспрессивного преувеличения;

7) зона ожидания:

– *Я щас докажу, что наша страна не готова к электромобилям* [Воля 30.03.2020]. Семантическая неполнота главного предложения (*Я щас докажу, что...*) обладает катафорической функцией, служит привлечению внимания адресата к последующей части фразы, то есть концентрирует его внимание на идущей далее информации.

Кроме приведенных сигналов акцентирования внимания адресата, в речи Павла Воли нами зафиксированы приемы, которые трудно отнести к какой-

либо одной группе. В то же время именно эти приемы во многом определяют индивидуальную речевую манеру комика. Представим их:

1) риторические вопросы и восклицания: *Вас ниче не смущает, народ? Они перестали пользоваться цифрами!* [Воля 13.12.2019]. Риторические вопросы привлекают внимание аудитории, а риторические восклицания используются как прием передачи эмоций автора, вызванных обсуждаемой темой;

2) сленгизмы, сниженная и нецензурная лексика: *У человека опасная работа: он работает на высоте, его жизнь держится, с**а, на резинке от трусов!* [Воля 11.10.2019]. Широкое использование подобных единиц позволяет стендаперу создать имидж «своего парня», обеспечивающий более близкий контакт с аудиторией;

3) пародирование и подражание: *И мне кажется, щас вот родители меня смотрят, знаете, которые вот (подражает манерным голосом – прим. А. М.): «Мы своего ребенка не наказываем. Мы не повышаем голос. Он личность, мы его не ругаем»* [Воля 24.04.2020]. Пародирование и подражание чужой речевой манере является типичным для речевого поведения Павла Воли. Судя по реакции зрителей, наглядная демонстрация чужой речи усиливает комический и сатирический эффект, произведенный шуткой;

4) обращения: *Ребят, мы начали делать электромобили в тот момент, когда мы еще не научились делать просто автомобили* [Воля 30.03.2020]. Обращение *ребята (ребят)* встречается в исследованных монологах 67 раз и является самым частотным способом установления речевого контакта с аудиторией и удержания внимания зрителей.

Как видим, стендап-комик Павел Воля в своей сценической речи постоянно прибегает к сигналам акцентирования, выполняющим прагматическую функцию управления вниманием адресата.

Для более полного описания речевого поведения артиста кратко представим характерные для него невербальные средства воздействия на аудиторию. Так, стендапер активно использует изобразительную мимику и жестикуляцию в процессе пародирования: *Там автомобильный мост, там железнодорожный мост, там пешеходный мост. Я уверен, там канат внизу еще для циркачей (изображает циркача, идущего по канату – прим. А. М.)* [Воля 26.09.2020]. Очевидно, что визуализация движения канатоходца усиливает комический и сатирический эффект монолога.

В современной российской стендап-комедии активно используются технические средства, в частности проектор, с помощью которого артисты демонстрируют новостные заголовки, послужившие информационными поводами для комического монолога. Приведем примеры из выступлений Павла Воли: *Листал новости недавно <...> (На экране появляются сменяющиеся друг друга заголовки статей – прим. А. М.). Итак, новости: у полковника ФСБ изъяли полтора КамАЗа денег. Следующая новость, давайте: несколько тонн денег нашли у главного кадровика ГУ МВД по Москве. Еще, пожалуйста, покажите: у чиновника нашли трехкомнатную квартиру денег* [Воля 13.12.2020]. Визуальные иллюстрации активизируют внимание ауди-

тории, способствуют лучшему восприятию шуток комика и концентрации внимания на теме выступления.

В невербальной части работы артиста большую роль также играет реквизит. Приведем пример использования реквизита, способствующего наглядной демонстрации масштабов коррупции в России: *Ребят, я говорил об огромных суммах денег <...> Я просто сейчас для примера покажу, что такое 6 миллиардов наличкой <...> Ваши аплодисменты, 6 миллиардов, на сцену! (Вносят несколько сумок с деньгами – прим. А. М.)* [Воля 13.12.2020].

Таким образом, прагмалингвистический анализ речевого поведения Павла Воли, конкретизированный через понятия языковой игры, эффекта неожиданности, сигналов акцентирования и невербальных способов воздействия на аудиторию, позволил выявить характерные приметы новой, практически не изученной дискурсивной практики – стендап-комедии.

Список источников

Воля П. Камеди Клуб Павел Воля «Мы - страна крайностей» [видеозапись]. YouTube, Comedy Club, 26.09.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U7MinuSWOIU&t=9s> (Дата обращения: 05.10.2020).

Воля П. Павел Воля – Мы себя не бережем [видеозапись]. Rutube, Камеди Клуб, 11.10.2019. URL: <https://rutube.ru/video/fa92f3f32e35aa8b6831c8fa0830920c/?ref=newsearch> (Дата обращения: 05.10.2020).

Воля П. Павел Воля о коррупции [видеозапись]. Rutube, Камеди Клуб, 13.12.2019. URL: <https://rutube.ru/video/b230e02a00c5b3c0ba630f27317da6a7/?ref=newsearch> (Дата обращения: 05.10.2020).

Воля П. Павел Воля о мыслях перед сном [видеозапись]. Rutube, Comedy Club, 06.01.19. URL: <https://rutube.ru/video/f8b73e5297cf15c085ce9f21469a2bac/?ref=newsearch> (Дата обращения: 05.10.2020).

Воля П. Павел Воля о ценах на Новый год [видеозапись]. Rutube, Камеди Клуб, 27.12.2019. URL: <https://rutube.ru/video/6f5685dceda124ef0895e6f390ab2cc6/?ref=newsearch> (Дата обращения: 05.10.2020).

Воля П. Павел Воля про карантин для родителей [видеозапись]. YouTube, Творчество_vlog, 24.04.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IuLtKMWXw70&t=52s> (Дата обращения: 05.10.2020).

Воля П. Павел Воля электромобили [видеозапись]. Rutube, Камеди Клуб. URL: <https://rutube.ru/video/e0145c50202f68ff25c09d1e9fe738f8/?ref=newsearch> (Дата обращения: 05.10.2020).

Список литературы

Гончаров Д.Е. Stand-up как юмористический разговорный жанр современной культуры: магистерская диссертация по направлению подготовки: 51.04. 01-Культурология. Томск: ТГУ, 2018. 80 с.

Иванов С.С. Игра слов и способы ее создания: смысловая и звуко-смысловая игра слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009. № 6 (2). С. 227–231.

Манжелевская Е.В. Нюансы актуализации сигналов акцентирования разных видов в юмористической прозе (на материале англоязычных текстов Д. Карлина, Л. Си Кея, Д. Морана и Э. Дедженерес) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 11(77). Ч. 1. С. 124–128.

Полякова Л.С. Понятие «речевое поведение»: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2012. № 12. С. 44–47.

Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1981. Т. 40. № 4. С. 325–332.

A.D. Mogan

Student of Philological Faculty
Perm State University

SPEECH BEHAVIOR OF A STAND-UP ARTIST

Using the pragmalinguistic approach, this article studies a stand-up artist's speech behavior that is presented in the form of a comic monologue. Speech techniques of influencing the audience are identified and described based on the text analysis of seven performances of a Russian stand-up comedian Pavel Volya. The article focuses on the language game, the ways to create surprise effect, the usage of accentuation signals and the analysis of non-verbal communication means.

Key words: speech behavior; stand-up Comedy; language game; surprise effect; accentuation signal; comic effect.

Якова Светлана Вячеславовна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
yakova.s@yandex.ru

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖУРНАЛИСТА АНДРЕЯ КОЛЕСНИКОВА

В статье анализируется репортаж журналиста Андрея Колесникова, на протяжении двадцати лет освещающего деятельность президента Российской Федерации. Благодаря анализу, основанному на классических концепциях исследователей нарратива, появляется возможность выявить коммуникативные стратегии этого журналиста и определить, какие приемы позволяют ему удовлетворять запросам аудитории, не вызывая недовольства своего начальства.

Ключевые слова: нарратология; нарратив; коммуникативные стратегии; иронический репортаж; текст; автор.

А.И. Колесников – журналист, входящий в так называемый «кремлевский пул». «Кремлевский пул – аккредитованные журналисты крупных печатных изданий, телеканалов, радиостанций и информационных агентств. Журналисты “кремлевского пула” присутствуют на всех значимых российских событиях, проходящих с участием первого лица государства, сопровождают президента в ходе его визитов» [Иссерс 2012: 27].

Колесников является одним из ведущих журналистов издательского дома «Коммерсантъ». Он привлекает читателей своим особым стилем. Так, О.С. Иссерс называет его стратегию «иронико-эмпатической» и подчеркивает, что «с одной стороны, в репортажах очевидна ироническая позиция комментатора событий, с другой – это позиция не оппонента, но человека “из своего лагеря”, “не чужого”, а готового поставить себя на место главного действующего лица и не скрывающего симпатии к нему» [Иссерс 2012: 29].

В настоящей работе представлен классический репортаж Колесникова о президенте РФ, посвященный игре в любительский хоккей. Общеизвестно, что В.В. Путин испытывает симпатию к этому виду спорта и принимает активное участие в турнирах, приуроченных к знаменательным для страны датам. В таких играх компанию российскому президенту составляют министры РФ, предприниматели и некогда профессиональные хоккеисты. Как правило, Путин выступает за команду «красных», тогда как его соперники играют в форме «белых». Традиционно команда президента становится победителем таких хоккейных поединков.

В статье приведен нарратологический анализ репортажа Колесникова, опубликованный в «Коммерсанте» 26.12.2019 г. – «Суровый бой вели ледовые дружины». В заголовке репортажа, с одной стороны, применена интертексту-

альная отсылка к известной песне, где трус не играет в хоккей, а с другой – определение «дружилы», которое обнажает не настоящее состязание, а своего рода «поддавки», как будто бы дружеские.

Основным признаком нарративного произведения является присутствие посредника между автором и повествуемым миром, в результате чего под воздействием субъективного восприятия нарратора происходит «преломление» излагаемой истории. В анализируемой нами статье посредником является журналист Колесников, который повествует о реальном событии, воссоздавая последовательно его детали.

Помимо этого, решающая роль в повествовании принадлежит структуре самого излагаемого материала. «Тексты, называемые нарративными в структуралистском смысле слова, излагают, обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, некую историю» [Шмид 2003: 12]. Понятие «истории» подразумевает событие, которое В. Шмид сформулировал как «изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире или внутренней ситуации того или иного персонажа, заключающееся в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство повествуемого мира» [Шмид 2003: 13].

Упоминание категории «событие» встречается и у Ю.М. Лотмана, который определяет его как «перемещение персонажа через границу семантического поля, то есть пересечение запрещающей границы» [Лотман 2016: 296]. П. Рикер истолковывает «событие» как «то, что могло произойти по-другому» [Рикер 1998: 115].

Таким образом, событие – это стержень повествовательного текста, от которого зависит построение всего нарратива. События в грамотно выстроенном тексте должны быть фактическими, т.е. реальными для мира, о котором рассказывается; и результативными: изменение, которое образует событие должно быть совершено до конца нарратива.

Шмид называет основными критериями событийности релевантность (событие должно иметь значение для нарратива) и непредсказуемость (ожидаемое изменение не является событийным) [Шмид 2003: 18].

В репортаже Колесникова можно выделить следующие сущностно важные события:

1. Путин приезжает на стадион для игры в хоккей.
2. Первый тайм: «красные» проигрывают.
3. Перерыв.
4. Счет в игре равный.
5. Цифра на табло неожиданно меняется: «красные» ведут в счете.
6. Команда-противник президента сравнивает счет. Атмосфера на льду накаляется.
7. Президент доверяет забить буллит Шойгу.
8. Ожидаемая, но беспокойная победа команды Путина.
9. Хэппи-энд: мероприятие в Большом Кремлевском дворце.

Как можно заметить, весь нарратив выстроен вокруг хоккейного матча: все ключевые моменты сосредоточены на событиях, которые происходят на льду. В подобных условиях трудно поддерживать внимание читателя, т.к. он не сомневается: команда президента победит. Справиться с этой задачей помогают неожиданные события, включенные в нарратив, как, например, внезапное решение президента передать право забить решающий буллит разъяренному Министру обороны РФ. Подобным жестом президент ставит под сомнение победу собственной команды в матче, который с самого начала дается ей нелегко. Благодаря такой последовательности событий в нарративе Колесников интригует читателя. Интрига – это собственно то, что зачастую приковывает внимание читателя к нарративу. «Суть нарративной истории не в интриганстве персонажей, а в интригуемости читателя или слушателя» [Рикер 2000: 63]. Интрига состоит в напряжении событийного ряда и предполагает «удовлетворение ожиданий, порождаемых динамизмом произведения» [Рикер 2000: 30]. Помимо этого, Колесников выносит интригу в лид: *«Почему Владимир Путин не стал бить буллит в решающем предновогоднем матче»* [Колесников 2019].

Интрига повествования достигается его порядком, реализуемым прежде всего в игре со временем повествования. Ж. Женетт в работе «Повествовательный дискурс» делает акцент на категории времени в нарративности, заявляя, что «существует время излагаемого и время повествования» и вводит понятие «анахронии», обозначая им «любые формы несоответствия между порядком истории и порядком повествования» [Женетт 1998: 357]. Исследуя время в нарративности, Женетт вводит понятия «пролепсис» и «аналепсис». Суть первого заключается в опережении рассказа о позднейшем событии, т.е. пролепсисы заранее ссылаются на эпизод, о котором будет рассказано позднее. Аналепсисы, напротив, выполняют по отношению к читателю функцию напоминания [Женетт 1998: 358].

Колесников традиционно применяет анахронию в своих нарративах. Анализируемый нами репортаж не является исключением. Так, с помощью пролепсиса он интригует читателя: *«при этом, хотя, кажется, все были тут, было ощущение, что кого-то не хватало, явно кого-то не хватало, только вот я не мог понять, кого же, ведь вроде все тут... Потом-то я понял»* [Колесников 2019]. Благодаря ссылке на эпизод, который он обещает рассекретить позднее, автор создает впечатление, что ему известно больше, и это побуждает читателя продолжить чтение.

Аналепсис в репортаже Колесникова присутствует: *«тут-то я, кстати, и понял, кого здесь недостает»* [Колесников 2019]. Этот прием, несомненно, важен: у читателя не возникает чувства, что его обманули – он получил то, что было обещано, значит, автору можно доверять.

Выделяют четыре приема нарративного движения, благодаря которым формируется повествование: эллипсис, описательная пауза, сцена и резюме [Женетт 1998: 366]. Колесников мастерски владеет нарративными приемами.

1. Эллипсис – это временные пропуски в тексте: *«через полчаса хоккеистов ждали в Большом Королевском дворце»* [Колесников 2019]. Эллипсис

в репортаже Колесникова демонстрирует, что перед нами нарратив, у которого есть автор, считающий, что не все моменты описываемого события существенно важны для нарратива. Колесников не описывает все события в жесткой последовательности, а позволяет себе упустить необязательные моменты. Следуя за автором, читатель неосознанно принимает его точку зрения, думая, что пропущенные события действительно незначительны.

2. Описательная пауза – замедление повествовательного движения текста при помощи различного рода описаний.

«Алексей Дюмин, с которого градусом катился пот («А как, – говорил он мне потом, – если игра шла в одни ворота?!»), предложил выпить за «легенду современного хоккея». Все посмотрели на Владимира Путина (а не на Романа Ротенберга, например) и выпили после «двух коротких и одного длинного... ура, ура, ур-р-ра!..» В картонных стаканчиках был прежде всего чай (хотя ладно, пару хоккеистов я заметил уходящими от прилавка с глинтвейном). Владимир Путин пил отвар из своей кружки, которой он пользуется на больших пресс-конференциях (и на небольших тоже)» [Колесников 2019].

Благодаря подробным описаниям автор воссоздает атмосферу события, позволяя читателю погрузиться в нарратив и почувствовать себя его героем. Этот прием привлекает читателя, т.к. позволяет окунуться в недоступный ему мир и демонстрирует тот факт, что людям, находящимся у власти, не чужды обыкновенные человеческие радости, такие как глоток чая после изнурительной игры.

3. Сцена – это «драматические» эпизоды, обычно диалоги персонажей, где повествовательное и историческое время совпадают.

«И когда Владимир Путин выходил на площадку, спросил у него, где Вячеслав Фетисов и может, это его тут все-таки не хватает для победы, которая уже казалась сомнительной.

– А вроде же был в первом периоде! – удивился президент. – Да точно был, я же видел!

– Не было... – сокрушенно сказал один из тренеров Ночной хоккейной лиги. – В Америке он. Или на полюсе.

– Каком? – удивленно переспросил президент.

– Северном или Южном, – уточнил тренер.

– А-а... – кивнул Владимир Путин.

– Наверное, с Касатоновым перепутал, – подумав, констатировал тренер, когда президент уже стоял на вбрасывании» [Колесников 2019].

Благодаря «сцене» читатель становится незримым свидетелем диалогов, произошедших на мероприятии, что также нацелено на создании у читателя ощущения своей причастности к нему. Подобное неформальное и ироническое оформление высказываний персонажей нарратива позволяет читателю ощутить приватность обстановки и почувствовать свое привилегированное положение – он как будто находится рядом с президентом.

4. Резюме – краткое подведение итогов повествования.

Резюме в тексте Колесникова отсутствует, что наводит на мысль о том, что он специально уходит от оценки того, что было пересказано им ранее. Автор не берется брать на себя ответственность анализировать то, что он видел и слышал в обществе президента. Таким образом, Колесников внутренне дистанцируется, чтобы не говорить за кого-то и – как результат – он лишает инстанцию повествователя абсолютной глубины.

Повествователь – значимый субъект нарратива, он его создает, поэтому его личное отношение к излагаемому является важнейшим аспектом нарративного текста. Ж. Женетт, исследуя вопрос положения нарратора, предлагает выделять такие категории, как «дистанция» и «перспектива»: «Мое видение некоторой картины зависит своей четкостью от дистанции, которая меня от нее отделяет, а своей шириной – от моей позиции по отношению к тем частичным преградам, которые в большей или меньшей степени заслоняют ее от меня» [Женетт 1998: 388].

Проблема «дистанции» была впервые поставлена Платоном в его труде «Государство», где он противопоставил две нарративные модальности в зависимости от лица, от которого автор излагает события. Так, если нарратор демонстрирует, что говорит не он сам, а кто-то другой, то это «чистое повествование», если же повествование осуществляется от первого лица – это «собственно подражание» или «мимесис». Таким образом, чистое повествование будет восприниматься более дистанционно, нежели «подражание». В миметических текстах изложение более детализировано и ощущается минимальное присутствие повествователя. Миметические тексты признаны наиболее воздействующими на аудиторию – благодаря им читатель неосознанно отождествляет себя с персонажем, от лица которого ведется повествование, а, следовательно, подвержен большему воздействию.

Колесников описывает события от первого лица, то есть миметически, что позволяет читателю идентифицировать себя как соавтора и воспринимать нарратив через его фигуру, достигая эффекта максимального присутствия и вовлечения читателя: *«Владимир Путин вышел в первой смене и забил, можно сказать, быстрый гол. Я подумал, что сегодня, похоже, будет все как обычно, пойдет, так сказать, по накатанной, и что шток восемь-то он набьет точно»* [Колесников 2019].

В тексте встречаются иронические оценки. Тактика Колесникова такова: давая первоначальную оценку, он тут же ее дезавуирует: *«Сергей Шойгу забил, можно сказать, красиво, но и Алексей Дюмин, надо сказать, не сильно сопротивлялся»* [Колесников, 2019]. Такие замечания, как «можно сказать», «надо сказать» – демонстрируют инстанцию наблюдателя, который видит больше, чем показывает. Автор не желает публично оценивать видимое им на льду однозначно.

Колесников использует цитатный способ оформления речи персонажей нарратива, что создает для читателя атмосферу абсолютной включенности, автор будто бы объективно описывает обстановку.

С точки зрения представления персонажа в нарративе выделяют:

1. нулевую фокализацию – повествование ведется от всевидящего рассказчика, который знает и говорит больше, чем любой персонаж;

2. внешнюю фокализацию – повествователь говорит меньше, чем знает отдельный персонаж;

3. внутреннюю фокализацию – повествователь говорит только то, что знает конкретный персонаж.

В свою очередь внутренняя фокализация подразделяется на следующие виды:

1. фиксированная фокализация – повествование изображено с точки зрения одного героя;

2. переменная фокализация – нарратив представлен с точки зрения то одного персонажа произведения, то с позиции другого;

3. множественная фокализация – одно и то же событие повествования упоминается много раз с точки зрения разных персонажей [Женетт 1998: 207].

Колесников использует внутреннюю фиксированную фокализацию, т.е. читателю известно лишь то, что знает журналист, не более. Автор не берется домысливать то, что думает президент.

Р. Барт в работе «Введение в структурный анализ повествовательных текстов» предлагает категорию «информанты» (например, возраст героя), которая сообщает несущественные для данного нарратива сведения, но при этом помогает создать иллюзию подлинности описываемого и «укоренить вымысел в действительности» [Барт 1987: 416]. Весь нарратив Колесникова построен на эксплуатации этой категории, что, несомненно, является одним из важнейших условий популярности его материалов у читателей.

Непосредственное влияние на развитие нарратологии оказало исследование В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», в котором автор раскрывает строение сказок и разбирает их описание по составным частям. В.Я. Пропп выделил крупные функции, которые образуют сказочный текст, и дал им названия – Подвох, Вредительство, Борьба, Договор, Соблазнение и т.п. Помимо этого, он классифицировал персонажей, опираясь на круги действий, которые им свойственны. Таким образом, появились названия – Отправитель, Даритель волшебного средства, Помощник, Вредитель и т.п. [Пропп 2001: 34].

С точки зрения В.Я. Проппа, каждый персонаж может быть агентом последовательности, которая состоит из совершенных им поступков. Так, если вцепочке задействованы два персонажа, то в ней присутствует два обозначения одного и того же поступка (то, что в перспективе одного персонажа является Вредительством, в перспективе другого оказывается Обманом). При этом персонажи распределены попарно: субъект / объект, помощник / противник [Пропп 2001: 54].

В анализируемом нами репортаже можно заметить, что Путин не является главным героем нарратива. Место центрального персонажа занято С.Г. Шойгу. В ситуации, когда Министр обороны оказался не на шутку раздражен действиями соперников по команде (антагонистов), Путин для разрядки обстановки предложил забить решающий буллит Шойгу, т.е. он выступил в роли Дарителя.

Колесников выполняет функцию медиатора, т.е. помогает наладить связь между читателем и президентом. Его тексты выглядят ироническими и критическими, но оказывается критики в них мало.

Применяя такие приемы, как «сцена» и «информанты», автор помогает добиться эффекта максимального присутствия читателя. Колесников воссоздает ситуации, не высказывая прямо собственное мнение, оставляя, таким образом, видимую объективность излагаемого. Такая позиция выбрана автором нарочно: это обеспечивает ему возможность быть одним из самых читаемых журналистов, оставаясь при этом угодным своему высокому начальству.

Список литературы

Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.

Женетт Ж. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.

Иссерс О.С. «Кремлевский репортаж»: старый жанр в новой рамке. Журнал Политическая лингвистика. Выпуск № 3 (41), 2012. С. 27–35.

Колесников А. Суровый бой вели ледовые дружины. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4207766> (Дата обращения: 08.07.2020).

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, 2016. 704 с.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 145 с.

Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.

Рикер П. Время и рассказ. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 224 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

S.V. Yakova

Master Student of Philological Faculty
PermStateUniversity

NARRATIVE STRATEGIES OF JOURNALIST ANDREY KOLESNIKOV

The article analyzes the journalistic report of Andrey Kolesnikov who has been reporting on the work of Russian president for twenty years. The analysis based on the classic concepts of narrative researchers makes it possible to identify the communication strategies of this journalist and determine what techniques allow him to satisfy the audience needs without displeasing the authorities.

Keywords: narratology; narrative; communication strategies; ironic reportage; text; author.

Ольга Андреевна Гусева,
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
gusevafsb@yandex.ru

Любовь Вячеславовна Емельянова,
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
895192205191@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП)

Статья посвящена изучению особенностей восприятия китайских иероглифов. Объектом исследования выступает феномен детерминативного ключа. Установлено, что знание ключевой графемы положительно влияет на понимание смысла иероглифов даже теми людьми, которые абсолютно не знакомы с китайским языком. В статье исследованы особенности восприятия иероглифов разными возрастными группами, на основании чего выделен оптимальный возраст для изучения китайской письменности с использованием методики запоминания через графемы.

Ключевые слова: китайские иероглифы, детерминативная графема, восприятие иероглифов.

Китайский язык в контексте современной политической и экономической ситуации становится все более популярным в странах, поддерживающих дружественные отношения с КНР, и особенно – в России. Но если английский и другие языки романской языковой группы довольно легко усваиваются большинством русских учеников, то язык Поднебесной, а в частности – иероглифическая письменность, представляют серьезные трудности для изучения. Основных причин две. Первая заключается в том, что в настоящий момент существует мало эффективных методик обучения («Методика преподавания иероглифики является одной из наименее разработанных видов речевой деятельности в российской и зарубежной методике» [Макаренко 2017а: 1]). Вторая причина нам видится в сложности самого китайского языка, а точнее – в особенностях восприятия китайской иероглифической письменности, не имеющей ничего общего с письменностью романских языков.

Первая трудность, с которой сталкиваются носители русского языка при изучении китайской письменности – сложное для запоминания написание иероглифического знака с помощью множества составляющих его черт. «Чтобы

обозначить что-либо, знак должен быть чувственно воспринимаем... материальность является обязательным свойством знака» [Солнцев 1997: 115]. А для носителей индоевропейских языков из-за особенностей системы письменной речи большинство иероглифов теряют свою материальность из-за множества неподдающихся классификации комбинаций графем – минимальных значимых частей иероглифа. Такая структура иероглифа приводит к сложности различения похожих по написанию знаков.

Вторая трудность – большое количество необходимых для запоминания иероглифических знаков. Иероглиф, по мнению таких китайских ученых, как Люй Шусян и Чжао Юаньжэнь, является базовым элементом лексики и письменной речи [Макаренко 2017б: 83]. Кроме того, иероглиф имеет собственное звучание и написание, то есть по некоторым параметрам его можно уподобить европейским буквам. И если в самом длинном европейском алфавите – венгерском – 40 букв, то китайский словарь «Ханью да цзыдянь» («Большой китайский словарь иероглифов») содержит 54678 иероглифов. Конечно, запомнить столько символов невозможно, для повседневного общения достаточно знания 5000 иероглифов¹.

Наконец, третья нерешенная проблема заключается в сопоставлении параметров иероглифического знака – графического написания, фонетического звучания и лексического значения – в потоке письменной речи. В китайском языке, в отличие от европейских языков, нет регламентированной взаимосвязи между планом графического выражения и произношением, т.е. знание написания иероглифа не дает знания его звучания. «Обучаемый должен постоянно преодолевать трудность разорванной привычной связи знак – звучание и стремиться к установлению прямой ассоциации знак – значение» [Кочергин 2012: 102]. Отсутствие общих правил, логически соединяющих три основных параметра знака письменной речи – написания, произношения и значения, – существенно осложняет понимание омонимов. Если в русском языке омофоны имеют схожее написание, так как звучание их одинаково, то в китайском языке при разных планах содержания иероглифа будут возникать новые вариации плана графического, а соответственно, и фонетического выражения.

Все перечисленные трудности, возникающие при изучении китайского языка русской аудиторией, привели к созданию множества методик, направленных на улучшение усвоения иероглифической письменности. Однако общей методики, подходящей для всех категорий обучающихся, не существует. Связано это с тем, что самый важный инструмент при изучении китайской письменности – память. У каждого человека память имеет ряд присущих исключительно данному индивиду особенностей; соответственно, методика изучения иероглифического письма должна максимально соответствовать этим особенностям.

Наиболее распространенная методика освоения китайских иероглифов – это многократное прописывание. Данный метод носит экстенсивный характер, следовательно, занимает много времени; подходит для обучения обладателей хорошо развитой моторной (механической) памяти. Необычной и довольно сложной является методика «загадок», которые «тесно связаны с формой, про-

изношением или значением китайских иероглифов» [Бахтина, Бочкарева 2015: 101]. Суть этой методики заключается в зашифровке написания иероглифа посредством описания его смысла, внешнего вида или последовательности начертания его графем (ключей). Использование стикеров эффективно для освоения бытовой лексики: листочки с изображением иероглифов наклеиваются на соответствующие по значению окружающие обучаемого предметы. Все большую популярность приобретают мнемотехнические методики, привлекающие необычностью и наглядностью [Катышев, Мартемьянов 2015]. Расширять словарный запас рекомендуется с помощью метода составления ментальных карт, когда выстраивается кластер из множества слов с общим семантическим полем [Просвиркина, Стулей 2018].

Мы рассмотрим более подробно еще одну методику освоения и запоминания китайских иероглифов – методику изучения ключей². Данная методика основывается на том, что учащийся сначала запоминает написание и значение ключей, а затем учится распознавать их в составе иероглифа. Таким образом, усваивается не только начертание, но и внутренняя семантическая структура. Несмотря на то, что по мнению Д. Задорожных, этот метод является «на сегодняшний день одним из наиболее используемых» [Задорожных 2014: 84], упоминаний и рекомендаций о нем в отечественной научной и учебной литературе немного. В основном методика изучения иероглифов через ключи известна благодаря учебному пособию Чжана Пэнпэна «Быстрое овладение китайским языком».

Отдельно в составе иероглифа выделяют такую графему, как детерминативный ключ. Этот компонент также называется ключевой графемой, которая определяет «понятийное содержание семантического поля иероглифа» [Кочергин 2012: 106]. Располагается детерминативный ключ, как правило, в левой части идеографического иероглифа, или же в нижней части фоноидеографического иероглифа (в таком случае он называется фонетиком). В первом случае ключевая графема «является надежным мотиватором смысловых значений» [Кондрашевский 1998: 103], а во втором случае может определять звучание всего знака. Следует отметить, что «фонетик в большинстве случаев определяет не только звучание иероглифа, но и имеет определенную семантику» [Пруцких 2003]. В нашем эксперименте мы будем опираться на иероглифы исключительно идеографического типа (см. Таблица 1). Во-первых, они более понятны носителям русского языка в силу символичности и содержания определенного образа. Во-вторых, «идеография является одним из главных способов создания иероглифов» [Пруцких 2003].

Безусловно, в силу особенностей идеографии графемы связаны между собой. Наличие этой связи отрицать сложно, однако «формальные и семантические отношения между частями сложного иероглифа не были до сих пор широко рассмотрены, и исследования в этой области больше носили описательный характер» [Пруцких 2003]. Поэтому на основе вышеописанного метода изучения иероглифического письма и, в частности, на базе феномена детерминативного ключа, мы попытались изучить особенности восприятия иероглифов на примере разных возрастных групп.

Описание эксперимента. В исследовании особенностей восприятия китайских иероглифов носителями русского языка был использован метод онлайн-анкетирования. Респондентам, не знакомым с китайским языком, было предложено написать примерный перевод иероглифа. Всего для проведения эксперимента было отобрано 40 иероглифов, поделенных на 8 групп с общим детерминативным ключом (пример 2-х групп см. Таблица 1). Данные иероглифы выбирались на основании соответствия следующим критериям: распространенность; идеографичность; обозначение окружающих предметов и предметов, понятных обыденному сознанию; небольшое количество черт.

Таблица 1

Использованные в анкетах ключи и иероглифы

Ключ	иероглиф	Значение	Ключ	иероглиф	Значение
日 солнце	明	Календарный месяц	1 человек	你	Ты
	昌	Цветущий, обильный		伴	Друг (товарищ)
	旱	Засуха, жара		伙	Работник
	旦	Рассвет		们	Мы
	眩	Лучи солнца		仨	Втроём

Для определения эффективности методики изучения иероглифов через графемы анкеты имели два вида. В первом давались иероглифы с переводом детерминативного ключа, а во втором – без перевода. Таким образом, респонденты из группы №1 (730 чел.) должны были написать предполагаемый перевод иероглифов, основываясь на значении ключа и возникшими ассоциациями с графическим начертанием иероглифа. Респондентам из группы №2 (488 чел.) нужно было написать предполагаемый перевод иероглифов и их ключей, основываясь только на собственных ассоциациях с графическим начертанием знака. Всего в исследовании принимало участие 1218 человек от 9 до 55 лет, которые были разделены на шесть возрастных категорий по периодизации психического развития Д.Б Эльконина (см. Таблица 2).

Таблица 2

Сведения о возрастных категориях

Возрастная подгруппа	Группа №1 (с переводом ключей)		Группа №2 (без перевода ключей)	
	Количество респондентов, чел.	Правильные переводы, %	Количество респондентов, чел.	Правильные переводы, %
9–11 лет	50	8	-	-
12–14 лет	230	13.04	140	2.86
16–17 лет	130	13.04	130	0
18–20 лет	150	22	123	5.45
21–35 лет	130	11.53	95	0
36–55 лет	70	10	-	-
Итого	730		488	

Обработка полученных результатов осуществлялась по формуле:

$$K_u = \frac{K_{p.p}}{K_o} \times 100\%;$$

где K_u – коэффициент узнаваемости;

$K_{p.p}$ – количество правильных переводов;

K_o – количество опрошенных.

Также в процессе обработки результатов анкет составлялась статистика изменения коэффициента узнаваемости (K_u) в зависимости от возраста респондентов.

Результаты. Полученные данные показывают не только возрастные особенности восприятия китайских иероглифов носителями русского языка, но и позволяют оценить эффективность методики изучения китайских иероглифов через освоение детерминативных ключей. Процент узнаваемости иероглифов без знания ключа составил 2, 5%, а со знанием ключа – 14,2%. На основании этого можно сделать вывод: методику изучения иероглифов через графемы можно эффективно использовать при изучении китайской письменности. 101 человек из 730 смогли на интуитивном уровне правильно перевести иероглиф. Логично предположить, что знание ключа поможет осмысленно закрепить в памяти и сознании значение иероглифа.

Характеристика возрастных категорий. После подсчета общего процента узнаваемости иероглифов были подробно изучены особенности восприятия в разных возрастных категориях: 9 – 11 лет, 12 – 14 лет, 15 – 17 лет, 18 – 20 лет, 21 – 35 лет, 36 – 52 года (по возрастной периодизации Д.Б. Эльконина).

Первая категория (9–11 лет) – младший школьный возраст. Мы заметили, что дети этого возраста всячески трансформируют перевод ключа, например: *горы, горе, гора, падение горы; рот, рот во рту, рот с лицом человека, рот с пистолетом*. Восприятие ребенка сосредотачивается на отдельных деталях символа, а не на иероглифе в целом. Это можно объяснить возникновением психологического новообразования, выражающегося через преобразование восприятия в наблюдение [Карабанова 2005: 214]. Однако оно еще недостаточно идентифицировано и синкретично, дети воспринимают внешние предметы и явления неточно, выделяя в них случайные признаки и особенности. Это связано с недостаточным освоением еще одного новообразования в рамках деятельностного подхода – анализа, т.е. «выделения в целом его частей, компонентов» [Карабанова 2005: 214]. Дети младшего школьного возраста с трудом усваивают абстрактные понятия, так как кроме словесного выражения они не связаны с конкретной действительностью. Причина этого заключается в недостаточности знаний о природе и обществе.

Вторая категория (12–14 лет) – период младшего подросткового возраста. В 12 лет, согласно возрастной периодизации Д.Б. Эльконина [Карабанова 2015: 218], начинается большой кризис. Р. Хевигхерст выделяет на данном этапе такие направления развития, как совершенствование абстрактного мышления и выработка системы ценностей. Также продолжается процесс интеллектуализации, на его базе развивается фантазия и воображение. Формируется «Я-концепция», рождается индивидуальное сознание. Этим можно объяснить та-

кие переводы, как: *свобода, ограничения, противоположная точка зрения*. Кроме того, мы отметили желание выделиться – некоторые переводы удивляют: *отрезали хвост Лохнесскому чудовищу, мертвая утка и ее поедает червь*. Очевидно влияние собственного опыта из обыденной жизни, например: *водонапорная башня, затопило дом, постройка лестницы с помощью гвоздей*.

Третья категория (15–17 лет) – ранняя юность. В это время восприятие реальности приобретает стабильные черты, важными новообразованиями являются ценностные ориентации в сфере идеологии и мировоззрения, а также осознание временной перспективы. Мы заметили, что у ребят этого возраста появляются более содержательные ассоциации, в одном иероглифе может уместиться целая история: *человек в телефонной будке, человек получает эмоции*. Это иллюстрирует еще одно «важное новообразование когнитивной сферы, а именно – становление формально-логического интеллекта, когнитивного стиля, дивергентного мышления, рефлексии, основанной на формальном интеллекте» [Карабанова 2005: 221].

Четвертая категория (18–20 лет) – кризис перехода ко взрослости (зрелости), или поздняя юность. Согласно теории Э. Эриксона, зрелость – это возраст совершения деяний, расцвет. Главные линии развития человека этого возраста – генеративность, производительность, созидательность. Поэтому в результатах анкет мало абстрактных трактовок значений иероглифов, коэффициент узнаваемости достигает максимума (среднее значение – 19, 3%). Это можно объяснить сильным расширением кругозора, освоением общеобразовательной программы. В 2017 году специалисты Лейденского университета провели исследование изменения активности полосатого тела мозга в зависимости от возраста, в ходе которого выяснилось, «что возраст от 17 до 20 является уникальным этапом, на котором мозг человека наиболее эффективно воспринимает информацию» [Reters S., Crome E. A. 2017]. Поэтому данный возраст наиболее оптимален для изучения китайской иероглифической письменности по методике овладения ключами.

Пятую категорию (21–35 лет) Д.Б. Эльконин называет молодостью. Мы сделали вывод, что в этом периоде абстрактные понятия философично привязываются к значению детерминативного ключа. Часто встречаются такие слова, как: *угроза, одиночество, выбор, путь, бессмертие, жизнь, работа*. Объяснить это можно тем, что «молодость рассматривается как “время путешествий”, разворачивающихся в сфере поисков себя, в своей индивидуальности, осознания себя как взрослого» [Карабанина 2005: 226].

Шестая категория (36–55 лет) – согласно Д.Б. Эльконину – взрослость (зрелость). Доминирует бытовой опыт и конкретные действия, например: *мать встречает дочь*. Это происходит в силу того, что данный период направлен на «укрепление семейных отношений, организацию дома и быта; воспитание детей и развитие родительской позиции, строительство карьеры» [Карабанова 2005: 228].

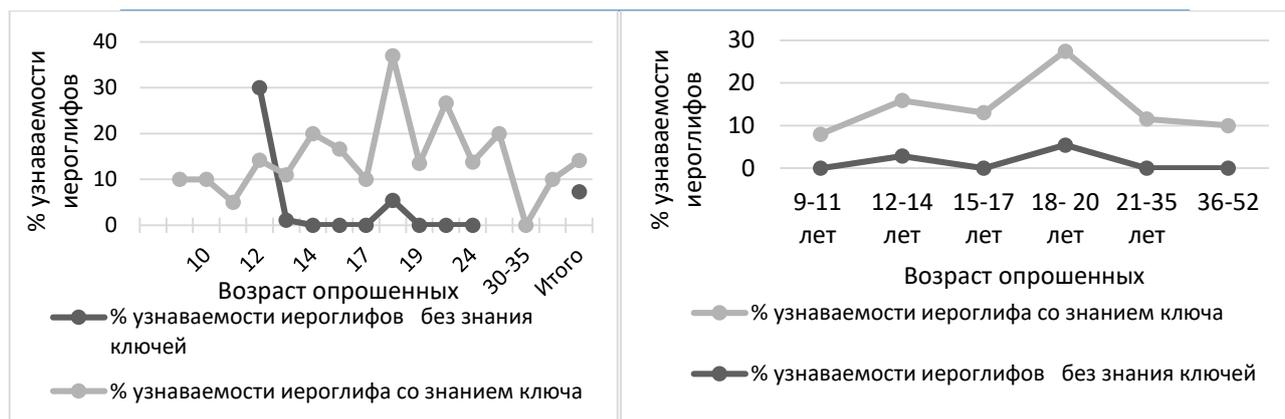

Рис. 1

Рис. 2

На графике (см. Рис.2) наглядно демонстрируется изменение коэффициента понимания иероглифов в зависимости от возраста. От 9 до 14 лет процент узнаваемости не превышает 20%, пик узнаваемости приходится на 18 лет, а после 28 лет быстро идет на спад. Следует также отметить, что уровень понимания смысла иероглифов в 9–11 лет и в 35–55 лет примерно одинаков (см. Таблица 2).

Выводы. На основании анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Методику изучения иероглифов через ключи наиболее эффективно использовать при обучении китайской письменности людей в возрасте 18 – 20 лет.

2. Знание ключей необходимо для понимания сложной не только графической, но и семантической структуры китайского иероглифа, восприятия его как единое целое.

3. В каждой возрастной категории наблюдаются свои особенности восприятия китайских иероглифов. До 18 лет, то есть до формирования личности и самосознания, иероглифы как знаки воспринимаются плохо. А детское сознание за редким исключением не может даже примерно определить смысл иероглифа. Не очень благоприятная ситуация складывается и после 25 лет, когда на восприятие накладывается рефлексия повседневных забот и проецируется жизненный опыт.

Следует отметить, что полученная в ходе исследования статистика наглядно показала особенности восприятия китайских иероглифов носителями русского языка в зависимости от возраста.

Примечания:

1. Речь идет именно об отдельных иероглифах, а не словах, которые могут состоять из нескольких знаков.

2. Компонент иероглифа, который обладает самостоятельным значением. Выделено 214 рекомендованных для запоминания ключей. Чжан Пэнпэн в пособии «Быстрое овладение китайским языком» ограничился 108 ключами. Также их называют радикалами.

Список литературы

Бахтина Е.В., Бочкарёва Н.В. Разгадывание иероглифических загадок как один из продуктивных методов изучения китайской письменности // Известия восточного Института, 2015. №26. С.100–105.

Гафарова А.Ф., Мирзиева Л.Р. Проблема освоения китайской иероглифической системы письма русскоязычными студентами-носителями алфавитной системы языка // Казанский вестник молодых ученых, 2019. №3. Том 3. С.15-18.

Задорожных Д.П. Методика преподавания китайской иероглифической письменности // Вестник науки Сибири, 2014. №1(11). С.182-187.

Карабанова О.А. Возрастная психология. Конспект лекций. М.: Айрис Пресс, 2005. 239с.

Катышев П.А., Мартемьянов Е.А. Мнемотехнические приемы в изучении китайской иероглифики // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. №4(64). С.208–211

Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике, в 2-х ч. М.: Муравей, 1998. 150 с., 104 с.

Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. 3-е изд., перераб. М.: Восточная книга, 2012. 184с.

Макаренко Л.А. Дихотомия концепций преподавания иероглифики китайского языка как иностранного // Международный научно-исследовательский журнал, 2017. №07. С.82–85.

Макаренко Л.А. Связь преподавания иероглифики китайского языка как иностранного с выделением его базового элемента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: изд-во Грамота, 2017. №9(75). Ч.2 С.192–195.

Просвиркина И.И., Стулей О.В. Обучение китайскому языку при помощи ментальных карт // ВЕСТНИК Оренбургского государственного университета. 2018. №4(216). С.56–64.

Пруцких А.А. Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом «женщина»: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. М., 2003. 141с. URL: <https://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskii-analiz-ieroglifov-s-klyuchom-zhenshchina> (дата обращения: 15.04.2020).

Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства // Вопросы языкознания. 1977. №2. С.15-27.

Peters S., Crone E. A. Increased Striatal Activity in Adolescence Benefits Learning // Nature Communication, 2017. 8:1983. Pp. 1–9.

O.A. Guseva,

Student of Philological Faculty

PermStateUniversity

L.V. Yemelyanova,

Student of Philological Faculty

PermStateUniversity

**PERCEPTUAL FEATURES OF CHINESE CHARACTERS BY NATIVE RUSSIAN
SPEAKERS (ON THE EXAMPLE OF DIFFERENT AGE GROUPS)**

The article discusses the perceptual features of Chinese characters. The research object is the so-called phenomenon of determinative key (determinative grapheme). It was found that knowledge of the key grapheme had a positive effect on the understanding of hieroglyphs meaning, even for those people who absolutely didn't speak Chinese. The article examines the perceptual features of hieroglyphs by informants of different age groups. As a result, the optimal age for learning Chinese writing was identified using the grapheme memorization technique.

Keywords: Chinese characters, determinative grapheme, perception of characters.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Десяткова К.Д. Особенности медиаматериалов издания «Washington Post», созданных роботизированными системами: смогут ли роботы заменить людей-журналистов?.....	3
Кузнецова Е.П. Актуальный комикс: опыт использования в российских и зарубежных медиа.....	10
Лекомцева А.А. Дизайн региональных СМИ во «ВКонтакте» (на материале пермских СМИ)	18
Шипулина М.П. Случай «храма-на-драме»: урбанистические медиа как инструмент формирования городских сообществ.....	24

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Иванов И.Э. Особенности литературной обработки исторического материала в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году»	30
Плотникова Д.В. «Идиот» Ф. М. Достоевского и духовная биография А. С. Пушкина.....	37
Попова А.С. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и проблема «мениппеи».....	43
Попова М.Ю. «Женский» роман в русской литературе 1850-х годов: жанрово-стилевая специфика.....	49
Третьякова-Суворова Д.А. Образ родины в лирике Алексея Ачаира.....	57
Ужегова А.А. Двойственность образа сфинкса в русской поэзии серебряного века.....	63

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОР

Побычаева А.А. «Ходить на росстань слушаться»: карагайско-сивинские варианты мифологических рассказов о святочном гадании на перекрестке.....	68
Смирнова А.В. Дневник А.Н. и Г.М. Андреевых: отраженная повседневность сельского жителя XX века.....	75

СТИЛИСТИКА, ДИСКУРС, ТЕКСТ

Жужгова М.И. Категория разговорности в художественном тексте (на материале рассказов В.М. Шукшина).....	82
Зонова А.А. Функционирование рекламы в литературном и журналистском дискурсах.....	87
Куренков Ф.Г. К вопросу об экстралингвистических основаниях религиозного стиля.....	91

Сильчина Е.В. Неологизмы «Слово года» – 2019: словообразовательный аспект.....	98
Чэн Ц. Категория времени в очерках В.М. Пескова.....	104
Шлыкова Е.Ю. Коллокации в специальном научном дискурсе: опыт дискурсивного анализа на материале отдельных текстов.....	110

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зоткина А.С. Фразеологическая характеристика речевого поведения говорящего (на материале русского и сербского языков).....	117
Кочкина Е.С. Исследование когнитивного контроля естественных билингвов по методу словесно-цветовой интерференции.....	121
Куц Е.А. Русский фразеологизм как отражение гендерных стереотипов.....	128
Мокан А.Д. Речевое поведение стендапера.....	133
Якова С.В. Нарративные стратегии журналиста Андрея Колесникова.....	140

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Гусева О.А., Емельянова Л.В. Особенности восприятия китайских иероглифов носителями русского языка (на примере разных возрастных групп).....	147
---	-----

Научное издание

Проблемы филологии глазами молодых исследователей

Материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, май 2020 г.)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов:
А. О. Черановская, А. М. Исакова, И. А. Обухова

Объем данных 2,37 Мб
Подписано к использованию 01.12.2020

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15